
ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

Корреспонденции в газете «Русские ведомости»

1915

Мимоходом

V. Неделя о подарках

— Какие теперь бои! Теперь неделя о подарках! — говорил нам шутя бородатый полковник М. на станции ***, когда мы расспрашивали его о последних боевых столкновениях.

Полковник, конечно, преувеличивал: бои далеко не прекратились. Но громадное большинство «подарков солдатам» действительно было направлено в армию ко дню нашего Рождества (по старому стилю), так что они прибывали, одни за другими, сплошь целую неделю. В [...], например, я приехал вместе с представителями петроградской еврейской общины, приславшей сюда два вагона подарков (из общего числа пяти вагонов, собранных ею). Накануне уже пришли в [...], тоже из Петрограда, два вагона с подарками от другой организации. Вслед за нами ждали два вагона, которые сопровождала г-жа Сухомлинова, супруга министра. А спустя несколько дней сюда же должны были прибыть еще два вагона из «дара Москвы»... На маленькой станции это давало впечатление непрерывного потока подарков. День за днем приходилось принимать, распределять, распаковывать, раздавать...

Сначала кажется, что даже два вагона — огромное количество вещей. Пересматривая списки, в которых значатся сотни и тысячи фуфаяк, теплых кальсон, носков, жилетов, башлыков, рукавиц и т. п., десятки и сотни пудов чая, сахара, сгущенного кофе со сливками, шоколада, карамели и т. п., миллионы папирос, кisetов с табаком, пачек махорки и т. д., и присутствуя при выгрузке из вагона бесчисленного числа ящиков всяких форм и величин, думаешь, что этим можно оделить целую армию. Весьма скоро, однако, на опыте уверяешься, что всего этого — вовсе не так много, или, вернее, узнаешь, что потребность в армии в разных вещах так велика, что никакая щедрость не будет для нее чрезмерной.

Разумеется, всем необходимым наша армия обеспечена: Россия — не Турция. Но за пределами «необходимого» есть много такого, без чего обходиться человеку если не «трудно», то «грустно». В объявлениях и призывах к пожертвованиям Красного Креста, Всероссийского союза городов, московского городского управления и других было достаточно убедительно рассказано, как во многом еще нуждаются наши

солдаты. Там необходима обувь, там — теплое белье, там — консервы, соль, чай, сахар; везде — табак; всем — какие бы то ни было лакомства, скрашивающие однообразный казенный паек. Наконец, везде и всем нужен самый факт подарка как знак, что Россия помнит о своей армии, а не повернулась к ней спиной, послав солдат биться с врагом, а сама занявшись своими обычными делами. «Подарки солдатам», рождественские и всякие другие, бесспорно, дело нужное и хорошее.

И вот, как только в [...] мы приступили к распределению подарков, так тотчас обнаружилось, что два вагона поистине — «капля в море». Представители еврейской общины, приехавшие с подарками, получили в штабе корпуса указания, каким именно частям войск подарки должны быть розданы. Несмотря на то офицеры разных полков то и дело обращались ко всем нам с просьбой похлопотать в штабе, чтобы и на долю их частей что-нибудь досталось. [...] «Наш эскадрон только что вернулся из боя, — говорил другой, — все солдаты обносились; пока-то выдадут новые вещи, а надо сейчас, сию минуту, кому башлык, кому шапку, кому белье»... «Жалко солдат, — просил третий, — сколько тысяч верст проехали и — прямо в бой: хочется порадовать их хоть табаком, нельзя ли уделить и нам сколько-нибудь?» Как было отказывать на такие просьбы!

С нами было два миллиона папирос: количество, казалось бы, громадное. [...] Между тем папиросы — единственная доступная и позволительная солдатам роскошь в тяжелой походной и окопной жизни. И курящим нужны папиросы не как случайное лакомство, а на каждый день, постоянно... Что же составляли наши «два миллиона»? Они должны были «дымом развеяться» еще до окончания праздников!

Позднее мне пришлось участвовать в отправке и раздаче подарков солдатам в разных других пунктах. Везде было то же, что и в ***. Несмотря на то что «неделя подарков» праздновалась по всему фронту, несмотря на то что ежедневно прибывали все новые и новые вагоны с подарками со всех концов России (известно, например, что один «дар Москвы» составлял целый поезд в 30 вагонов), — всюду потребность превышала то, что могли дать жертвователи. Всюду представители полков обращались с просьбой не обойти и их части, и было что-то глубоко трогательное в этой заботе офицеров о своих солдатах, в желании помочь им и порадовать их подарком, пришедшим из глубины России.

Раздаче подарков способствовало боевое затишье, наступившее за последние дни на всем фронте. Затишье это пришло как-то неожиданно. Перед рождественской ночью по новому стилю на многих позициях наши солдаты обращались к офицерам с просьбой — не тревожить в этот день немцев, дать им мирно встретить праздник. «Они хоть нам и враги, но все-таки праздник у них великий», — так приблизительно рассуждали солдаты. Этот великодушный порыв был жестоко обманут. Отодвинув утомленные войска в тыл, немцы именно в свой сочельник подвели на позиции свежие силы и во многих пунктах предприняли, не считаясь с праздником, ряд яростных атак. Может быть, немцы рассчитывали захватить нас врасплох. Как известно, этого не случилось, и все атаки были отбиты раздраженными и озлобившимися солдатами...

Можно было ожидать, что под наше Рождество повторится то же самое. Но немцы за две недели переменили свою тактику. Они временно как бы отказались от наступления и все силы устремили на укрепление своих позиций.

Вот уже четырнадцать дней, как немцы почти только и делают, что исправляют свои старые окопы, оставшиеся от первого похода на Варшаву, роют новые, возводят форты, протягивают сети колючей проволоки. Если такая работа будет продолжаться, немцы отгородятся в Польше такой же заставой, какой они прикрыли себя во Франции, «зароются в землю», как кроты. Уже теперь почти протянулась живая цепь людей от Балтийского моря до Карпат, и военные действия на нашем фронте грозят принять ту новую форму, которую окрестили именем «позиционной войны»...

Как бы то ни было, эта новая тактика немцев повела к тому, что праздники прошли сравнительно спокойно. В двух-трех пунктах предпринимались, правда, атаки и в сочельник, и в первый день Рождества, но то было исключением. В том районе, где пришлось встретить Рождество мне (на станции ***), господствовало затишье полное. Это и дало полковнику М. говорить шутя, что никаких боев нет, есть только подарки. А один солдат, ветеран японской войны, смущенный бездействием немцев, серьезно уверял меня, что это «неспроста». [...] Наша разведка к тому же обнаружила и заметное ослабление сил противника в этом районе...

Благодаря этому боевому затишью раздача рождественских подарков обратилась везде в настоящий «праздник». Солдаты успели несколько отдохнуть от непрерывных боев, могли хорошенько помыться, приоделись по-праздничному. Всей нашей армией овладело не то что доброе расположение духа, но прямо какое-то детски-праздничное настроение, и подарки принимались солдатами тоже с чисто детской радостью. Так, где удавалось лично присутствовать при раздаче, нельзя было не чувствовать себя тронутым, видя, как эти испытанные, уже закаленные в боях уральцы, сибиряки, донцы, дети всех русских губерний, привыкшие стоять под гранатами и идти в бой под дождем шрапнели, словно толпа школьников, теснились вокруг раздающего, тянули руки, стараясь попасть в первые ряды. Напрасно офицеры добродушно-суровыми окриками пытались удержать солдат, напоминая им, что подарков хватит на всех: каждому хотелось поскорее получить свой кисет, свою пачку папирос, свой мешок с бельем. Выходила теснота, давка, люди ругались между собой, но видно было, что всем весело, — мало того, — что все счастливы.

Сотни тысяч открыток, нацарапанных непривычной рукой, скоро разнесут солдатскую благодарность по всей России. Но и те, которые не сумеют или не смогут выразить своей благодарности письменно или не будут знать, кому ее адресовать, наверное, так же глубоко выскажут ее без слов, раскуривая подаренную папиросу или надевая свежую фуфайку на грудь, может быть уже не раз оцарапанную осколком шрапнели. Надо еще раз представить себе боевую жизнь солдата: дни в сырмом, мерзлом окопе, постоянные перестрелки, заставляющие все время до крайности напрягать нервы, ночные атаки немцев, любящих прикрывать свои нападения темнотой и туманом, беспокойный сон в течение 2–3-х часов, не более, — надо еще раз представить себе все это, чтобы понять, какую радость могут принести рождественские подарки. Грозная и вместе с тем однообразная жизнь на войне развивает в человеке полное равнодушие к смерти как к слишком обычному явлению; но эта жизнь делает и особенно чувствительным к малейшей радости, нарушающей монотонность дней, превращает самое маленькое радостное событие в какое-то

огромное счастье. Право, не всегда дети так радуются первой елке, как радовались иные солдаты, получая свои подарки, пришедшие к ним от неизвестных, далеких друзей.

Жертвователи могут быть довольны и сознавать себя удовлетворенными. Они достигли именно того, к чему стремились: внесли «луч света» если не в «темное царство», то в сумрачную, суровую обстановку боевой жизни солдата. Пусть знают жертвователи, что все ими присланное пошло на пользу и принесло свою долю радости. Солдат почувствовал себя не одиноким, не забытым, понял, что за его трудами, тяготами и лишениями с сочувствием следит вся Россия. Это, быть может, — самое важное, и ради одного этого стоит и должно посылать «подарки». Будем помнить, что велика наша армия, как велико и ее дело, и постараемся, чтобы каждому солдату достался хотя бы один «подарок», чтобы не осталось ни одного обделенного, обойденного вниманием. Но чтобы исполнить этот наш долг, нужно еще много и много «вагонов». Будем же неустанно отправлять их, посылая наш привет и нашу благодарность тем, кто защищает и нас самих, и все будущее России.

Варшава, 29 декабря

Немецкие оправдания

Совершив свое разбойничье нападение на Бельгию, опустошив и разграбив ее и объявив (пока еще неофициально) все королевство присоединенным к Германской империи, немцы стали *post factum* подыскивать оправдание своему поступку. Заняв Брюссель, они перерыли все оставшиеся там архивы, стараясь найти документы, которые можно было бы истолковать как нарушение Бельгией ее нейтралитета. В конце концов поиски увенчались известным успехом: нашелся документ, которому немецкая изворотливость постаралась придать желательный немцам смысл. Тотчас на стенах домов в Брюсселе и в других больших бельгийских городах появились огромные афиши-объявления. Немцы оповещали бельгийцев и весь мир, что уличили Бельгию в предательстве. Оправдание преступлению было найдено, и немцы порешили, что отныне они могут спать спокойно (как-никак, их должно было смущать сознание, что все человечество видит в Германии преступную нарушительницу трактата, ею самой подписанного!).

В чем же, однако, состоит это оправдание? Что за документ разыскали немцы в разгромленных ими брюссельских архивах? Некоторое время это оставалось неизвестным, так как немецкие сообщения отличались крайней неопределенностью. Говорили о каком-то договоре с Францией, по которому Бельгия соглашалась пропустить через свою территорию французские войска в случае войны с Германией. Теперь дело вполне выяснено, и я имею возможность на основании самых достоверных источников изложить его подробности.

В 1906 году английским военным представителем (атташе) в Брюсселе был полковник Бернардистон. Ему понадобились различные сведения о бельгийской армии. То было как раз время, когда в Бельгии проводились некоторые военные реформы, имевшие целью увеличить численность армии. Бернардистон, не желая пользовать-

ся какими-либо косвенными путями, обратился непосредственно к генералу Дюкарну, начальнику генерального штаба при военном министерстве. На расспросы английского военного представителя генерал Дюкарн откровенно объяснил, что отныне состав бельгийской армии будет доведен до 180 000 человек, что мобилизовать ее можно будет в 4 дня (все это подтвердилось в настоящую войну) и т. п. В конце беседы полковник Бернардистон сказал:

— Кроме того, в случае нападения на вас вы можете рассчитывать, что Англия пошлет на помощь Бельгии экспедиционный корпус в 100 000 человек.

— Благодарю вас, — ответил генерал Дюкарн, — но это будет, конечно, в том случае, если Бельгия сама попросит о помощи.

Надо заметить, что в Бельгии существовало два разных взгляда на характер ее, гарантированного ей державами и *обязательного для нее* нейтралитета. Одни считали, что державы, *обязав* Бельгию (при акте признания нового королевства) сохранять вечный нейтралитет, в то же время взяли *на себя* обязанность защищать его. С этой точки зрения Бельгия в случае нападения на нее должна была ограничиться формальным протестом, сама не действовать (так как «состояние войны» противоречит понятию вечного нейтралитета) и ждать помощи со стороны держав, подписавших трактат о ее независимости. Другие, напротив, считали такой образ действия постыдным и недостойным суверенного государства. По их убеждению, Бельгия должна была своими собственными силами, с оружием в руках защищать свой нейтралитет (который должен пониматься только как воспреещение вести войны агрессивные): под Льежем — от Германии, под Намюром — от Франции, под Антверпеном — от Англии. Эти убеждения разделял король Леопольд II, говоривший, что бельгийская армия невелика, но зато невелика и территория, которую придется оборонять этой армии. На той же точке зрения стоял и генерал Дюкарн, чем и объясняется его горделивый ответ полковнику Бернардистону.

Во всяком случае, в 1906 году между Дюкарном и Бернардистоном проходил только разговор. Хотя оба они занимали высокое «положение» при своих правительствах, ни тот, ни другой не были облечены полномочиями заключать какие-либо договоры между двумя государствами. Оба высказали свое личное мнение и ничего больше.

Но несколько дней спустя генерал Дюкарн счел своим долгом сообщить о своем разговоре с английским представителем — военному министру. Был составлен доклад, в котором подробно излагался весь разговор и между прочим приводились слова Бернардистона о помощи со стороны Англии армией в 100 000 человек. Этот доклад и был найден немцами при их усердных «раскопках» в брюссельских архивах, и на нем-то Германия основала все свое оправдание.

Urbī et orbī афишами-объявлениями, расклеенными по всей Бельгии, немцы объявляли, что еще в 1906 году бельгийцы заключили военный союз с Англией, явно направленный против Германии. Следовательно, — умозаключили немцы, — Бельгия сама, первая, нарушила свой нейтралитет, и немцы имели право не считаться с ним. Пренебрегши гарантированным нейтралитетом, ища помощи у одной из держав, Бельгия сама отказалась от защиты международного трактата, и потому Германия права, воюя с ней и поступая с ней как с завоеванной страной.

Опровергать немецкие доводы вряд ли стоит. Во-первых, международные договоры не заключаются военными представителями и начальниками штабов. Во-вторых, обещание помощи в случае нападения не есть вступление в военный союз. В-третьих — и это самое важное, — немцам, когда они напали на Бельгию, нарушая подписанный их же правительством трактат, даже этот пресловутый доклад генерала Дюкарна еще не был известен. Следовательно, преступление немцами все же было совершено. И то обстоятельство, что для оправдания его немцами приходится ссылаться на столь ненадежные доказательства, только подчеркивает, как трудно Германии найти вообще какое-либо оправдание.

Пока не был известен характер документа, на основании которого немцы говорили о военном союзе, будто бы существовавшем между Бельгией и Англией, оставалось место для некоторых сомнений. Можно было думать, что Бельгия действительно искала поддержки в Англии, зная определенное решение Германии — силой провести свои войска в случае войны с Францией через бельгийскую территорию. В настоящее время, когда выяснилось, что это за документ, можно твердо говорить, что преступление Германии не имеет никаких оправданий: это просто — разбойничье нападение более сильного на более слабого. И лицо, сообщившее мне данные, изложенные в моей заметке, и прекрасно осведомленное в делах Бельгии, уверенно говорило мне:

— Честность — отличительное свойство бельгийцев. Бельгия дала слово соблюдать нейтралитет и всегда соблюдала его, хотя не всегда это было ей легко и выгодно. Никаких военных договоров ни с кем Бельгия не заключала. Пусть немцы перероют все архивы всех стран, они не найдут никакого документа, который действительно оправдал бы хоть в слабой мере их неслыханное поведение, возбудившее негодование всего мира.

С подарками **Поездки на передовые позиции¹** **I. Ночной бой**

Началась наша поездка с того, что мы заблудились. Как ни странно и не смешно заблудиться, путешествуя в автомобиле, в 30-ти верстах от Варшавы словно в каком девственном лесу, но положение наше оказалось не из приятных. Была ночь; небо в облаках; темь такая, что уже в пяти шагах все исчезало; автомобильный фонарь едва освещал сажени две впереди. Шоссе было нами утеряно, и наш

¹ Как известно (см., напр., мою заметку «Неделя о подарках»), в течение рождественских праздников по всему нашему северо-западному фронту непрерывно развозились подарки солдатам, пожертвованные и собранные различными организациями. Благодаря любезности представителей некоторых из этих организаций я имел возможность принять участие в ряде поездок на передовые позиции, предпринятых для распределения и раздачи подарков. Так, напр., по приглашению О.О. Гузенберга я участвовал в поезде представителей петроградской еврейской общины; по приглашению г-жи -вой — в поездке с подарками, собранными для 220-го С-аго полка (который, кстати сказать, просил и меня повторить выражения его благодарности жертвователям: комитету по снабжению передовых позиций табаком, всероссийскому земскому союзу, т-ву И.Д. Сытина, т-ву А.И. Абрикосова С-вей, М.Н. Бостанжогло и др.); развозил также подарки, которые «предназначались» некоторым лицам и учреждениям.

мотор подпрыгивал по мерзлым рытвинам проселка, похожим на гряды в полях с клубникой. Местами встречались огромные выбоины с водой, затянутые тонким ледком. Когда автомобиль попадал в них, надо было выходить и, стоя в глубокой грязи, налегая плечом, вытаскивать машину собственными силами. От встречных польских крестьян нельзя было добиться никакого толку. Одни на все расспросы отвечали коротко: «Не веем» (не знаю), другие уверяли, что до шоссе «две версты не полные» и должно ехать «просто» (прямо); третьи — что должно повернуть назад и до шоссе «две мили» (14 верст), и т. д. В конце концов мы положились на волю случая и предоставили автомобилю прыгать по буграм и обледенелым колеям в надежде, что машина выдержит испытание, а большая дорога куда-нибудь приведет.

Конечно, мы были сами виноваты в своих злополучиях. По разным причинам мы выехали из Варшавы сравнительно поздно, часов в 5 дня. На беду шофер попался с местностью незнакомый. Уже в дороге выяснилось, что он намерен везти нас в N (цель нашей поездки) кружным путем, так что пришлось бы сделать верст 50 лишних. Мы запротестовали, справились при свете электрического фонарика с автомобильной картой Польши (*Carte «nrзб.»* — великолепное издание автомобильного клуба) и заставили свернуть на другую дорогу, гораздо более близкую. Однако эта близкая дорога имела тот недостаток, что по ней надо было сделать версты три проселком. Попав на проселок, мы, очевидно, ошиблись где-нибудь поворотом и уже не могли выбраться на шоссе: проехали не три версты, а, может быть, 10 или 12 верст, но местность кругом становилась только глуше и безлюднее. Стоило автомобилю совсем застрять в одной из выбоин, и мы принуждены были бы заночевать в поле.

И вот тогда, когда мы досадовали сами по себе и на весь мир, неожиданно довелось нам стать свидетелем исключительного зрелища, грозного и торжественного. Вздорные невзгоды пути, разумеется, позабудутся скоро, он та картина, которую мы тогда увидели, сделает для нас навсегда памятной ту ночь. И вряд ли нам удастся наблюдать то же самое второй раз в жизни...

Внезапно слева от нас на горизонте вспыхнул свет и на миг, как молния, озарил пустынное, беспредельное поле с редкими кучами деревьев. Тотчас за тем до нас докатился раскат отдаленного залпа. За первой вспышкой последовала другая, третья... То по всему нашему фронту загорался (для нас в буквальном смысле «загорался») бой. Словно зарницы, «что ведут беседу меж собой», стали сверкать белые озарения на громадном протяжении кругозора. Там и здесь над далью стали вырываться столбы красноватого пламени. Розоватые огоньки как гигантские «римские свечи» взлетали ввысь. Иногда тьму прорезывала еще сигнальная военная ракета, строгая, белая, не рассыпающаяся искрами, как ракета увеселений. Раза два по сумраку пробегал широкой полосой сноп света прожектора и, описав полукруг, исчезал под горизонтом. Казалось, что вся твердь полыхает, колыхается, сверкает разноцветными лучами... Забыв на минуту, что эти огни — отсветы боя, в котором гибнут десятки и сотни человеческих жизней, мы все невольно обернулись в одну сторону и залюбовались зрелищем небывалого, грандиозного фейерверка.

Мы знали, конечно, что дорогой ценой куплена красота этого небесного пожара. Белые вспышки были выстрелы тяжелых орудий; красноватые языки пламени — полеты гранат; взлетающие ввысь розоватые огоньки — разрывы шрапнелей. В ту ночь немцы еще раз пробовали перейти Равку; поддерживаемые своей артиллерией, они пытались навести мосты и шли вброд через студеную декабрьскую воду. Наши войска встречали неприятеля ответным огнем; тяжелые орудия «нащупывали» вражеские батареи и «заставляли их замолчать», прожекторы обнаруживали тайные передвижения отрядов, ракеты подавали сигналы с одной позиции на другую и т. д. ... То, что для нас представлялось как грозная, но величественная иллюминация, было одним из тех титанических боев, которые более не изумляют, не потрясают лишь потому, что повторяются ежедневно. И на другой день нам предстояло прочесть в донесении штаба Верховного Главнокомандующего лаконические, но много значащие слова: «В течение ночи 29-го декабря продолжались ставшие обычными за последнее время попытки немцев атаковать небольшими частями отдельные участки нашего расположения. Однако все эти атаки легко отбиваются нашим ружейным и артиллерийским огнем с нанесением противнику крупных потерь».

Долго не могли мы оторвать глаз от картины ночного боя... Между тем наш автомобиль уже выбрался на настоящую дорогу и плавно покатился по шоссе между двумя рядами частью срубленных, частью уцелевших ветел. Потом впереди нас замелькали более скромные огоньки в окнах домов. То был Ж., городок, в котором можно было найти приют на ночь. Через несколько минут мотор запрыгал уже по мостовой «главной улицы». Согласно с местными порядками надо было ехать к этапному коменданту, чтобы получить разрешение заночевать в городе. После того надо было разыскать себе помещение, так как два городских «отеля» были, конечно, переполнены. Чуть ли не чудом нашлись две свободные комнаты в местном клубе, превращенном на время войны в гостиницу и ресторан. Но и на улицах, и за ужином, и в постели нас все еще преследовали звуки пальбы. Так мы и заснули под отдаленную канонаду, а над полями небо продолжало пылать и колыхаться...

Позднее мы узнали, что бой длился всю ночь и стих только к 4 часам утра.

Варшава 3-е января

С подарками **Поездки на передовые позиции** **II. В сфере огня**

Ночь мы провели в Ж., маленьком городке, непосредственно за которым проходит «третья линия» наших окопов и уже начинается сфера военных действий. Приехали мы темной, ненастливой ночью, но к утру погода «разгулялась». День выдался ясный, светлый, опять словно апрельский, и на нежно-голубом небе не виднелось ни облачка. Однако это не было залогом безопасности пути: если темные ночи служат немцам для атак на наши позиции, то ясными днями они пользуются для воздушных разведок и нападений.

Утром нам надо было сделать несколько поездок по городу: кое-что закупить, получить сведения от этапного коменданта о местонахождении полка, в который мы везли подарки, узнать на железнодорожной станции о судьбе самого вагона с подарками. И едва мы выехали на «главную улицу», как уже увидели над своими головами два немецких аэроплана. Паря на умеренной высоте, немцы спокойно кружили над городом, что-то высматривая или выбирая подходящее место, чтобы сбросить свои бомбы и стрелы¹. Прохожие не без опасения поглядывали на залетевших «голубей», и более предусмотрительные укрывались под воротами и в магазинах. С окраин города слышался треск ружейных выстрелов; солдаты усердно обстреливали летающих немцев.

Пока мы ездили по Ж., немецкие аэропланы упорно держались над городом. И приблизительно в то время, когда мы отправились дальше, в Г., где стоял штаб разыскиваемого нами полка, немцы также полетели в том же направлении, параллельно шоссе. Нельзя сказать, чтобы эти незванные спутники были нам особенно по сердцу. Но нас успокаивало сознание, что воздушные разбойники вряд ли станут тратить запас своих бомб на случайный автомобиль, попасть в который на ходу было к тому же весьма затруднительно.

Несколько верст мы ехали, сопровождаемые аэропланами. Потом «голуби» скрылись из виду, но, едва мы приблизились к первым строениям Г., опять вынырнули откуда-то. К двум первым аэропланам даже присоединился еще третий, показавшийся с севера и летевший навстречу своим товарищам. По-видимому, немцы, так же как и мы, направлялись именно в Г.

Под самым городком была стоянка одного из полков: вдоль дороги тянулись прочно устроенные землянки; подальше дымились походные кухни. Едва немецкие аэропланы вместе с нами поравнялись с этим лагерем, как солдаты гурьбой побежали на дорогу. Обстрел «голубей» составляет одно из любимейших развлечений солдат. Нам было видно, как сперва один быстро вскинул винтовку, приложился, направил дуло вверх и спустил курок; за первым — другой, третий, четвертый... Со всех сторон защелкали ружейные затворы и затрещали выстрелы, порой совсем оглушая нас. Пока мы пересекали маленькое селение, пальба не прекращалась ни на миг. Можно было подумать, что мы попали в самый центр жаркого боя. Стреляли справа и слева, спереди и сзади от нас, с дороги, с дворов, с крыш домов. Теперь оставалось опасаться, как бы случайная пуля, падая обратно на землю, не оказалась для нас губительнее немецкой стрелы.

Все обошлось, однако, благополучно, и мы, под треск непрерывных выстрелов, добрались невредимыми до здания, занятого штабом, — большого дома с колоннами, вероятно, старинной барской усадьбы. Мои спутники отправились за нужными нам сведениями, а я предпочел погулять по городку и поболтать с солдатами. К тому же у меня был с собой запас папирос, который я должен был раздать.

¹ Известно, что немцы бросают теперь с аэропланов не только бомбы, но и особые стрелы, последние — целым дождем, высыпая их, по-видимому, из мешка. Я видел образчики этих стрел: маленькие, вершка в три длиной, стальные палочки, с острием как у стрелы для средневекового самострела. Они рассчитаны так, чтобы всегда падать заостренным концом вниз. На каждой стреле выбита по-французски надпись в духе тяжеловесного прусского остроумия: «Fabrication allemande — invention française» (смастерили немцы, но изобрели французы).

Стрельба некоторое время еще продолжалась, но вскоре комендант приказал ее прекратить как бесцельную: немцы поднялись слишком высоко. С подавленной досадой опускали солдаты винтовки: было обидно, что «голуби» на этот раз увернулись от пуль, тем более что все три аэроплана, хотя и на большой высоте, не переставали чертить круги над городком. Немцы отлетали в сторону, возвращались назад, опять удалялись и появлялись вновь — вообще чувствовали себя в воздухе над Г. «как дома».

Между тем выяснилось, что они успели-таки бросить в Г. две бомбы, что при треске выстрелов многие — мы в том числе — и не заметили. По счастью, вреда бомбы не причинили: одна упала в пруд, другая — в глубокую канаву с водой. Все-таки известие о бомбах еще более раздосадовало солдат, и видно было, что у них «руки чешутся» всякий раз, как немцы подлетали поближе.

— Много их здесь летает? — спросил я у солдат.

— Да, почитай, каждый ясный день, то один, то два, а то и больше. Как нет тумана, так сейчас и летят.

Действительно, надо отдать справедливость немецким авиаторам: они свое дело исполняют ревностно, стараются использовать не только каждый ясный день, но даже несколько часов на дню, если небо проясняется.

— И бомбы бросают? — продолжал я расспрашивать.

— А то как же? Известное дело, скидывают.

— А стоит ли их обстреливать? Ведь попасть почти невозможно.

Солдаты живейшим образом запротестовали.

— Как невозможно? Попадаем! Сколько их уже посбили!

Мне стали рассказывать ряд случаев, когда удавалось «сбить» немецкий аэроплан. Недавно еще один солдат, стоя на посту и охраняя мост поблизости от Г., заметил, что немецкий летчик упрямо кружит над этим местом. Вероятно, немец намеревался взорвать бомбой мост. Солдат выстрелил и так удачно, что первая же пуля попала летчику в шею. Он потерял способность управлять своим аппаратом, и аэроплан рухнул на землю. Солдата представили к награде.

Об этом случае солдаты передавали мне с завистью. Вообще им доставляет видимую радость рассказывать о том, как русскому человеку удавалось одолеть летающего немца. К аэропланам они чувствовали особую неприязнь и, кажется, были глубоко убеждены, что летание по воздуху — специально немецкое дело, чуть ли не нечестивое. Я напомнил, что у нас также есть свои летчики-офицеры, не уступающие немцам.

— Оно, конечно, есть... — согласились солдаты, но как-то неохотно¹.

Я спросил еще солдат, как они чувствуют себя после пятимесячной войны.

— Надоело стоять на месте, ваше благородие, — ответил за всех один молодой солдатик, видимо «резонер» своей роты. — Как привели нас сюда, так второй месяц никуда ни шагу. Этак он (т. е. немец) невзвез что об себе подумает.

— Но вам здесь спокойно, — сказал я. — Я видел, какие вы себе под городом хорошие землянки настроили.

¹ Известный летчик [...] в беседе со мной подтвердил мне, что наши солдаты долгое время не хотели допускать мысль, что русский человек, православный, также может летать.

Ответил мне на это тот же солдатик, притом словами, которые, право, стоят любого классического изречения.

— Нас не для покою на войну гнали. Спокой можно и в деревне сыскать.

— Ну, брат, — остановил рассуждающего более пожилой товарищ, с повязкой красного креста на руке, — начальство лучше тебя знает, когда надо стоять, когда — идти. Тебя вот не спросили.

Все поспешили согласиться с благоразумным санитаром.

Тем временем мои спутники собрали в штабе нужные сведения. Пора было отправляться в дальнейший путь. Я должен был распрощаться со своими собеседниками. Не осталось мне времени и для того, чтобы посетить расположенный в Г. питательный пункт, как говорят, образцовый, которым заведует В.М. Пуришкевич.

Ехать нам предстояло еще версты 3–4. Разыскиваемый нами полк был расположен в окопах, но в некотором расстоянии от него находился походный госпиталь, старшим врачом которого состоял муж одной из наших спутниц (с нами ехали две дамы), г-жи -вой. В этот госпиталь мы и намеревались направиться. В штабе предупредили, что дорога к госпиталю не совсем безопасна: случается, что немецкие снаряды залетают слишком далеко и падают в этом районе. Мы, однако, решили пренебречь такими предостережениями и довести свое путешествие до конца.

До госпиталя можно было добраться двумя путями: или пешком, напрямик через поле, или в экипаже, по аллее шоссе, делающего прямой угол от города. Мы разделились на две партии: г. Федоров А.М., г-жа -ва и я пошли пешком; наша вторая спутница и шофер, взяв проводника, поехали в автомобиле. Самый госпиталь скоро стал виден: низенький, красенький домик среди деревьев. Дальше смутно обозначилась и линия окопов, откуда доносились звуки ружейных выстрелов и оружейной пальбы и взвивались иногда дымки шрапнелей. Что касается немецких аэропланов, то они, тем временем, скрылись из вида.

Пешая дорога оказалась нелегкой. Идти надо было по вспаханному полю, размытому дождями и подмороженному последними холодами. Было грязно, топко и скользко. Но опасения, высказанные в штабе, не оправдались; там, вероятно, считали нужным быть особенно предупредительными по отношению к «штатским», непривычным к огню людям. За все время нашего перехода только одна шальная шрапнель разорвалась шагах в 200 от нас, и белый, облачный комочек, поднявшись с земли, долго таял перед нашими глазами.

Около самого госпиталя нас нагнал наш автомобиль; мы опять соединились и все вместе въехали в деревню. Тут произошла встреча, более обычная в романах, нежели в действительной жизни. Муж г-жи -вой, ничего не знавший о поездке своей жены, как раз в эту минуту выходил с товарищами из дверей. Первое, что он увидел, было лицо своей жены, которую он считал если не в Москве, то в Варшаве...

Описание таких встреч должно предоставить новеллистам. Во всяком случае цель нашего путешествия была достигнута. Мы разыскали полк, которому везли порученные нам подарки, и были около самых «передовых позиций», уже в «сфере огня».

4 января, Варшава

С подарками

Поездки на передовые позиции

III. Походный госпиталь

Походный госпиталь, предложивший нам гостеприимство, помещался в деревне Ч., в маленьком домике, три комнаты которого были отведены для раненых, а четвертая служила медицинскому персоналу приемной, столовой и спальней. В день нашего приезда там собралось сравнительно большое общество: старший врач, его помощник, пришедший их навестить врач с соседнего пункта, полковой священник и четверо нас, приезжих. На позициях, где люди как бы отрезаны от всего мира, все быстро сходится между собой. На столе появилась закуска, чай, и через несколько минут мы беседовали как давние знакомые.

Разговор, конечно, сразу перешел на единственную тему нашего времени — на войну, в частности — на положение дел в районе Ч. Военные врачи в общем высказали, только другими словами, то же самое мнение, которое я уже слышал от солдат в Г.

— Надоело стоять на одном месте. Второй месяц никакой перемены во взаимных отношениях двух армий. Немцы все глубже зарываются в землю. Война грозит перейти в «позиционную». Тогда будет слишком трудно выбить немцев из их позиций, и для этого потребуются огромные жертвы.

Роль благоразумного советника здесь взял на себя батюшка. Он напомнил, что наш штаб знает, что делает. Вероятно, найдутся средства сломить упорство немцев, и не атакуя их с фронта.

Впрочем, врачи напрасно жаловались на однообразие положения. За самые последние дни немцы именно в районе Ч. предприняли несколько отчаянных атак, напоминавших ноябрьские дни. В нескольких пунктах немцы даже овладели нашими окопами, но потом контратакой были опять выбиты. Характерной чертой этих атак было страшное утомление обеих сторон. Немцы до такой степени были измучены 26-тидневным, в сущности непрерывным боем, что, достигнув наших окопов, падали в них и засыпали. В свою очередь, наши солдаты чувствовали себя настолько усталыми, что не в силах были напасть немедленно на сонного врага. Только после некоторого отдыха они предпринимали контратаку, опрокидывали и прогоняли немцев.

Бои в районе Ч. входят как часть в общий план нового наступления немцев на Варшаву. В направлении от Млавы немецкое движение потерпело полную неудачу; неприятель должен был отступить к границе. Наступать крупными силами от Торна, в направлении Серпца, немцы, не имея в своих руках переправы через Вислу, не решились: для этого надо было бы отрядить целую армию, с особым тылом, особыми резервами и т. д., которая все-таки рисковала быть отрезанной. Оставался единственный путь на Варшаву чрез Бзуру и Равку. Этим путем и попытались воспользоваться немцы, хотя таким образом им приходилось идти прямо на фронт нашей армии. Желанием немцев захватить переправу через Равку и Бзуру, обойти расположение наших сил с фланга и т. под. и объясняются все бои последнего времени, в том числе и атаки на позиции около Ч.

Я спросил старшего врача, много ли раненых проходит чрез его госпиталь.

— Это зависит от дня, — ответил -в. — Иногда всего несколько человек, легко раненых, иногда гораздо больше (он привел цифры). У нас всячески стараются беречь людей. Немецкие позиции расположены от наших в каких-нибудь 300–400 шагах. Достаточно неосторожно высунуть голову, чтобы стать мишенью для выстрелов. Поэтому солдатам приказано все время проводить или в окопах, или в землянках. Переходить с одного места на другое позволяется только по приказу или по совершенной необходимости.

В тот же день нам пришлось видеть самим, как работает госпиталь.

После чая я сел играть в шахматы с помощником старшего врача. Не сделали мы и первых ходов, как пошел денщик доложить, что принесли раненого. Оба врача тотчас встали и направились к двери, и я также вышел за ними в коридор.

Два солдата держали на носилках неподвижное тело, покрытое шинелью. Виднелись пятна крови. Раненый слабо стонал.

— Кто? — коротко спросил -в.

Солдат назвал фамилию. Врач невольно покачал головой.

Потом я понял смысл этого жеста. Ранен был молодой прапорщик, который был уверен, что ему не миновать немецкой пули или шрапнели. Каждый раз, когда доходила очередь до него идти в окопы, он думал, что *это* случится сегодня. В день нашего приезда его предчувствия сбылись. Осколок шрапнели попал ему в левую бровь. Рана была тяжелая, но врач не терял надежды не только спасти ему жизнь, но даже и сохранить глаз.

Едва могли мы возобновить партию, как опять появился денщик с тем же печальным сообщением. На этот раз раненый, солдат, пришел сам. Он получил наиболее обычную из ран — в пальцы левой руки, которая при стрельбе всегда несколько выставляется из окопа. После перевязки солдата направили в лазарет в Г.

Всего через несколько минут пришлось иметь дело с третьим раненым. На этот раз шальная пуля залетела в самый окоп и раздробила солдату плечо. От боли он не мог идти, и его повезли в тележке.

— Видимо, сегодня будет жаркий день, — сказал -в.

Действительно, число раненых все увеличивалось. Одни приходили сами, опираясь на винтовку, других приводили товарищи, некоторых привозили в особой фуре, совершавшей «рейсы» между окопами и госпиталем. Врачам было не до шахмат; надо было работать не опуская рук. В большую комнату, где делались перевязки, то и дело вводили и вносили новых пациентов. Врачи выходили оттуда с окровавленными руками. Меня при этом поразила — как то поражало и всех наблюдателей — та тишина, которая господствовала в этой комнате страданий: не было слышно ни криков, ни стонов.

Весь тот день немцы, по выражению солдат, «наседали». Не отваживаясь идти в атаку днем, они засыпали наши окопы градом пуль и шрапнели. Но наши, как сообщали раненые солдаты, приходившие с донесениями, «держались отлично» и отвечали неприятелю тем же. Нам в госпитале непрерывно была слышна трескотня выстрелов и гул пальбы.

— Будет нам памятен день 30-го декабря! — сказал мне один из врачей, проходя мимо меня.

Жизнь ближнего тыла была в полном разгаре. У всех были сосредоточенные лица; у всех было свое, нужное и важное дело. Госпиталю постоянно приходилось поддерживать сношения с окопами. То оттуда приходил солдат с каким-нибудь требованием; то туда надо было послать вестового с сообщением. Дорога на окопы была далеко не безопасной, так как немецкие пули, перелетая через валы и траншеи, во множестве ложились на ней. Посылаемые, однако, в силу привычки отправлялись в путь так же спокойно, как если бы предстояло пройти несколько улиц по мирному городу.

Рассказывали, впрочем, что около окопов находится маленький лесок. Зимой, лишенный листвы, он не представлял никакой защиты от пуль. Тем не менее даже наиболее отважные предпочитали проходить именно леском, а не по открытому полю. Такова уже психология человека: то, чего он не видит, как бы не существует для него.

Во время разгара работы в госпитале его посетил Z. — один из командиров местных войсковых частей. Сделав нужные распоряжения, он на минуту присел между нами. Отеческим тоном он давал собравшимся свои наставления:

— Мне себя не жалко, — говорил Z., — но я нужен. Без меня вы все пропадете. Я уезжал на пять дней, и вышла путаница. Вас обстреливали на мосту, и никто не сказал, что Z. построил три моста: один — у мельницы, один — у костела, один — слева. Нужно, чтобы кто-нибудь один думал за всех. Вот я и думаю за вас. Солдаты меня знают, и я знаю солдат. Ваше дело, господа, простое: служить Царю, повиноваться начальникам, молиться Богу. Теперь все молятся, все стали религиозны. Я сам много раз молился в костеле: прекрасное здание. Потому что теперь нет католиков и православных, даже нет мусульман и евреев; есть только верующие люди...

Маленькая речь продолжалась минут пять. Вероятно, в дни войны такие речи нужны...

Между тем стемнело, и мы опять могли наблюдать световые эффекты боя. Картина была менее величественной, чем накануне, — так как бой происходил на близком расстоянии и озарялась лишь небольшая часть неба — но более грозная. Ясно можно было различать вспышки отдельных ружейных выстрелов и разрывы шрапнелей. Суровое грохотание, словно ворчание громадных зверей, сопровождало огневые блески...

Положение дел не изменилось до вечера. Позднее я узнал, что этот бой кончился для нас благоприятно. Немцы везде были отброшены, и все окопы остались в наших руках. Но в тот день по разным причинам я не мог дожидаться результатов боя и должен был спешить в Варшаву¹.

Мы разделились. Ф. еще среди дня ушел на один из соседних пунктов, куда он имел поручения. Наши спутницы остались в госпитале. Я вдвоем с шофером отправился в обратный путь. Новые знакомые дружественно проводили меня, снабдили провизией на дорогу, пожелали счастливого пути...

¹ Немцы продолжали свои атаки на позиции около Ч. и в следующие дни. Особенно ожесточенные атаки были произведены 2–3-го января. Последнее известие, которое я имел из этого района, от 4-го января, сообщало, что бои все еще продолжаются.

Последнее пожелание было не лишним, потому что шофер по-прежнему дороги не знал, и мне опять пришлось немало поблуждать в темноте по незнакомым, пересекающимся шоссе.

В самом начале пути я задремал и, проснувшись, сразу догадался, что мы заехали не туда, куда следовало. Выстрелы слышались совсем близко. Фонарь остановившегося автомобиля освещал строение, разрушенное снарядами. Я вышел на дорогу, и первое, что увидел, была семья крестов на братских могилах.

— Зачем вы свернули сюда? — спросил я с досадой шофера.

— Дорога была очень хорошая, я и подумал, что она — настоящая...

Пока мы раздумывали, что предпринять, из мрака вынырнули фигуры кавалеристов, нагонявших нас. Это были уланы, по-видимому наш разъезд.

— Как проехать в П.?

— Не знаем.

— Но сами вы куда едете?

— На позиции. А вы остерегайтесь, господин, тут и немцы могут, неровен час, объявиться.

Поехали назад; кое-как выбрались на верную дорогу; опять стали кружить по разным поворотам... И долго еще продолжалось это странное путешествие, оставшееся в моей памяти как что-то совершенно фантастическое. Временами, утомленный двумя сутками скитаний, я засыпал, видел во сне пылающее от залпов небо, немецких летчиков, бросающих бомбы, раненых, идущих вереницами... Каждый раз, проснувшись, я видел еще более странную картину перед собой. То по мосту, перекинутому через гулко шумящий поток, передвигалось стадо быков, и какие-то черные всадники, словно американские гаучосы, гнали их пиками. То нам преграждал дорогу целый обоз маленьких плетеных тележек, запряженных осликами, и я тщетно раздумывал, откуда взялись ослы в Польше. То навстречу нам скакали на маленьких лошадках какие-то полудикие люди в причудливых костюмах, словно уцелевший обломок от армии Чингиз-хана. И то там, то здесь высились полуразрушенные готические костелы, громады фабричных корпусов с неожиданно освещенными окнами, дома опустелых городков, в которых странно отзывался гудок нашего автомобиля... Сон и действительность смешивались; и мне уже казалось все возможным в этой таинственной стране, которую называют театром военных действий.

Наконец, местность мне показалась знакомой. Мы выехали на большое шоссе, ведущее из С. на Б. Здесь мне случалось уже много раз проезжать за время войны... Еще одна поездка — с подарками в -ской полк — была закончена.

5 января, Варшава

Страдания и величие Бельгии

I

Недавно я имел случай беседовать с одним лицом, находящимся сейчас в Варшаве, которое по своему служебному положению располагает достоверными и наиболее свежими сведениями о Бельгии. Мой собеседник не только охотно изложил

предо мной взгляды на ход событий в маленькой героической стране, но и любезно предоставил в мое распоряжение ряд официальных документов, как то: донесение различных комиссий бельгийским министрам юстиции и иностранных дел, сообщения, сделанные бельгийским правительством своим заграничным консульствам, комплектом газеты «Le Courier de l'Armee», издаваемой бельгийским генеральным штабом для солдат, и т. п. Полагаю, что читателям будет небезынтересно ознакомиться как с этими официальными данными, так и с суждениями лица, в высокой степени компетентного в делах несчастного королевства. Страдания и величие Бельгии приковали к себе взоры всего мира, и все, даже второстепенные факты из истории ее благородной борьбы с врагом, вдесятеро более сильным, заслуживают внимания.

II

— Вы, конечно, хорошо помните, — сказал мой собеседник, обстоятельства, при которых возникла война Германии с Бельгией, но, может быть, не вдумались в одну подробность, которую стоит отметить. Германский ультиматум, предъявленный Бельгии в 7 час(ов) вечера и дававший только 12 часов — т. е. ночное время до 7-ми час(ов) утра, — требовал одного: позволения провести войска через бельгийскую территорию. В случае согласия Бельгии Германия обязывалась возместить ей убытки, которые будут причинены проходом войск; в случае отказа возлагала свою ответственность за то, что может произойти, на самую Бельгию. Тотчас состоялось экстренное заседание совета министров под председательством короля, которое длилось всю ночь и на котором был выработан и формулирован ответ Германии. Ответ, как известно, был отрицательный; да другого Бельгия и не имела права дать, так как при самом своем образовании обязалась перед державами сохранять постоянный, вечный нейтралитет. Явно нарушить это обязательство в пользу Германии значило бы нарушить, так сказать, данное честное слово. Чего же можно было ожидать как следствие отказа? Только того, что Германия попытается без согласия Бельгии силой провести свои войска чрез ее территорию. Вместо того Германия немедленно *объявила войну Бельгии*. Разница между этими двумя следствиями, разумеется, огромная. В первом случае опасность угрожала некоторым провинциям Бельгии, чрез которые должны были пройти немцы, и опасность временная — в течение этого прохода или, самое большее, в течение всей войны между Германией и Францией. Во втором случае Германия предъявляла притязания на все королевство и притом на вечные времена, так как победитель может диктовать любые условия мира побежденному, может просто захватить всю его страну. Это последнее и оказалось целью немецких вождельний, обдуманной, как это теперь устанавливается рядом фактов, заранее. Объявив войну, Германия действительно приступила к формальному *завоеванию* Бельгии.

— Всем памятно также, — продолжал мой собеседник, — геройское сопротивление, оказанное бельгийцами немцам, которое дало возможность Франции и Англии подготовиться к борьбе. Но будущий историк войны извлечет из архивов, мемуаров и частной переписки еще много примеров исключительной доблести, до сих пор

не ставших общим достоянием. Я приведу один такой факт, достоверность которого мне хорошо известна. Когда выяснилось, что Антверпен должен будет уступить силе, бельгийское правительство вместе с королем сочло необходимым покинуть крепость. Было неблагоприятно возлагать на армию лишнюю тяжесть — охранять членов правительства и еще неблагоприятнее — рисковать тем, что все они могут попасть в плен, причем страна осталась бы без законной власти. Это решение было принято почти в последнюю минуту, когда выезд из города был затруднителен, — во всяком случае настолько поздно, что выбирать дорогу не приходилось. Надо было ехать единственным свободным путем, вдоль голландской границы, на Брюгге; но и эта дорога не была безопасна, так как немцы вели на нее настойчивое наступление. Чтобы дать возможность королю достигнуть Остенде, группа бельгийских офицеров из числа сопровождавших его решила пожертвовать собой и задержать врагов около одного замка по пути. Этот замок, вернее — просто большая усадьба, стоял на самой границе с Голландией. Засев в нем, храбрецы в течение целых суток сдерживали натиск неприятеля, раз в 200 большего по числу. С поразительной неутомимостью офицеры стреляли из окон, с балконов, с чердаков, и заставили немцев думать, что в замке укрепились значительная армейская часть, которую опасно оставить у себя в тылу. Против замка был поведен правильный штурм. Бельгийцы могли спасти свою жизнь. Стоило только перебежать сад, примыкающий к замку сзади, и перебраться через ограду: за ней находилась уже голландская территория. Никто, однако, и не подумал поступить так. Все держались так долго, как только было мыслимо, и все до одного были перебиты при штурме. Но цель была достигнута: немцы задержаны, и король Альберт успел проехать в Остенде.

Я спросил, какой бой на территории Бельгии считает мой собеседник наиболее замечательным.

— Разумеется, битвы на Изере, — ответил он. — Можно даже сказать, не забывая и титанических боев в Польше, что битвы на Изере — самое поразительное сражение во всемирной истории. Район, ограниченный Изером и французской границей, — тот крохотный уголок земли, оставался и остается до сих пор последним оплотом бельгийской независимости. Бельгийцы напрягали все силы, чтобы сохранить за собой хотя бы клочок самостоятельной, автономной территории: это был вопрос чести. Союзники столь же упорно обороняли позиции на Изере, потому что с прорывом их немцами получали возможность зайти в тыл англо-французской армии, совершить свой излюбленный «обход». Бои поэтому отличались здесь предельным ожесточением. Со стороны немцев бились представители всех германских государств: пруссаки, баварцы, гессенцы, вюртембергцы, саксонцы... Со стороны союзников: бельгийцы, французы, англичане, шотландцы, индусы, тюркосы, зуавы, арабы... Бой шел и на земле, и под землей, в траншеях, и на море, так как английские суда обстреливали немцев, и под водой, где шныряли немецкие подводные лодки, и на воздухе, где реяли дирижабли и аэропланы... Ничего подобного не видано было с той поры, как земля стоит. Кончился бой победой союзников: немцы отступили.

Я поинтересовался, как велика численность бельгийской армии.

— В начале войны армия не превышала 180 000 человек, не считая так называемой *garde civique*. Эта по нашим временам «горсть» людей имела против себя миллион германских штыков, так как союзники вначале не могли оказать Бельгии *никакой* поддержки. От потерь в боях, от выбытия из строя гарнизонов тех крепостей, которые были взяты немцами, армия значительно уменьшилась. На Изер пришлось более половины ее первоначального состава. Однако она постоянно пополняется добровольцами, прибывающими из всех стран света, особенно из Канады и Соединенных Штатов, где живет много бельгийцев. Население самой Бельгии лишено возможности вступать в ряды своей армии. Вместе с тем во Франции обучается теперь контингент бельгийских новобранцев срока 1915 г., которые успели вовремя явиться «на» призыв под родные знамена. К 15-му января король Альберт вновь будет располагать армией свыше чем в 100 000 человек.

— Вы верите, как и мы все, в конечное торжество союзников?

— Я не могу не верить в это, — ответил мой собеседник, — уже потому, что в это верит король.

Почти с благоговением он обернулся к портрету короля Альберта, висевшему в той комнате, где мы беседовали, и продолжал:

— Этот человек, которого многие считали сперва робким, явил себя истинным героем. Взоры всех бельгийцев прикованы теперь к нему, и все разделяют его уверенность в окончательной победе. В Германии, при всех ее хотя бы только кажущихся успехах, все настойчивее раздаются голоса в пользу мира, даже заключенного ценой разных уступок. В Бельгии, при всем ужасе ее положения, никто, — я имею основание так говорить, — не хочется слышать о мире раньше полного торжества над врагом. Бельгийцы голодают, сносят всякого рода унижения и страдания, но ни один не произнесет ни слова ропота против короля, исполнившего долг честного человека и решившего мужественно бороться до конца.

(Окончание следует).

Страдания и величие Бельгии

III

Среди представленных в мое распоряжение документов имеются доклады организованной бельгийским правительством «комиссии для расследования нарушений (немцами) международного права и законов и обычаев войны». Эти доклады, излагающие только строго проверенные факты, были представлены министру юстиции, известному писателю Картону де Виару (Carton de Wiart). В русской прессе часть этого материала уже была опубликована, но и те страницы докладов, которые первоначально не обратили на себя внимания, несколько не менее поразительны. Несколько новых фактов, извлеченных из этих докладов, прибавят новые черты к характеристике «страданий» Бельгии.

«В деревне Корбек-Ло (Corbeck-Loo), — сообщает комиссия, — немецкие солдаты разыскали в одном доме девушку лет 16-ти вместе с ее родителями. Солдаты отвели их в пустое здание; одни держали в стороне отца и мать, другие, добыв вина,

принуждали девушку пить. Потом они вытащили ее на лужайку перед домом и поочередно насильовали. Так как девушка продолжала сопротивляться, ей пронзили грудь штыком. После этих чудовищных поступков немцы ушли, оставив девушку на лужайке. В настоящее время несчастная при смерти».

«Когда бельгийские войска вступили в Гофстад (Hofstade), они нашли там труп старухи, убитой ударами штыка; старуха еще держала в руке иголку, которой шила в ту самую минуту, когда был нанесен удар. Рядом лежал труп женщины и ее сына, юноши лет 15–16-ти, пронзенных штыками. В соседней деревне Семпст (Sempst) были найдены трупы двух мужчин, частью обуглившиеся; у одного ноги были обрублены на высоте колен; у другого отрезаны и руки и ноги. Одного рабочего, пронзив его штыками, немцы облили, еще живого, керосином и бросили в дом, который вслед за тем подожгли».

Подобных единичных фактов собрано в докладах огромное количество. Кроме того, комиссия устанавливает целые разряды преступлений против международного права, обычно совершаемых германскими войсками. Идя по дорогам, немцы расстреливают мирных прохожих, велосипедистов и даже крестьян, занятых полевыми работами. Мужчин из занятых селений отправляют в Германию, где вынуждают работать, «как во времена античного рабства». Других заставляют служить проводниками и рыть окопы для германской армии. Немцы злоупотребляют белым флагом и Красным Крестом, а сами стреляют по лазаретам, добивают раненых и т. д. Особый доклад перечисляет сожженные и разрушенные орудиями города, хотя бельгийские войска и были из них выведены. Характерно, что на уцелевших от пожара и разгрома домах оказывались специальные, сделанные немцами надписи: «Nicht abbrennen» (не сжигать), «Bitte schonen» (пощадить), «Gute Leute, nicht plündern» (добрые люди, не грабьте). Подводя итоги, комиссия говорит, что жестокости, совершенные немцами, объясняются, с одной стороны, желанием терроризовать и деморализовать население, сообразно с бесчеловечными теориями немецких военных писателей, с другой стороны — простой страстью к грабежу и добыче.

К сходным выводам приходит доклад другой комиссии, представленный министру иностранных дел. Комиссия констатирует, что по всем признакам, жестокости немцев преднамеренные и являются следствием определенной системы действий. Ее цель — запугать жителей и тем посеять рознь между ними и армией. Однако ревностное усердие исполнителей превращает устрашение в бессмысленное избиение, а террор — в прямой грабеж...

Авторитетные свидетельства официальных докладов пополняют столь же заслуживающие доверия сообщения газеты «le Courrier de l'Armée». Эта газета выходит три раза в неделю, в двух изданиях, французском и фламандском, и рассылается в количестве 10-ти экземпляров того и другого издания в каждую роту, эскадрон и батарею. Редактируемая при генеральном штабе армии, газета дает также только строго проверенные факты. Приводим некоторые из них, беря их из последних номеров (ноябрь–декабрь).

Бургомистром Брюгге состоит почтенный старик, перешедший за восьмой десяток лет, граф Визар де-Бокармэ (Visart de-Vocarme). Немцы оставили ему его дол-

жность, и он продолжал выполнять ее с исключительным тактом. Это не помешало одному прусскому офицеру, пришедшему по делу в кабинет к бургомистру, держать себя крайне заносчиво и грубо. Граф де-Бокармэ, встав, сказал спокойно, но строго: «Господин офицер, такого языка я не допускаю. В настоящее время вы сильнее. В вашей власти посадить меня в тюрьму или даже расстрелять. Но, в виду моего преклонного возраста и занимаемого мной положения, я вправе требовать, чтобы все это было совершено вежливо». Суровая речь старика произвела впечатление даже на пруссака.

Бургомистра города Рулера Майё-Либарта (Mahien-Liebaert) немцы три дня держали под арестом в окопах. При перестрелке немцы выставляли своего пленника вперед и прикрывались его телом от выстрелов. За все три дня его ничем не кормили. Мало того — издевались над голодающим: немцы ставили перед ним жареную курицу, не позволяя ему к ней притронуться. Впоследствии Майё-Либарт был отпущен на свободу, полуживой от голода и усталости.

Из города Малин немцы вывезли в качестве военной добычи более *пятисот* роялей и пианино, для чего был отправлен в Германию специальный поезд. В Брюсселе немецкие реквизиции довели население до голода; хлеб дошел в цене до 40 сантимов за кило; соли почти нет. Желая явить особую справедливость в распределении жизненных припасов, немцы требуют, чтобы женщины при покупке соли предъявляли свои брачные свидетельства. Еще более острый голод свирепствует в Остенде, где немцы конфисковали решительно все съестное, предоставив жителям пропитываться чем знают. Сами же немцы ежедневно устраивают пир и пьянствуют беспрерывно. Среди пьяных офицеров часто возникают ссоры, доходящие до драки и до убийства...

И доклады комиссии, и военная газета несколько раз повторяют, что уверения немцев, будто бельгийцы ведут партизанскую войну, — вымысел. В Бельгии сражается только ее армия; мирное население по настойчивому требованию своих властей воздерживается от каких бы то ни было попыток вредить неприятелю. Немцы утверждают противное, чтобы чем-нибудь оправдать свои жестокости и грабежи.

Несомненно, однако, что пассивное сопротивление немцам бельгийцы оказывают. Так, например, железнодорожные служащие отказались исполнять свои обязанности под руководством немцев, хотя те предлагали хорошее вознаграждение. Считая себя на государственной службе (в Бельгии все железные дороги принадлежат государству), кондуктора, машинисты, стрелочники и т. д. предпочли голодать и пользоваться общественной благотворительностью, чем сколько-нибудь помогать врагам. Точно так же голодающие рабочие в Намюре отказались работать над восстановлением фортов, несмотря на обещанную высокую плату. Наконец, все бельгийское общество, всех классов, держится крайне обособленно от немцев и не вступает с ними ни в какие сношения, кроме самых официальных.

IV

В заключение нашего разговора я спросил, какие компенсации надеется получить Бельгия после торжества союзников за все вынесенные ею испытания.

— Высказывая свое личное мнение, — сказал мой собеседник, — я, вероятно, выражу и мнение громадного большинства своих соотечественников: мы, бельгийцы, не хотим *никаких* территориальных приобретений. Что мы могли бы получить в Европе? Французские и голландские земли, конечно, неприкосновенны, а немецких провинций нам не надо. Если дать волю фантазии, можно мечтать, например, об устье Шельды, которое было бы нам крайне полезно. Оно принадлежит голландцам, но Голландия за уступку левого берега могла бы быть вознаграждена на счет Германии. Также мы согласились бы присоединить великое герцогство Люксембург, если бы оно пожелало добровольно слиться с Бельгией. Но все это — беспочвенные мечтания. Скорее всего, нам могли бы быть даны немецкие провинции на левом берегу Рейна, но они были бы для нас только обузой. Несомненно, Бельгия состоит из двух элементов: валлонов, романского или, вернее, галльского племени, говорящих по-французски, и фламандцев, германского племени. Сейчас наблюдается почти полное равновесие между этими двумя элементами: фламандцев приблизительно 4 миллиона, валлонов — 3 ½ миллиона или немного более. Влияние французской культуры, носителями которой являются валлоны, до последнего времени преобладало в стране, чему в наши дни, когда вскрылась обратная сторона немецкой культуры, можно только радоваться. Но если к Бельгии будут присоединены провинции с немецким населением, может быть 1 ½ или 2 миллиона человек, равновесие будет нарушено. Германский элемент получит преобладание, и стране будет угрожать германизация, а через это неизбежно возникнут распри и столкновения между представителями двух рас. Нет, провинций с немецким населением нам не нужно.

— Не нуждаемся мы, — продолжал мой собеседник, — и в увеличении наших колониальных владений. Размеры нашего Конго в 80 раз превосходят размеры метрополии. Правда, часть Конго совершенно непригодна для культурной жизни, особенно европейцев, по своему климату и по самому характеру страны: это одна из самых нездоровых, самых губительных местностей Центральной Африки. Но той части Конго, которая вполне подходит для колонизации и которая представляет почти неисчерпаемые ее естественные богатства всякого рода, с нас более чем достаточно. У нас там работы на несколько столетий, и забирать новые земли которые вы не в силах будете использовать, не имеет смысла. Единственно, чего ждет Бельгия, это вознаграждение за тот страшный разгром, которому она подверглась ради всей Европы. Германия должна будет возместить убытки, понесенные страной: вернуть незаконно наложенные контрибуции, оплатить стоимость столь же незаконно реквизированных вещей и дать средства, чтобы вновь отстроить разрушенные и сожженные города и селения... Разумеется, это будет тяжело для Германии, тем более что и другие союзники предъявят свои требования, но немцы должны были понимать, на что они идут.

Помолчав, говоривший добавил:

— Хотелось бы выставить еще одно требование. Германия должна была бы вернуть расхищенные немцами в Бельгии сокровища искусства. Немцы под руководством берлинских профессоров разграбили не только общественные музеи, но и много частных художественных собраний. Картины великих мастеров, деревянные

статуи из церквей, старинные вещи — все тщательно упаковывалось и отсылалось в Берлин... по примеру великого Наполеона. Однако, увы! можно опасаться, что расхищенного уже не вернуть. Наполеон отдавал захваченные им богатства в Лувр. Немцы распродавали свою добычу, и она разошлась по частным рукам. Трудно будет разыскать картины брюссельского музея и частных коллекций, перешедшие, может быть, в третьи и четвертые руки или даже тайно перепроданные за границу...

Два фронта

Развозя вместе с уполномоченными разных учреждений рождественские подарки солдатам, я посетил передовые расположения наших войск и на правом, и на левом берегу Вислы, т. е. и к северу от Варшавы, «в млавском направлении», и на западе от нее, на берегах Бзуры и Равки. Меня при этом поразила резкая разница в том складе жизни, который создан на этих двух, столь близких друг от друга фронтах. В настоящее время это как бы два мира, мало похожих один на другой.

Немцы несколько раз начинали наступление с севера, но каждый раз оказывалось, что их движение было скорее демонстрацией, чем серьезной попыткой пробиться по этому пути к Варшаве. При первом энергичном сопротивлении германские войска быстро очищали занятые города и отступали к границе, довольствуясь тем, что сохраняли за собой обладание Млавой и Хоржеле. За все время войны в пределах Плоцкой губернии не произошло ни одного значительного боя, в котором участвовали бы действительно большие силы и который велся бы с подлинным упорством. Обычно все дело сводилось к кратковременным набегам кавалерии и передовых отрядов.

Поэтому Плоцкая губерния пострадала от войны гораздо меньше других. В Варшаве мне пришлось слышать немало рассказов об опустошениях, произведенных немцами в окрестностях Цеханова и Прасныша. Меня эти рассказы особенно огорчали, так как те места мне были хорошо знакомы: в августе я совершил довольно продолжительную поездку по этому району и, благодаря рекомендательным письмам, познакомился со многими местными помещиками, в усадьбах у которых находил радушное гостеприимство. Мне было грустно думать, что сожжены эти старинные уютные помещичьи дома, порублены великолепные парки вокруг них, уничтожены оранжереи, конюшни, различные хозяйственные приспособления, на которые их хозяева потратили так много труда. Вернувшись в Плоцкую губернию спустя четыре месяца, я мог с радостью увериться, что все эти рассказы принадлежали к числу тех невольных преувеличений, которые создаются потрясенным воображением¹.

¹ Преувеличения в рассказах «очевидцев» о войне могли бы составить предмет любопытного психологического исследования. Мне приходилось слышать рассказы от лиц, которые, судя по всему, стремились добросовестно передать то, что видели собственными глазами, между тем как позднее оказывалось, что ни одно слово рассказа не соответствовало действительности. Помню, например, что во время атаки немцев на Сохачев я, находясь поблизости, встретился с одним из жителей города, только что бежавшим из него. Мой собеседник со слезами рассказывал мне, что весь город объят огнем и что целые улицы разрушены. Однако Сохачев и в настоящее время продолжает существовать, и в нем повреждено бомбардировкой лишь несколько домов.

Подъезжая, например, к Цеханову, я ожидал увидеть только жалкие развалины города. Вместо этого предо мной был тот же Цеханов, что и осенью, только занесенный снегом. По-прежнему живописно высилась его старинная башня; по-прежнему стояла на возвышении крепость XVII века, занятая теперь нашей батареей. Нигде не было видно разрушенных или сожженных домов; улицы были полны народом; бессчетные еврейские магазины и лавочки бойко торговали. Немцы дважды занимали Цеханов, но оба раза — лишь на один день. Они не только ничего не сожгли в городе, но даже не успели его ограбить. Мало того: пребывание немцев послужило городу на пользу: они построили в нем новый мост и, уходя, не удосужились его разрушить. Теперь весь город пользуется этим мостом, значительно сокращающим дорогу.

Под самым Цехановом находится сахарный завод, которым заведует его директор З. У этого З. в его прекрасном доме я провел в августе целые сутки и до сих пор с благодарностью вспоминаю чисто «польское» радушие хозяев. Позднее мне сообщали (хотя и не «очевидцы», но люди, слышавшие это от «очевидцев»), что завод был разграблен немцами, которые сожгли конюшни, оранжереи и службы, а потом разрушен артиллерийским огнем. Приехав в Цеханов, я поспешил навстречу З. Их я не застал (они были в Варшаве), но их прекрасный дом стоял на своем месте со всеми своими пристройками. Нетронутым остался и старинный парк при доме. Старый слуга, узнавший меня, рассказал мне, что немцы действительно были в доме, но ничего в нем не тронули, только увели из конюшни пару лошадей, оставив взамен пару своих, изморенных. Что же касается артиллерийского обстрела, то он велся *через* дом, и ни один снаряд не причинил ему ни малейшего вреда.

Приблизительно то же пришлось мне констатировать относительно других усадеб, которые я считал исчезнувшими с лица земли. Они оказывались целыми и в худшем случае — только ограбленными. Кое-что, правда, было сожжено немцами и повреждено снарядами. Значительно пострадал Прасныш, под которым в начале декабря происходил сильный бой. Под Праснышем *было сожжено имение* Обремцова, небольшое, но очень благоустроенное, в котором я также гостил некоторое время (оно принадлежит брату г. З.). Но в большинстве случаев немцы довольствовались тем, что забирали фураж, уводили лошадей и уносили кое-что из ценных вещей (особенно охотно шубы, опасаясь, вероятно, «русских морозов»), но не производили тех диких грабежей и опустошений, как в левобережной Польше. Кроме всего у них большей частью не было для того времени, так как все их нашествия бывали очень кратковременными. Плоцк, например, в последний раз был занят всего в течение 24-х часов и притом всего *пятьюдесятью* прусскими кавалеристами.

[...]

Немцы ни на какие серьезные предприятия не отваживаются. То там, то здесь происходят отдельные бои, иногда кровавые и ожесточенные, но введенные германские силы отходят. С середины декабря даже такие бои прекратились; немцы довольствуются обороной своих позиций и перестрелкой, ружейной и артиллерийской. Но и эта перестрелка ведется довольно вяло, и две армии, стоящие друг против друга (местами между нашими и неприятельскими окопами не более 600–500 шагов расстояние), не торопятся с решительными действиями. Рассказывают даже, что между

нашими солдатами и немцами иногда завязываются полудружественные отношения (они обмениваются подарками, пересылают друг другу шуточные письма, затевают состязания в стрельбе и т. п. В самих военных действиях нет той жесточенности, как на западе: нередко с наших окопов бывают видны группы немецких солдат и офицеров или, наоборот, наши солдаты рискуют идти по открытому месту, и это проходит безнаказанно, тогда как в окопах на нашем западном фронте достаточно выставить руку, чтобы тотчас вызвать непрерывную пальбу по этому месту.

Надо добавить, что и условия жизни армии на севере гораздо благоприятнее, чем на берегах Бзуры и Равки. Кое в чем край, разумеется, нуждается. Но все же почти все необходимое можно достать на месте по довольно сходным ценам. Солдаты не страдают от холода и сырости и не только всегда сыты, но до известной степени «роскошествуют», покупая себе, например, папиросы, булки, квас и т. п. Благодаря этому настроение в армии в общем не только бодрое, но даже веселое, и солдаты и офицеры жалуются только на отсутствие серьезных предприятий против неприятеля.

В Цеханове я беседовал с одним из штабных офицеров. Он мне сказал с убеждением, что [...] нам ничего не стоило бы очистить от врага всю Плоцкую губернию. При желании мы легко могли бы занять все пункты, еще удерживаемые немцами, и вытеснить их за нашу бывшую границу [...]. Занимаемые нами позиции превосходны и почти неприступны; нет причин менять их на другие, хотя и расположенные далее к северу, но гораздо менее сильные, требующие большего напряжения для своей обороны.

При такой общей тактике, состоящей в обороне «почти неприступных» позиций, при таких относительно удобных условиях жизни дело нашей армии на северном фронте может быть названо «легким», насколько вообще может быть «легким» дело войны. Только не надо забывать, что эта «легкость» требует все же громадной затраты труда и энергии и связана со множеством лишений и испытаний. Тот же штабной офицер, говоривший мне о выгодности нашего положения, в то же время сознавался, что ему и его товарищам приходится работать по 16—17 часов в сутки и обыкновенно спать не более 3—4-х часов в ночь... Естественно, что и солдатам приходится выносить труд не меньший, чем штабным офицерам. Жизнь «легкая» сравнительно с жизнью на других фронтах все же остается истинным подвигом.

Другие картины встречает наблюдатель на нашем западном фронте. Здесь ни относительно, ни условно нельзя говорить о «легкости» дела, возложенного на нашу армию. Напротив, здесь сосредоточено все что есть в войне трудного и тяжелого. Край опустошен двукратным нашествием немцев, сделавших все зависящее от них, чтобы ограбить и опустошить страну. Но половина, а вероятно, две трети жителей бежало. Во многих деревнях уцелело не более 5—6 дворов из нескольких десятков, а иные сожжены дотла, до последней избы (например, деревня Злата, около Нова Мяста, прежде — обширное селение почти в 100 дворов). В городах большинство домов забито досками; магазины закрыты; купить что-либо возможно лишь в Жирардове, связанном железной дорогой с Варшавой. Но значительная часть наших по-

зиций расположена вдалеке от населенных мест, подчиняясь прихотливым извивам течений Бзуры и Равки. Войскам приходится ютиться в землянках или проводить ночи под открытым небом. Ожесточение в борьбе с обеих сторон достигает высшего напряжения. Нет и следа того сравнительного добродушия, с каким относятся друг к другу наши солдаты и немцы на севере: здесь это в полном смысле слова враги, ищущие одного: каким бы то ни было способом уничтожить противника.

Вторичное движение на Варшаву было предпринято немцами с лозунгом «Решительная победа во что бы то ни стало!». После лодзинских боев наступило было некоторое затишье, но ненадолго. В декабре немцы возобновили отчаянные атаки на все наши западные позиции. Во многих местах упорный бой длится непрерывно целый месяц. Ружейная и артиллерийская перестрелка обычно не молкнет круглые сутки. Почти каждую ночь немцы пытаются взять наши окопы в штыки, а почти каждый день германские аэропланы и аэростаты (немцы пользуются здесь и воздушными шарами) разбрасывают свои бомбы и тучи стрел. Все дороги, ведущие к позициям, усердно обстреливаются немцами перекидным огнем и стерегутся их аэропланами [...]

Понятно, что такая обстановка до крайности напрягает нервы. День и ночь кругом звучит пальба и трещат выстрелы; день и ночь поблизости рвутся шрапнели и падают снаряды тяжелых орудий, образуя ямы шагов в 30—35 в окружности. Спать ложатся не раздеваясь, потому что в любой миг можно ожидать немецкой атаки. Постоянно надо быть настороже: достаточно неосторожно выйти на открытое место, достаточно проглядеть приближение «голубя», чтобы стать мишенью стрелков или бомбометателей. Никто не уверен не только в завтрашнем дне, но даже в сегодняшнем вечере. Все это невольно возбуждает в душах подлинную ненависть к врагу. Как немцы пользуются всякими средствами, чтобы нанести нам вред, так в нашей армии создается какое-то беспощадное отношение к немцам. Все чувствуют, что с ними надо бороться «не на жизнь, а на смерть», что, пощадив врага, тем самым погубишь себя или товарища...

У северного фронта местная жизнь более или менее сохранила свое обычное течение. На западе она совершенно нарушена. Чем ближе к передовым позициям, тем чувствительнее это нарушение. В городках и деревнях, стоящих непосредственно у «сферы огня», никакой местной жизни не осталось: дома пустуют, на улицах — одни солдаты, и только робко торгуют две-три еврейских лавчонки, в которых к тому же почти ничего нельзя достать. Деревни также брошены: жители куда-то ушли, увезя или унеся все наиболее ценное и бросив остальное на произвол судьбы. Есть деревни, в которых нельзя допроситься глотка воды.

Мне осталась памятной характерная картина в поле: около деревни Червоная Нива (на западе от местечка Гузова), где расположены наши окопы. Я шел через поле; сзади кружил немецкий аэроплан; впереди вырисовывался контур немецкого аэростата, как мне говорили, ежедневно поднимающегося над позициями немцев. Со стороны окопов слышалась пальба. И вдруг прямо из-под моих ног вскочила и бросилась бежать целая стая зайцев. Поле было совершенно открытое; человеческое жилище было поблизости. И все же зайцы, по-видимому, предпочли поселиться на

этом поле, чем жить где-нибудь в своих логовищах, около которых начали рваться шрапнели. Вероятно, с разных луговин собрались трусливые зверьки на это более безопасное поле и сжались здесь в одну кучу, дрожа всем телом под грохот выстрелов... Эти зайцы-беженцы, это заячье переселение показалось мне символом всей жизни Западного края, нарушенной, потрясенной войной...

Другая картина, вспоминающаяся мне, — совершенно другого рода. В ночь под Новый год около той же Червонной Нивы полковой священник решил совершить торжественное богослужение! Единственным подходящим местом для того оказался польский костел, каким-то чудом уцелевший от немецких гранат. Храм украсили елями и ветками сосен, осветили, сколько могли, восковыми свечами. Молящихся собралось, конечно, так много, что большинству пришлось стоять за дверями, вокруг стен... И вот в католическом костеле под непрекращающийся гул пальбы зазвучали торжественные слова православных молитвословий. Стекла храма дрожали и звенели от выстрелов, озарялись розоватыми вспышками от разрывов шрапнелей. Но служба была доведена до конца, оставив во всех присутствовавших глубочайшее впечатление.

Религиозное настроение должно крепнуть и развиваться при тех поистине страшных условиях жизни, которыми окружена наша армия на западном фронте. Здесь приходится расстаться со всеми обычными навыками жизни, человек здесь вступает в сферу совершенно новых, раньше ему неведомых переживаний. Грандиозное и чудовищное здесь становится повседневным; смерть — чем-то обыкновенным, чудесное — явлением, которое видим каждый день. Очень вероятно же, что, когда закончится война, ее участники сами будут изумлены, как в них достало сил и духа вынести эту единственную, небывалую в мире борьбу, и не только вынести, но выносить ее изо дня в день неделями и месяцами...

К сожалению, мне не удалось последние дни ближе ознакомиться с нашим третьим фронтом, к югу от Варшавы. Только мельком, в течение нескольких часов, мне удалось побывать в Гройцах. Судя по всему, жизнь армии в этом раю представляет нечто среднее между жизнью на севере и на западе. На юге нет того ожесточения в борьбе, как на западном фронте, но и нет той спокойной уверенности, которая характерна для севера. Впрочем, позиции нашей армии на юге от Варшавы также очень сильны. Из моих беглых наблюдений у меня сложилось твердое убеждение, что с этой стороны все движения немцев обречены на удачу. Немецкий поток встретит мощные плотины, если хлынет на столицу Польши с юга.

Мимоходом VI. Ощущение войны

— В Москве война как-то не чувствуется.

Так говорили мне варшавяне, побывавшие в Москве и вернувшиеся домой. Мне их слова казались невероятными. Как может не чувствоваться война в Москве, которая так много сделала и делает для нашего успеха, основала столько лазаретов, принесла такие щедрые пожертвования, — в Москве, которая переполняет аудито-

рию, как только лектор избирает темой войну, в Москве, где газеты отводят войне $\frac{9}{10}$ своих столбцов, где, наконец, каждая семья так или иначе с войной связана, отправив на фронт мужа, брата или сына! Следя за московской жизнью по газетам (так как, выехав из Москвы в начале августа, я пять месяцев не покидал «района военных действий»), я был уверен, что мои собеседники-варшавяне преувеличивают или, точнее, преуменьшают, что их утверждение — своеобразное проявление любви к родному городу, в котором все представляется «лучше», замечательнее, чем в других.

Но вот, после пятимесячного отсутствия, я сам побывал вновь в Москве, провел в ней почти три недели, присмотрелся к ее жизни и готов, если не повторить слова варшавян, то заменить их сходным утверждением: «В Варшаве чувствуется война». Никто не станет отрицать, что москвичи глубочайшим, живейшим образом захвачены войной, что все другие интересы, кроме войны, отошли в Москве на второй, на третий план, что она «живет войной» и не остановится ни перед какими жертвами ради торжества нашего оружия. Но тяжелого жребия непосредственно *пережить* войну на долю Москвы не выпало; война остается где-то далеко от Москвы, не встает пред москвичами в зримых, осязательных обликах. И жителю Варшавы, приехавшему в Москву, может и должно казаться, что развеялась та атмосфера войны, которая окружала его в столице Польши. Подобно этому, мне, вернувшемуся из Москвы в Варшаву, кажется, что все великое и грозное, соединяющееся для нас в понятие «война», опять приняло плоть и кровь и со всех сторон обступило меня.

... Я иду по Краковскому предместью и дальше по Новому Свету, одним из лучших улиц Варшавы. Два часа дня, но какая толпа на тротуарах! Прохожие движутся сплошной массой, как на больших бульварах в Париже в весенние дни недавнего прошлого: такого движения теперь ни в Москве, на Кузнецком, ни в Петрограде, на Невском! Присматриваясь, я вижу, что в этой варшавской толпе половина — даже больше — военные; мелькают самые разнообразные формы шинелей и мундиров, из которых иные я вижу в первый раз. А у штатских, тоже едва ли не у половины, повязки с Красным Крестом на левой руке. Вся Варшава обратилась как бы в единый огромный военный лагерь.

Мне загораживает дорогу вереница телег с сеном: это везут фураж для передовых позиций, и прохожие безропотно пережидают, пока медленно продвинется обоз. Немного дальше меня нагоняет длинный ряд тележек. [...]

А вот зрелище необычное. Толпа останавливается и смотрит с напряженным любопытством; раздаются отдельные восклицания, которые каждую минуту могут вырасти в овацию. [...]

А потом идут отряды наших «серых героев», таких простых, таких незаметных, в серых походных шинелях, безо всяких украшений. У солдат, что называется, «открытые» лица, с той особой печатью серьезности, которую накладывает постоянная близость смерти и сознание великой ответственности перед родиной. Эти уже побывали в окопах, выдержали, может быть, двадцати- или тридцатидневные бои с немцами... В присутствии этих солдат, бывалых, обстрелянных, словно чувствуешь над

собой студеный ветер полей, изрытых траншеями словно слышишь близко от себя взрыв разрывающихся шрапнелей и видишь наваленные тела пруссаков, шедших приступом на наши укрепления [...]

Сколько еще подобных же встреч, пока пройдешь по Новому Свету до популярной Удяловой цукерни, свернешь на Иерусалимскую аллею и потом по Маршалковской спустишься, мимо [...] вокзала, к Саксонскому саду. Непременно встретишь по пути вагоны трамвая, приспособленные для перевозки раненых: вместе с другими прохожими, молча и осторожно, заглянешь в один из этих вагонов и увидишь на скамье, обращенной в койку, над серыми складками шинели, которой покрыт раненый, его бледное, осунувшееся от страданий лицо. Около [...] вокзала остановишься в толпе, проявляющей какое-то благоговейное любопытство к раненым, и будешь ждать прибытия поезда с фронта [...]. Потом, на каком-нибудь перекрестке, натолкнешься на партию пленных и невольно задумаешься, глядя, как, угрюмо нахмурившись, шагают пруссаки под конвоем казаков, не отвечая на вопросы излишне словоохотливых гуляк. Может быть, повстречаешь еще группу добровольцев, в теплых полушубках, бодрых, счастливых тем, что они достигли цели — вступили в ряды армии; или проскачут мимо гусары, приехавшие в город с каким-то поручением; или мелькнут среди гуляющих круглые шапочки авиаторов; или неожиданно выступит фигура [...] в своем национальном вооружении. Все роды оружия, все формы русской армии сталкиваются и смешиваются на улицах польской столицы, в этом городе, который своим обнаженным мечом таинственно оберегает дева с рыбьим хвостом — сирена (герб города Варшавы).

Если день ясный и над крышами опять расстилается нежная синева с белыми облачками (что здесь бывает часто), — о войне напомнят не только уличные встречи, но и самое небо. Едва только над Варшавой рассеивается январский туман, тотчас на том или другом краю небосвода показываются темные точки аэропланов. Прохожие останавливаются, привычным движением поднимая глаза вверх. Все отыскивают тонкий силуэт стальной птицы и начинают судить, свой ли это, или враг. Вопрос скоро решается [...]. Варшавяне теперь совсем освоились с воздушными разбойниками [...], и раньше времени никто уже не прячется при появлении врага.

[...]

Наступает ночь, но жизнь в Варшаве не замирает. [...] Подходят поезда с ранеными, и отряды санитаров работают, размещая их в каретки Красного Креста и в трамвайные вагоны. Слабым светом озарены и окна лазаретов... На улицах — полусвет... Никто на этот полусвет не ропщет; всем понятна разумность принятых городом мер.

Так днем... Варшава постоянно видит в своей черте и над собой образы войны. Часто Варшава и слышит ее отголоски [...]

Но война наполняет не только внешнюю жизнь Варшавы: глубже, чем в других больших городах, в том числе и в Москве, война проникает здесь во внутреннюю жизнь населения, в жизнь каждой отдельной семьи, каждого отдельного лица. Тысячами невидимых нитей жители Варшавы, вероятно все без исключения, связаны с войной и с «театром военных действий», и это чувствуется во всех разговорах, во всех поступках, во всем ходе жизни.

У многих варшавян есть родственники или вообще близкие люди, живущие постоянно в местностях, которые вошли в район «боевых действий». Другие связаны с жителями этого района тесными деловыми отношениями. Почти всем случалось бывать там, где теперь происходят сражения, и названия Бзура, Равка, Сохачев, Лович, Брезины и даже Витковицы, Камион, Рыпин и т. п. звучат для варшавян как издавна знакомые, напоминая определенные живые образы. Кроме того, с фронта, с самых полей битв в Варшаву постоянно прибывают, словно старотеатральный вестник, отдельные офицеры и солдаты: тот приехал с поручением от полка, отвезти важные бумаги или закупить что-нибудь; тот получил отпуск на несколько дней, тот лечится от легкой раны... К Варшаве как к большому центру [...]. Наконец, раненые, попадающие в Варшаву, большей частью еще накануне участвовали в бою. Они появляются на [...] вокзалах и в стенах лазаретов, еще оглушенные пальбой орудий, еще как бы воочию видящие последние моменты роковой для них битвы, со свежими воспоминаниями о недавних разведках, стычках и сражениях...

Так интересы войны незаметно просачиваются в жизнь каждого варшавянина, даже если бы он и не искал того, предпочитал жить своей маленькой личной жизнью. Один принужден вникать в них потому, что от этого зависят его торговые дела; другой заботится о своем имении, расположенном где-то в западной части Варшавской губернии; третий должен хлопотать об угле или дровах, доставка которых в иные дни бывает затруднена [...] и т. д., и т. д. Все, у знакомых, в лазаретах, на вокзалах (где многие работают в санитарных отрядах) или просто в ресторанах, кофейнях, постоянно встречаются с очевидцами боев, с людьми, только что прибывшими из самого огня, слышат рассказы офицеров и солдат, узнают военные новости раньше всей России. Замечено даже, что варшавяне сравнительно неохотно читают в газетах [...]: что нового могут сказать газеты [...] жителю Варшавы [...].

[...] Все это думал я, совершая прогулку по Новому Свету, Иерусалимской аллее и Маршалковской. Мне загораживали дорогу [...] мне встречались трамваи с ранеными, партии пленных пруссаков, а в высоте надо мной парило два аэроплана. Да, я «переживал» войну с такой живостью, с такой остротой, каких не испытывал за три недели, проведенных в Москве. В Москве война — понятие, которое властно занимает мысли, — идея, ради которой приносятся великие жертвы, наконец, грозная сила, которая может приносить жестокое страдание, отняв близкого, дорогого человека. В Варшаве война — факт, реальность, ощущение; то, что видишь глазами, что врывается в каждый шаг повседневной жизни [...]

[...] Да, в Варшаве «война чувствуется»... Но, конечно, все это еще не значит, что в Варшаве война и *воспринимается* глубже, чем в других городах. И, может быть, именно в Москве, где не бывает слышно канонады, где проходим не грозят воздушные разбойники, где жителям не приходилось [...], именно в Москве особенно глубоко и особенно сознательно воспринимается всем населением каждый новый акт великой мировой трагедии, свершающейся в наши дни.

Варшава, 29-го января

Мимоходом **VII. Летчики**

Великая война наших дней замечательна между прочим тем, что в ней впервые авиация заняла серьезно положение. Одиночные полеты во время балканской войны были лишь первыми слабыми опытами. Теперь, напротив, авиация стала организованной силой в армии, и можно сказать, что к трем «родам оружия», существовавшим с давних времен, — пехоте, кавалерии, артиллерии, — прибавился четвертый — летчики.

Особого переворота в военном деле, как многие ожидали, применение авиации не произвело. Уэллс заблуждался, когда в своем фантастическом романе «Война в воздухе» предсказывал, что для всего человечества наступит новая эра под влиянием военных действий в воздухе. Во всяком случае перемена оказалась безмерно меньшей, чем та, например, которая вызвана применением огнестрельного оружия. Когда в артиллерии на место древних катапульти и баллист стали пушки и мортиры, пришлось отказаться чуть ли не от всех прежних методов ведения войны; применение же дирижаблей и аэропланов только расширило немного средства военной техники, и ничего более.

Несмотря на то что корпус летчиков в армии остается явлением чрезвычайно характерным, своеобразным, первенец XX века, авиация пришлась по душе современным людям; у нее нашлись страстные поклонники, посвящающие ей всю свою жизнь; уже есть прирожденные авиаторы, как бывают прирожденные поэты. Когда беседуешь с летчиками, преданными своему делу, кажется, что попал в другой мир. Какие-то чуждые нам представления о событиях складываются у людей, которые привыкли смотреть на землю «сверху вниз», наблюдать жизнь с высоты в 2000 метров.

В Варшаве и при разъездах по «театру военных действий» мне случалось не раз встречаться с нашими военными летчиками, беседовать с ними, расспрашивать их. Приходилось видеть и их эволюции над Варшавой и над позициями, а также во время моей поездки в Б., и полеты наших дирижаблей. [...] Все чаще слышишь об удачных разведках и лихих «налетах» наших авиаторов, все чаще видишь на крыльях парящего моно- или биплана белый круг, знак, присвоенный русским воздухоплавательным машинам.

Совсем недавно мне случилось беседовать с одним из офицеров-наблюдателей, П., совершившим длинный ряд очень смелых и очень успешных разведок и пользующимся огромным уважением в своем полку и среди товарищей. П. — фанатик своего дела; он посвятил себя авиации с самого ее возникновения и, как птица, считает воздух родной стихией. Когда в разговоре заходит речь о каком-либо новом лице, П. неизменно спрашивает:

— А какое отношение имеет он к авиации?

Разумеется. В этих вопросах есть доля шутки, но все же они определяют мировоззрение П.: все, что не имеет отношения к авиации, кажется ему малоинтересным.

Я задал П. вопрос, особенно интересовавший меня: каково, по его мнению, значение авиации для военного дела?

— Я думаю, — не без грусти ответил П., — что настоящую пользу мы можем принести почти исключительно при разведках. Бросание бомб, в сущности, вздор. Нацеливаться с высоты страшно трудно: метишь в одно место, а попадаешь на десятки сажень в сторону. Мне самому удавалось причинять немцам тяжкий вред бомбами, но — уверяю вас — более или менее случайно. Однажды я целился в мост, а попал в немецкий обоз и произвел там жестокое опустошение, — и все в этом роде. Так же и немцы: если им удается ловко попасть бомбой, то только по счастливой для них случайности.

— А воздушный бой? — спросил я.

— Почти невозможная вещь. На большом расстоянии стрелять бесполезно: при быстроте хода аэропланов ни за что не попадешь. А подойти в воздухе близко к неприятелю удастся один раз из ста, если не из тысячи. Это так редко случается, что многие из нас даже оружия с собой не берут. Вот, например, недавно летчику С., — офицер очень дельный и очень храбрый, — посчастливилось наткнуться на немца. Аппарат у С. делает 150 верст в час, а у немца — только 100. С. нагоняет немца; тот побледнел, весь замер, потому что у него не было с собой никакого оружия. Но на беду и у С. не было с собой даже револьвера: в кармане — часы и плитка шоколада! Догнал С. немца, посмотрел на него, раскланялся вежливо и повернул обратно.

— Простите, но мне кажется, что лететь без оружия все-таки неблагоприятно. И потом это — случай исключительный.

— Если и есть оружие, то бывает трудно нагнать врага. Случай с С. именно исключительный. Что из того, если аппарат лишних 50 верст в час. Погоня обыкновенно длится несколько минут. За это время немец всегда успевает достичь района расположения своих и приземлиться. Несколько раз я преследовал этих «голубей» на аппарате, который идет гораздо скорее, и всегда безуспешно. Вот не так давно во время разведки встретился мне немец. Я велел моему летчику (П. сам не управляет аэропланом) гнаться за ним. Немец стал давать сигнал дымками: то выпустит струю белого дыма, то черного, повернул и стал уходить. Мы уже почти-почти его настигли, но он тут-то и принизился. Смотрю: под нами немецкие позиции, батарея и все такое. Если бы мы спустились, нас расстреляли бы как куропаток. Пришлось возвращаться ни с чем. Ужасно досадно было!

Разговор перешел на те аппараты, какие распространены в нашей армии и каким пользуется сам П. Сделав характеристику разных систем аэропланов, П. с особой похвалой отозвался о том, какой находится сейчас в его распоряжении. Это — моноплан [...], отнятый у немцев. Во время одной разведки немец попал в сферу нашего обстрела; на аэроплане был пробит бак, и летчик принужден был опуститься; аппарат был взят; его исправили и передали П., как одному из лучших офицеров-наблюдателей... [...] отличается исключительной быстротой хода [...], большой грузоподъемностью и особым комфортом во внутреннем устройстве: для наблюдателя устроена особая кабина, где есть отдельный столик, на котором можно разложить карту, ящик для хранения нужных приборов, прикрепленная к борту винтовка и т. п. [...]

— Впрочем, — добавил П., — для каждого летчика всего лучше тот аппарат, к которому он привык. Если бы видели, как управляется С. своим маленьким «мораном-солнью», с крыльями в 14 метров, что он на нем выделяет! Буквально кувыркается в воздухе. «Мертвые петли» для него — самая обычная забава. Кстати сказать, когда их наблюдаешь с воздуха в «петличном», они производят совершенно другое впечатление, чем с земли, — прямо чего-то жуткого. Большое будущее принадлежит и нашим «Илья-Муромцам». Подумайте, что один такой богатырь легко поднимает 40 пудов груза! Когда недавно немцы забросали бомбами Б., им пришлось послать чуть ли не десять аэропланов! А «Илья Муромец» мог выполнить такую задачу один. Особенно хороши наши «Муромцы» нового, «облегченного» типа... Погодите, вы о них еще много услышите!

Я стал расспрашивать о разведках, выполненных П. Сколько было можно, он поделился со мной добытыми им сведениями; но расположение армий сейчас видоизменяется так часто, что все эти сообщения имели значение лишь на несколько дней. Навсегда мне запомнится только тот энтузиазм, с каким П. говорил о своих расследованиях. Он, по-видимому, чувствовал себя истинно счастливым всякий раз, как ему удавалось нанести на карту что-нибудь ранее неизвестное: новый мост, навешенный немцами, новый форт, где-нибудь возведенный ими и тщательно замаскированный, перемещение позиций.

— Нелегкое это дело — воздушная разведка! — сказал П. — Не доверяйте тому, кто, полетав полчаса, привозит какие-то поразительные открытия. С высоты бывает очень трудно ориентироваться и еще труднее определить точно, что именно видишь. Необходимо несколько раз проверять самого себя. Обыкновенно лазишь, лазишь в воздухе и рад бываешь, что наконец отметишь: туда перешла пехота или что-нибудь подобное. А вернешься, спросишь: сколько летал? Оказывается, два часа с половиной!

— И летать вам никогда не бывает страшно? — спросил я.

— Страшно? Бояться совершенно нечего. Падают летчики всегда по своей неосторожности. Если летчик внимательно относится к своему делу, летать столь же безопасно, как ходить пешком или плыть по реке на лодке. При исправном моторе решительно ничего не может случиться. Вот летчика, который меня везет, я всегда выбираю старательно и требую от него самой строгой аккуратности. Зато и мои летчики не остаются внакладе: все, с которыми я летал, получили георгиевские кресты.

Я уже упоминал, что П. сам не управляет аппаратом, а предоставляет это «нижнему чину», сдавшему экзамен на военного летчика. Я спросил, почему он это предпочитает.

— Летчик из меня вышел бы посредственный, — скромно ответил П., — а наблюдатель я, смею сказать, перворазрядный. К тому же солдаты прекрасно справляются со своей задачей. Многие из них делают превосходными пилотами: так ведут аппарат, как не сумеет самый прославленный пилот из тех, кто забавляют публику на аэродромах. Сколько раз мы попадали под обстрел; от сотрясения воздуха наш аэроплан так и качает, так и бросает из стороны в сторону. И ничего! Всякий раз мой солдатик справлялся с задачей: выпрямит аппарат, поднимется выше и уйдет.

Помолчав немного, П. добавил:

— Кстати, помяните при случае военного летчика солдата Зайцева. Много я с ним летал и другого такого, пожалуй, не сыщу. С виду был корявый мужичишка; характер был у него плохой, все любил по-своему делать, наперекор другим. Но так ловко владел аэропланом, что все отдавали ему должное. И храбрости был исключительной. Имел два Георгия и еще заслужил бы. Да вот третьего дня, когда немцы бросали бомбы в Г., [...] Осколком Зайцева ранило; промучился, бедняга, сутки и отдал душу Богу. Сегодня похоронили.

Варшава, 31-го января

Мимоходом

VIII. Оборона северного фронта

«Задача», которую пытаются решить немцы в Польше, все одна и та же вот уже седьмой месяц: взять Варшаву. Пробовали немцы сразу надвинуться на Варшаву огромными силами, но были отбиты. Пробовали наступать методически, делая свои любимые «глубокие обходы», и опять безуспешно. Последнее наступление было ликвидировано ожесточенным сражением 18–20 января на фронте Боржимов—Гумин—Воля-Шидловская. Тогда германский генеральный штаб решил «приступить к осуществлению нового плана» (слова из донесения штаба Верховного Главнокомандующего). Остановив на нашем западном фронте, в долинах Бзуры и Равки, обильно политых немецкой кровью, лишь небольшие сравнительно силы, немцы опять перебросили свои войска на север. Началось новое наступление, идущее теперь по двум направлениям: одно — прямо на восток, с целью «разбить нашу десятую армию, которая занимала укрепленные позиции вдоль Ангерпа и Мазурских озер» (слова донесения); другое — с севера на юг, непосредственно к Варшаве, по пути, защищенному крепостью Новогеоргиевск.

Серьезность первого движения достаточно выяснена в донесениях штаба Верховного Главнокомандующего. Но и второе движение обладает самостоятельным значением. Судя по количеству войск, сосредоточенных немцами в Плоцкой губернии и на ее границе, можно думать, что на этот раз они действительно хотят испытать, нельзя ли прорвать наш северный фронт и с этой стороны открыть себе доступ к не дающейся им Варшаве. До сих пор Плоцкая губерния служила немцам исключительно демонстрацией большего или меньшего масштаба, главным образом вследствие трудности поддерживать из нее связь с другими армиями. Теперь, как кажется, немцы решились этим затруднением пренебречь.

Сразу вся обстановка жизни на нашем северном фронте изменилась. В тех самых местностях, где в декабре — когда мне случилось проезжать по ним — война была «притушена», как, бывало, перевертывали на время керосиновую лампу, закипела и зашумела напряженная, торопливая деятельность. На передовых позициях, где месяц назад отношения между нашими войсками и немцами были почти что дружелюбными, стали готовиться к событиям самым решительным. Быстро подвинулись на свои новые места полки, батареи, обозы; через поля перебежали новые телеграфные нити; там и здесь с поспешностью были завершены различные сооружения...

Если немцы ожидали встретить нас на этом фронте неподготовленными, они с первых же своих шагов могли убедиться, что глубоко заблуждались. В честь и похвалу всем, кто этим ведал, от высших до малых, надо сказать, что неожиданное наступление отнюдь не застало нас врасплох. Где наши войска отходили перед неприятелем, это зависело всецело (как на то также указано в донесении Штаба Верховного Главнокомандующего) от заранее принятого нами стратегического плана. Где мы находили нужным оказать сопротивление, немцы везде терпели неудачу и были принуждены отступить после отчаянных атак. Как здесь сложатся события далее и чем разрешатся, никто, конечно, сейчас не возьмется предсказать. Но что события готовятся важные, это явно даже для случайного наблюдателя: трудно ошибиться в значении зловещей тишины, разлитой здесь кругом: это — та тишина, что бывает «перед бурей».

Прежде всего глаза наблюдателя поражает непривычная пустынность края, еще 15–20 дней назад оживленного. Можно проехать 5–6 верст, не увидев ни одного человека. На больших дорогах изредка встречаются запоздалые переселенцы: телеги или фургоны, наполненные домашним скарбом, на котором разместились целая семья, глава которой, молчаливый крестьянин-поляк, спокойно, уверенно шагает рядом. По сторонам шоссе простираются совершенно пустые поля; снег везде стаял, и из-под него выступила поблеклая прошлогодняя зелень; но нет на этих пажитях и пастбищах ни работающих, ни стад. Более населенным кажется небо, в котором то и дело означаются кресты парящих или планирующих аэропланов.

Деревни покинуты жителями, и по избам расквартированы солдаты. Но на этот раз то не было паническим бегством перед наступающим врагом, как в Западной Польше. Население было извещено заблаговременно, что ему лучше покинуть временно край, который может стать ареной тяжелых боев. Следуя совету, крестьяне забирали свое имущество и выселялись в более отдаленные деревни, но не как «беженцы», которые уходили «куда глаза глядят», захватив «что попало под руку», но именно как переселенцы, избравшие «новые места» для жительства. Все при этом уходило с твердой уверенностью, что изгнание продлится недолго, что скоро будет можно вернуться под родной кров.

Замечательно то единение, которое обнаружилось в эти дни между армией и населением. Польские крестьяне, не утратившие и на седьмом месяце войны живое сочувствие к русской армии, старались оказать солдатам все услуги, какие могли: угощали их домашними снедями, давали советы, как расположиться в оставляемых избах, и т. п. Солдаты, в свою очередь, помогали крестьянам собрать имущество, увязывали вместе с ними узлы, укладывали ящики и корзины на телеги. Помогали солдаты и справиться с оставшимися у крестьян запасами зерна. Нередко можно было видеть, как наши «нижние чины» усердно работают на польских мельницах-ветрушках, которых так много в крае. Домолоченный хлеб делится по-братски: половину брал себе крестьянин, половина поступала солдатам...

Поделившись и предоставив солдатам свое жилье, крестьяне-поляки уходили. Понемногу во всем районе не осталось «гражданского населения». Армия взяла весь край в свое временное обладание, чтобы оборонить его от врага и вернуть в свое время законным хозяевам...

Современная и старая крепость

Крепостная техника последних десятилетий, которой пришлось бороться с чудовищно возрастающим калибром орудий, предназначенных для сокрушения укреплений, изобрела сотни утонченных способов и приемов обороны, которые «и не снились» нашим предкам. Современная крепость или требует от осажденных невероятных, несообразных жертв (как показывает, напр<имер>, штурм Льежа, крепости не первостепенной), или может сопротивляться неопределенно долгое время, пока у гарнизона хватит провианта и боевых запасов.

Старинные крепости, как известно, росли в высоту. Рыцарские замки, которые были, в сущности, крепостями, донныне пленяют нас своими сторожевыми башнями, зубчатыми стенами с узкими бойницами, висячими балконами, подъемными мостами... По мере развития артиллерии крепости все принижались: башни стали не только не нужны, но и вредны, так как представляли превосходную мишень для пристрела; исчезли зубцы стен, которые уже не могли предохранять от тяжелых снарядов; наконец, вообще стены оказались ненадлежащим прикрытием. Каменные сооружения уступили место земляным и бетонным. Крепости стали окружаться рядом фортов, низеньких, со сглаженными земляными склонами, из-за которых едва выглядывают длинные дула современных орудий. Мало того: многие сооружения не только принизились до уровня почвы, но и *ушли в землю*. Вокруг крепости потянулись подземные коридоры и переходы, назначение которых — дать возможность отразить врага, приближающегося к фортам «сапой». С высоты старинных сторожевых башен современные защитники крепостей спустились на землю и как кроты зарылись в нее.

Столь же новые приемы применила военная техника и для защиты крепости от прямой атаки — «штурма» или «приступа». Изгороди из колючей проволоки, густым кустарником опоясывающие теперь форты, или «волчьи ямы», также с кольями и колючками на дне, по существу, еще мало отличаются от «кипящей смолы», которую когда-то лили осажденные на штурмующих их врагов, или от «горючих стрел», которыми гарнизон пытался зажечь неприятельский лагерь. Но другие средства обороны, бесспорно более могущественные и страшные, уже вполне — создание нашего времени. К ним принадлежит, напр<имер>, электрический ток, пропускаемый по проволокам, окружающим крепость: оружие, которого и вообразить не могли инженеры времен Вобана. К ним принадлежат еще мины и фугасы, защищающие все подступы к крепости. Человеческая изобретательность придумала несколько способов минировать дороги: можно сделать это так, что взрыв последует после того, как особый наблюдатель соединит электрический ток; можно и так, что мина взорвется сама собой, едва на определенное место наступит чья-то нога; наконец — так, что значительная часть идущего на приступ отряда через нее, причем погибнут не первые только ряды (как во втором случае), но он весь, целиком. Изобретены еще особые, подземные минные атаки, дороги, по которым проведены электрические токи и т. под., и т. под.

Может быть, будущие поколения найдут свою красоту в этих низеньких, почти не поднимающихся над уровнем почвы фортах; в этих подземельях, где таятся мины,

словно мистические минотавры, поджидающие жертву; в этих проволочных загородах, которые, как зверь с миллионом когтей, готовы растерзать на клочки приблизившегося к ним смельчака, — во всех этих исхищрениях XX века. Человеку наших дней красивым все это не кажется, и для нас эстетика прежних крепостей поглощена утилитарными соображениями. Вероятно, старинная крепость, честно служившая в прошлые века, со своими круглыми башнями, толстыми каменными стенами, валами, рвами, раскатами, пренебрежительно смотрит на выросшие рядом с нею невысокие земляные укрепления, сети из тонкой проволоки, похожие на паутину, и уводящие под землю колодцы. «Доверились бы вы лучше толще моих стен», — вероятно, думает старинная крепость. Но она ошибается: именно проволочная паутина, подземные переходы и скромные бетонно-земляные форты и составляют ту силу, сломить которую трудно даже миллионной армии и ее 42-хсантиметровым орудиям.

Л.А.

В Праснышском районе

«I»

Когда переезжаешь из города в город на лошадях и особенно когда проходишь путь пешком, «с дорожным посохом в руке», — вся местность кругом становится знакомой и близкой. Запоминаешь отдельные группы деревьев, под которыми отдыхал, овраги, которые приходилось преодолевать, каждую деревню на пути и все картины далей, менявшихся медленно и постепенно. Совсем другое, когда мчишься на автомобиле, который как бы бросает назад, через голову, версту за верстой. Все окрестности сливаются в одно бесцветное пятно — поля, леса, речные долины, отдельные дома и целые селенья, — и кажется, что всегда и всюду, во всех направлениях, едешь по одной и той же дороге.

Все же мне живо припомнился край, в который я вернулся пять месяцев спустя после первого посещения, — и прежде всего потому, что это — одна из немногих областей северной Польши, пощаженных войной. Я был здесь в начале военных действий, в сентябре, при первом наступлении немцев с севера, и почти ничего не изменилось с того времени. Передо мной были те же дали, только из ярко-зеленых стали мутно-серыми, те же маленькие городки, в которых не было ни одного дома, сожженного или разрушенного снарядами, те же мосты и повороты шоссе. Я узнавал знакомые вывески кафе, в которых останавливался во время сентябрьской поездки, красивые очертания недостроенного собора с готическими башенками, который так и остался недостроенным, мощный мост через реку, сохранившийся нетронутым... Все кругом было то же, что и пять месяцев назад.

Но огромная разница чувствовалась в настроении населения. Тогда, в сентябре, война была еще чем-то новым, неизвестным, страшным. Тогда ее приближение наводило ужас. Перед глазами всех стояли окровавленные призраки Млавы, Ченстохова, далекой, раздавленной Бельгии. Немцы представлялись свирепыми хищниками, одно имя которых вызывало трепет. Тогда местные жители, едва разносилась весть, что германские войска недалеко, спешили бежать в настоящем «паническом»

страхе. Мне припомнилось то самое шоссе, по которому мы теперь проезжали, запруженным беженцами: ехали фуры и телеги, переполненные, набитые людьми и имуществом; вереницами шли пешеходы, унося в котомках за плечами свое скудное достояние; в лесах располагались таборами крестьяне, надеявшись укрыться в чаще от зоркости немцев.

Ничего такого не было теперь перед нами, хотя движение немцев на этот раз гораздо серьезнее и предпринято с гораздо большими силами. Не то чтобы население стало меньше бояться немцев, но оно стало хладнокровно относиться к военным действиям и до известной степени разбираться в соотношении сил. Шесть месяцев войны научили многому и заставили всех практически пройти элементарный курс военных наук. В начале войны в душах местных жителей со слепой верой в русскую силу боролся столь же слепой страх перед врагом; теперь же все со спокойной уверенностью выжидают хода событий. И жизнь в «угрожаемых» местностях течет теперь почти так же, как в мирные годы, хотя на каждом шагу встречаются серые солдатские шинели и ветер порой доносит издали гул пальбы...

Может быть, это спокойствие местных жителей объясняется тем, что они невольничьи каждый день наблюдают, насколько наша армия готова встретить непрошенных гостей. [...] гребнях рыхлой земли, живописно пестрели разноцветные одежды крестьянок, бодро и быстро работавших солдатскими лопатами...

Промелькнул огромный железный мост; мы въехали в П., довольно большой городок, расположенный на высоких склонах правого берега. В сентябре П. казался вымершим. На улицах и на базарной площади тогда тоскливо топтались только кучки евреев; ни одного экипажа не было видно нигде; окна кафе и ресторанов были забиты досками — наивная предосторожность! Когда я зашел в мелочную торговлю, едва ли не единственную, которая была открыта во всем городе, купить тросточку, на меня посмотрели как на безумного. А в отеле, куда мы вошли «черным ходом», мы лишь с большим трудом выпросили себе чайник кипятку, который нам дали скорее из любезности или из милости, чем ради платы, а пить чай нам пришлось на бильярде, так как вся мебель была припрятана.

Теперь нас окружила в городе привычная повседневная жизнь. Люди шли по своим делам, толпились на крыльце почтовой конторы, заходили в магазины, сидели в кофейнях. В том самом отеле, где в сентябре нам отказывали в кипятке, мы нашли теперь буфет с закусками, накрытые столики, всю обстановку ресторана. Девушка-служанка привычным голосом стала перечислять нам сегодняшнее меню: «шницель, бифштекс, свиные котлеты, заяц...» А в соседней комнате весело стучали бильярдные шары.

Можно было подумать, что генерал Гинденбург и не замышлял своего обходного движения на Варшаву с северо-востока, — движение, которое в случае удачи должно непременно захватить и П.! А между тем в сентябре немцы далеко не были так близко от П., как теперь, в феврале, и в конце концов все их сентябрьское наступление с севера было только большой демонстрацией. Да, ко всему могут привыкнуть люди, — даже к «состоянию войны»!

II

После недолгого отдыха в П. мы продолжали наш путь. Близость района боевых действий становилась ощутительнее. Автомобиль принужден был лавировать между повозками и телегами бесконечных обозов [...].

По шоссе мы то обгоняли различные части войск, шедшие к месту своего назначения, то встречались с вестовыми, скакавшими с донесениями. По сторонам шоссе вырисовывались обычные образы картины боевой жизни [...]. Наконец, все чаще и чаще стали встречаться партии пленных немцев.

Пленных было много. Иногда шли небольшие группы, в 10–20 человек; иногда в одноколках провозили по одному — по два, видимо раненых; но были и огромные партии, в 200—300 человек. Конвоировали их [...] вполне достаточно. Лица у плен-ных были самые разнообразные, но преобладали пожилые ландштурмисты. Многие курили: кто — трубку, кто — папиросу, а кто и сигару. Иные даже несли свое имущество в особом, довольно объемистом узелке.

Большую группу пленных, человек в 300, нам пришлось увидеть в М., городке, лежавшем на нашем пути. Пленные были выстроены на площади, перед отправкой в П. [...]; они стояли со скучающим видом, переминались с ноги на ногу и обменивались друг с другом замечаниями сквозь зубы. Кругом теснилась толпа из наших солдат и горожан и с любопытством разглядывала «врагов».

— Разве же это солдаты! — говорил стоявший около меня «унтер» своему со-седу. — Наш один троих таких уберет. Вот, гляди, на коне сидит, вот это — солдат!

— Так он на коне! — возражал товарищ. — Сидит. А эти небось пеши, устали.

— Ну вот возьми: пехотинец, — упорствовал унтер, указывая на рослого солда-та, — в плечах — косая сажень. У них ни одного такого нет.

Помолчав, унтер продолжал:

— И что за шинелишка у них: ветром стегана... Захочу, и я фуфайку куплю. Да мне не надо: и в казенном тепло.

Мы спросили, в каком бою были взяты эти пленные.

— Без бою, — самодовольно ответил унтер. — Окружили мы деревню, они и побросали оружие. Берите, мол, нас живыми.

Не дождавшись выхода партии, мы попытались ехать дальше. За М. уже начи-нался боевой район. Деревья вдоль шоссе были срублены, чтобы не мешать обстре-лу. В окопах солдаты рассыпаны цепью. На удобных позициях расположены бата-реи, вполне готовые к бою. Уже отчетливо слышались впереди залпы орудий и треск разрывающихся шрапнелей, и с каждой новой верстой гул пальбы возрастал ...

Целью нашей поездки было имение О., принадлежащее помещику В., с кото-рым я познакомился во время своего пребывания в этой местности в сентябре. Зная любезность и чисто «польское» гостеприимство В., мы надеялись встретить в его усадьбе дружественный прием, переночевать в ней и ближе ознакомиться с событиями, развивающимися вокруг. В Варшаве я слышал, что немцы при од-ном из своих вторжений в Плоцкую губернию занимали О. и многое в имении разрушили, но что потом владелец вернулся в усадьбу и занялся приведением ее в порядок.

Однако на этот раз нам не суждено было повидаться с гостеприимными хозяевами О. Едва мы миновали небольшую деревушку Д., отстоящую всего на 7–8 верст от конечной цели нашего путешествия, как командир небольшого отряда, составлявшего, по-видимому, сторожевой пост, сам вышел на шоссе и сделал нам знак остановиться.

— Господа, — сказал офицер, — предупреждаю: дальше шоссе обстреливается тяжелыми снарядами. Если угодно, поезжайте, но я ни за что не ручаюсь.

Пальба тем временем перешла в отчетливо слышимые отдельные выстрелы и взрывы. Снаряды разрывались где-то совсем поблизости. За кустарником, прикрывшим поворот шоссе, то и дело взлетали дымки шрапнелей. Посоветовавшись между собой, мы решили не ехать дальше.

Мы предложили офицеру свежие столичные газеты, привезенные нами из Варшавы, которые он принял с явной радостью. Потом я попросил позволения раздать солдатам папиросы и табак.

— Сделайте одолжение, — отвечал офицер.

У меня был с собой небольшой запас папирос, махорки и папиросной бумаги из числа подарков, порученных мне для раздачи на передовых позициях московским Литературно-художественным кружком. Едва солдаты услышали, что можно получить табак, как все, толпой, ринулись к автомобилю.

— Тише-тише, братцы, свалите меня с ног!

Но трудно было сдерживать это стремление напиравших со всех сторон людей. «Изголодавшиеся» без табаку солдаты вырывали у меня из рук коробки и пачки. Наконец послышался окрик офицера:

— Да осторожнее вы, ребята! Не видите разве: вас заметили и по вас палят.

Действительно, отступая под напором толпы, я невольно вышел на открытое место, а граната с треском разорвалась шагах в 200 от нас.

— Я попрошу вас, господа, зайти за угол, — предложил офицер.

Мы завернули за угол крайней избы, и там я закончил раздачу, жалея, что взял с собой недостаточно большой запас: столько еще осталось обделенных! А залпы между тем все учащались, и взрыв за взрывом следовал на поле, под самой деревней. Надо было «уходить», а то немцы могли нас «нащупать».

Попытались мы расспросить офицера об общем ходе дела, но что можно знать, находясь на передовой позиции! Ничего, кроме того, что совершается перед глазами. Любопытный читатель газет в Москве более осведомлен, чем офицер в окопах.

Мы могли только узнать, что Прасныш взят немцами. О блестящих делах в этом районе и в этот самый день отдельных частей нашей армии, а также о подвигах наших блиндированных автомобилей мы услышали лишь по возвращении в Варшаву. И лишь через день из донесения штаба Верховного Главнокомандующего узнали, что Прасныш, недолго побывавший в руках германцев, был затем взят нами обратно. Там, на позициях, нам оставалось только догадываться, по большому числу пленных и по некоторым другим признакам, что, несмотря на занятие Прасныша немцами, перевес в бою на нашей стороне.

Попрошавшись с офицером, мы повернули автомобиль, который и помчался обратно к М. с той же стремительностью, как лошадь, почувствовавшая, что воз-

вращается в конюшню: шофер был, вероятно, очень доволен, что мы не настояли на продолжении пути.

III

Опять замелькали мимо нас те же места, которые мы только что миновали. У окопа, в котором солдаты были рассыпаны цепью, они еще стояли во весь рост, собираясь «залечь» по первому знаку. Вечернее, опускавшееся солнце стояло прямо над их головами, и лучи его, проходя сквозь облака, образовывали над ним род ореола. То было справедливое венчание героев, вновь готовых на подвиг.

Слева от нас, где расстилалась долина небольшой речки, было видно, как маршировала колонна, постепенно исчезая в отдаленном лесу. Это велось «обходное движение». Колонна должна была зайти во фланг левого крыла немецких сил. Судя по рассказам, которые потом пришлось слышать, движение это удалось блестяще.

Сзади пальба не только не прекращалась, но все возрастала. Вскоре начали отвечать и наши орудия. Обернувшись, мы могли видеть белые огоньки, вспыхивавшие за деревьями, за строениями, которые отделили нас от передовых позиций. С наступлением темноты здесь должен был разгореться фейерверк.

В М. пленные немцы еще стояли на площади, и толпа не уставая продолжала разглядывать их. Несколько дальше, у деревни С., нам пришлось присутствовать при раздаче другой партии пленных хлеба. Немцы порывисто кидались к повозке, откуда выдавали им по «французской булке», толкали друг друга, вырывая желанную подачку, и немногим конвойным стоило большого труда восстановить порядок. Того гордого, пренебрежительного вида, с каким держали себя пруссаки в первые месяцы войны (солдаты регулярных войск), совсем не было у этих суетливых, заискивающих ландшатурмистов.

В П. мы опять пили чай. Потом зажгли фонари у автомобиля и покатали по ровному, опустевшему шоссе к Варшаве. Бой остался позади, и чувствовалось, что не так просто будет немцам пройти это огромное расстояние от их позиций до столицы Польши.

Варшава, 15-го февраля

Штабс-капитан Гурдов

Телеграмма «Петроградского Агентства» от 15-го февраля кратко сообщает о смерти штабс-капитана Гурдова. Под Праснышем Гурдов, командуя нашими блиндируемыми автомобилями, «под жестоким огнем выехал на германскую батарею и огнем на расстоянии 20 шагов перебил прислугу у орудия». При этом «беззаветно-дерзком налете, весьма благотворно отразившемся на общем ходе сражения», штабс-капитан Гурдов и был убит. Телеграмма напоминает, что Гурдов уже прославился в ночном бою близ Пабианиц, и являлся в нашей армии пионером в деле боевого употребления автомобилей.

Биографию и характеристику Гурдову напишут его товарищи, знавшие его. Но и мне, встречавшемуся с ним всего несколько раз, хочется помянуть его. На всех, кто к нему приближался, Гурдов производил впечатление человека незаурядного, а после недолгого разговора с ним каждый невольно поддавался обаянию его души, в которой юношеская мечтательность своеобразно сочеталась с математической строгостью мысли и строгим, холодным расчетом. Когда от нас уходят люди, подобные Гурдову, глубоко жаль и их самих, и страшно за дело, бывшее в их руках, потому что нелегко найти в замену им очередного.

Я посвятил в «Русских Ведомостях» отдельную статью штабс-капитану Гурдову (в № от 28-го декабря, «Один из героев», где имя Гурдова обозначено инициалом Г.), в которой описал свою первую встречу и беседу с ним. Гурдов тогда вкратце передал мне свою биографию: рассказал, как он служил капитаном подводного плавания и увлекался фантастическими прогулками по морскому дну; как он мечтал стать авиатором, но должен был отказаться от такого намерения по состоянию своего здоровья; как позже томился, служа преподавателем в военно-учебном заведении, изнемогая от этой кабинетной работы, которая подавляла в нем жажду живой, непосредственной деятельности и подрезывала крылья у его фантастических мечтаний. Едва началась настоящая война, Гурдов устремился на нее, как на то попрещение, на котором он может наконец удовлетворить самые настоячивые потребности своего духа.

И действительно, на войне Гурдов мог в полной мере утолить свой духовный голод по *необыкновенному*. В короткое время имя Гурдова получило самую широкую огласку в военных сферах и за их пределами. Целый ряд безумно-смелых предприятий был связан с именем Гурдова. Он находил особое наслаждение в «испытании» судьбы и с величайшей охотностью принимал на себя самые рискованные поручения, часто оказывал тем огромные услуги нашей армии. То была не только храбрость, не только готовность исполнить свой долг, но неодолимая потребность приблизиться к опасности и восторжествовать над нею силами своего хладнокровия, решительности и строгого расчета.

Особенно много сделал Гурдов, когда был назначен командиром наших блиндированных автомобилей. Он не только «поставил на ноги» это новое у нас дело («явился его пионером», как говорит телеграмма «Петр<оградского> Агентства»), но вознес его на высоту, которой оно не достигло и у наших врагов, ранее обзаведшихся этими машинами. На немцев наш отряд блиндированных автомобилей наводил панический ужас. С ничтожными силами Гурдов врвался в целые полки германцев и, хранимый каким-то чудом, под дождем пуль, шрапнелей и гранат засыпал врага своими снарядами и заставлял отступать. В ночном бою близ Пабианиц (под Лодзью) Гурдов, командуя двумя блиндированными автомобилями и автомобилем-пушкой, имея под своей командой всего 16 человек, привел в беспорядок и отгеснил с позиций *четыре полка* немцев. Подчиненные слепо верили в Гурдова, любили его беззаветно и были убеждены, что он «заговорен» от пуль. Впрочем, несколько раз Гурдов бывал легко ранен.

— Я, — говорил мне Гурдов, — немного фаталист.

Вероятно, он употребил это последнее слово из особой духовной стыдливости, которая не позволяет говорить всуе о самом святом. Правильнее Гурдов мог бы сказать, что он — человек верующий, религиозный. Не столько он полагался на фатум, судьбу, сколько на промысел Божий. Однажды в Варшаве я зашел в новый собор, службы не было, и храм был пуст. В стороне, у одной иконы, я увидел коленапреклоненного человека, который молился, ничего не замечая вокруг. Когда он поднялся с колен, я узнал Гурдова. Мы говорили несколько минут. Я сказал что-то о художественной красоте собора. Гурдов возразил мне:

— Это зависит от того, кто чего ищет в храме. Для меня этот собор дорог тем, что он располагает к молитве. Я люблю приходить сюда, когда здесь никого нет: тогда весь этот простор, этот купол, эти величественные колонны невольно возносят душу к Богу...

У нас еще нет подробностей о последнем бое, в котором Гурдов погиб. Но в самый день его смерти мне случилось быть именно в той деревне Добржинково, около которой он был убит. Это — небольшая деревушка, верстах в семи от Прасныша, на самом шоссе. В этом месте шоссе делает небольшой поворот влево (если ехать к Праснышу); даль закрыта кустарником и мелколесьем. За этими деревьями и расположили немцы свою батарею, загоразивая занятый ими тогда Прасныш и осыпая наши силы перекидным огнем. Слева находится широкое открытое поле, по которому без тяжких жертв невозможно подойти к неприятельским позициям; справа — долина небольшой речки, тоже открытая для обстрела с немецких позиций, занимавших, сравнительно с долиной, высоты.

Такая топография местности и объясняет некоторую затруднительность нашего положения. Когда я был в Добржинкове, происходил тот «общий отход наших войск, сопровождавший начало сражения», о котором говорит телеграмма «Петроградского Агентства» (от 15-го февраля). Гурдов, очевидно, повел свои блиндированные автомобили прямо по шоссе непосредственно на неприятельскую батарею. Умирая, он мог иметь то утешение, что движение его и на этот раз удалось блестяще. Не только Прасныш был взят нами обратно, но даже неприятель «в большом, но еще не выясненном числе положил оружие». Одна телеграмма говорит, что «дерзкий налет Гурдова весьма благотворно отразился на общем ходе сражения». Другая подсчитывает, что за два дня, 11-го и 12-го февраля, нами взято в праснышском сражении «30 офицеров 2600 нижних чинов, 7 орудий, 11 пулеметов и большое количество обоза». Таким образом, и в последнем, роковом для него бою штабс-капитан Гурдов остался тем же героем, каким проявил себя во всю кампанию и погиб, оказывая новую, неоценимую услугу нашей армии...

Приходится сказать «последнее прости» павшему герою и человеку. Да живет его пример в рядах нашей армии! Будем надеяться, что в ней найдутся новые Гурдовы, которые сумеют продолжать его любимое дело. Это будет лучшим венком на могилу штабс-капитана Гурдова.

Варшава, 16-го февраля

К Праснышскому сражению

Праснышское сражение было одним из самых значительных за все время войны. С обеих сторон в нем участвовали весьма крупные силы, оно решило участь всего «восточно-прусского к нам вторжения», главное же — закончилось оно не неопределенным результатом, как ряд других больших боев, но решительной нашей победой. Немцы были разбиты, частью отступили, частью бежали, понеся огромный урон, отдав много пленных и много орудий, и должны были уйти к Млаве и дальше, за свою границу. Еще не настало время подводить итоги этого сражения или рисовать полную его картину, но именно теперь, пока воспоминания свежи, должно собирать для этого материалы. Может быть, не лишними будут и те мелкие штрихи, которые могу привести я на основании рассказов очевидцев и участников боя, а отчасти и по личным впечатлениям.

Прасныш — небольшой городок, типичный для северной Польши. В центре — базарная площадь с каланчой, аптекой, присутственными местами. Неподалеку — городской сад, запущенный и малопосещаемый. Как реки, вливающиеся в озеро, на площадь выходят улочки, грязные, обставленные зачастую одноэтажными деревянными домишками. На одной из них — городской собор за каменной оградой. Большинство жителей — евреи; по крайней мере из них состоит городская толпа: евреи бесценно суетятся на площади, красивые еврейки сидят у ворот и у дверей лавок, еврейские фамилии пестрят почти на всех вывесках. В общем, все так обыкновенно, что Прасныш можно спутать с десятком других польских городов.

От боя Прасныш, конечно, пострадал, но далеко не так, как, например, некоторые города на юге Люблинской губернии, в которых есть целые кварталы, обращенные в развалины. В Прасныше разрушены и сгорели только отдельные дома, много — группы домов. Более пострадали окрестные деревни, за которые также шли упорные бои. По окраинам деревень от «халуп» (так здесь называют избы) остались одни печи, широкие у основания и кончающиеся тонкой трубой, что придает им странную пирамидальную форму. Издали кажется, что въезжаешь на улицу, по сторонам которой стоят маленькие белые пирамиды. Пострадали и четыре аллеи-шоссе, которые выходят из Прасныша в четырех разных направлениях. Столетние деревья срубили, и теперь под городом дороги обставлены какими-то искалеченными, неровными пнями.

Как известно, немцы могли занять Прасныш вследствие сравнительной неожиданности своего наступления. Вообще, быстрота, стремительность были единственным их преимуществом, и только этим объясняется их некоторый успех в первые дни боя. Когда выяснилось, что наступающие германские силы значительно превышают наши и что немцы угрожают зайти нам в тыл, решено было временно эвакуировать Прасныш. Солдаты долго не могли примириться с таким приказанием.

— Иные чуть не плакали, — рассказывал один офицер, — и просили меня: «Ваше благородие, выхлопочите позволение остаться! Мы его (немца) отшибем,

верьте слову, не впустим!» Просьба была наивная, но характерная: солдаты смотрят на бой как на свое личное дело, испытывают чувство личного стыда, отступая перед немцем.

Агентская телеграмма сообщала, что «в Прасныше при общем отходе наших войск осталась горстка наших храбрецов». Точнее говоря, они остались не в самом городе, но в передовых окопах, расположенных на пути наступления немцев с северо-востока. Этот отряд, атакованный безмерно превосходящими силами, не положил, однако, оружия, но пытался пробиться и соединиться с товарищами. Это он один вел на улицах Прасныша тот бой, который в немецких сообщениях назван «упорным сопротивлением». Надо надеяться, что впоследствии мы узнаем подробности этого славного дела.

После «отхода» мы сосредоточили в районе Прасныша силы, которые могли не только успешно бороться с германской армией, но и выбить ее из всех позиций. Мне довелось видеть на дорогах от Варшавы наши полки, шедшие на указанные им места. Всматриваясь в лица солдат, марширующих к месту боя, невольно думаешь увидеть следы волнений, тревоги. Ничего не было; солдаты шли спокойно, бодро и выражение их лиц было просто серьезное, деловое, как у людей, идущих делать свое дело. Сознаюсь, что, глядя на эти полки, я испытывал «чувство» непобедимой — может быть, и «дешевой» — гордости. Как много здесь было сильных, здоровых, крепких молодцов, из которых едва ли не любой мог позировать как тип для этюда «Русский солдат»! Словно и не печатаются ежедневно длинные списки «выбывших из строя»! Словно то был первый день войны, и наши лучшие силы вышли вперед. Чувствовались огромность и неисчерпаемая мощь России!..

Самый праснышский бой, как все современные сражения, разбился на много десятков отдельных маленьких боев. По шоссе через каждые 200–300 сажен встречается окоп, часто огороженный колючей проволокой. Такие же окопы окружают деревни, перерезают поля; вся обширная область праснышского боя похожа на какой-то гигантский кротовый дворец. При постоянных передвижениях частей армии отдельных мест боя так много, что санитарам стоило большого труда привести их в порядок. Много спустя после боя еще можно было видеть в окопах тела немецких солдат. Некоторые приходилось с усилием высвобождать из колючей проволоки, в которой они запутались, как в капкане.

Несомненно, что немцы проявили на этот раз меньше распорядительности, чем обыкновенно. В середине сражения у них произошла какая-то путаница, и связь между частями армии нарушилась. Были отряды, которых в штабе как бы потеряли из виду, так что они не получали ни продовольствия, ни боевых снарядов. В деревне Ж. целая рота, занимавшая ее, положила оружие. Когда пленных спросили, почему они сдались, те отвечали угрюмо:

— Нам нечем было стрелять...

Пленных в сражении было взято особенно много. Немцы перестали бояться русского плена, и были случаи, когда они клали оружие с шутками: «Довольно, повоевали!» Все дороги, ведущие от Прасныша, были заполнены отрядами конвоируемых

пленных. Издали можно было узнавать их по серо-синеватому цвету шинелей. Кстати сказать, этот цвет всего менее может быть назван «защитным»: он резко выделяется на фоне земли и порыжелой, зимней зелени травы.

В городах, через которые проходили отряды пленных, они делались предметом всеобщего любопытства. Всегда их окружала толпа; но зрители, обмениваясь между собой разными замечаниями по поводу немцев, не позволяли себе никаких оскорблений. Никто в пленных не плевал, не бросал камнями, что приходится испытывать нашим пленным в немецких городах... С таким же любопытством толпа разглядывала разные трофеи: пушки, пулеметы, зарядные ящики. Всего этого нам также досталось много. В своем поспешном отступлении немцы бросали свои орудия на дороге или в лесу, даже не успев привести их в негодность. Говорят, нам досталась и новая линия железной дороги, построенная немцами.

Все роды оружия приняли участие в праснышском сражении. Главная тяжесть выпала, конечно, на долю артиллерии и пехоты. Последняя, вообще играет первую роль во всей войне, и ее, по выражению Пушкина, «тяжкой твердости» обязаны мы важнейшими успехами. Но в праснышском бою могла развернуться и кавалерия, потому что отступление немцев местами переходило в настоящее бегство. О подвигах наших блиндированных автомобилей уже много говорилось. Товарищи и подчиненные шт«абс»-кап«итана» Гурдова показали себя достойными своего погибшего начальника. Огромные усилия оказали нашей армии летчики, которые работали неотомимо, несмотря на крайне неблагоприятную погоду: поднимался и сильный ветер, начинал идти и дождь, и мокрый снег, — ничто не могло остановить «крылатых воинов». Немецкие авиаторы также пытались помочь своим, кружили над нашими позициями, бросали бомбы, но без особого успеха...

Неподалеку от Прасныша находится местечко Богатое. Там есть, около самого шоссе, небольшой прудик. Хотя снега в полях не было (единственными белыми пятнами пейзажа были стаи уток и гусей), прудик был подернут непрочным ледком. Мне случалось проезжать мимо в то самое время, когда шел бой за Прасныш. Издалека доносился гром канонады; за лесом были видны вспышки разрывающихся шрапнелей. Между тем группа мальчишек, подвязав дешевенькие коньки, мирно забавлялась катаньем. Дети весело хохотали, не заботясь, что каждую минуту могут провалиться в студеную воду, и не слушая отзвуков страшной пальбы...

Варшава, 20-го февраля

Литература немецких окопов

Немцы самый книжный народ в мире. Ни в одной стране не издается столько книг и журналов, как в Германии. И нигде не покупается столько книг, как в Германии. Франция, напр«имер», в значительной степени издает свои желтые томики для вывоза: Россия и Южная Америка являются важнейшими рынками книжной торговли. Сами французы не любят покупать книги. «Тому виной, — наивно объяснял мне один француз, — древность нашей культуры: в каждом доме есть библиотека, собранная дедами, и новые книги некуда ставить». Немцы, напротив, сами «потре-

бляют» производимые ими книги. Агенты немецких книжных рыскают по городам и селам и всюду «всучивают» разные издания по подписке или томики бесчисленных дешевых серий вроде знаменитых изданий. Трудно найти в Германии дом, где не было бы маленькой библиотечки классических и новых книг.

Неудивительно поэтому, что и немецкие окопы не лишены своей литературы. Сколько раз мне случалось попадать в траншеи, покинутые немцами, я всегда находил там груды печатной бумаги, и это несмотря на то, что раньше в окопе уже побывали наши санитары, вынесли из него все, имеющее ценность и значение, и более или менее «прибрали» его. В немецких окопах всегда валяются номера газет, листки разных реклам и воззваний, прокламации, поучения, страницы, вырванные из книг, и целые маленькие брошюры. Книжность немцев сказалась и на войне ...

Есть в этой груде печатной бумаги вещи не «специфические», не имеющие прямого отношения к войне. Таковы берлинские и иные газеты, разные романы и книги более серьезного содержания, от которых то там, то здесь попадаются странички; это, вероятно, — чтение офицеров. Таковы также книги содержания религиозного, молитвенники, Евангелие, Библия; эти, вероятно, остались после солдат. Особенно часто приходится находить странички псалмов.

Далее следуют всякого рода рекламные листки. Среди них есть объявления, непосредственно порожденные войной, в которых рекламируются панцири, непроницаемые для пуль и *для пик*, складные кровати, всевозможные консервы, сгущенный спирт и т. д. Но встречаются и объявления неожиданные, которым, казалось бы, не место в окопах: например, мне попался листок, восхваляющий фабрику итальянских окарينو. Очень много предложений от «Немецкого военного союза» (Deutscher Kriegerbund), занимающегося страхованием жизни воинов. Полное название этого учреждения: «Friedrich Wilhelm Lebensversicherung Aktiengesellschaft in Berlin» (т. е. берлинское акционерное Общество страхования жизни имени Фридриха Вильгельма). Внеся сумму от 5-ти до 200 марок, солдат может ожидать, что его семья, в случае его смерти, получит маленький капитал. В войну 1870—1871 гг., когда это Общество уже существовало, пришлось, по расчету, по 250 марок на каждые 10 марок взноса. Разумеется, чем больше солдат будет убито, тем ниже будет премия... Общество рассылает совершенно готовые нумерованные квитанции, в которые остается только вписать свое имя, фамилию, полк и т. п.

Определенно для армии составлены несчетные воззвания и прокламации. Немало воззваний от различных религиозных общин; эти воззвания пересыпаны текстами Священного Писания, но составлены в весьма воинственном духе (текст некоторых из них уже приводился в русской печати). Встречаются и воззвания политические... В большом количестве валялись, прежде «всего», книжки с горделивым заглавием: «Mehr Freinde, — mehr Erde» (больше врагов — больше земли). В них изложен, конечно с немецкой точки зрения, — ход дипломатических переговоров, приведших к войне, причем перепечатаны отрывки из официальных документов, долженствующие доказать, что Германия всеми средствами поддерживала мир, но на нее коварно напали со всех сторон. Говорят, что всем немецким солдатам без исключения были розданы эти книжки. Я видел их в окопах при Ло-

виче; с тех пор они встречаются реже: должно быть, даже немцам не показалась убедительной официальная ложь. [...]

Особый вид политической литературы составляют карикатуры, отпечатанные преимущественно на открытых письмах. Те, которые я видел, отличались характерной немецкой грубостью. На одной, например, был изображен англичанин, в виде низенького пузатого человечка, присевшего на своем острове, тогда как колоссальный немец шагает исполинской походкой через Па-де-Кале и готовится раздавить врага, как лягушонка, гигантским сапогом; в небесах парит цеппелин. На другой изображены французы, убегающие целой толпой от одной прусской каски, выставленной на палке из-за окопа... Есть, конечно, карикатуры и на русских, особенно на казаков, столь же грубо-несообразные.

Наконец, видное место в «окопной литературе» занимают солдатские песенники. Они попадают так часто, словно немецкие солдаты только и делают в походе, что поют. Кажется, однако, что усилия германских Тиртеев пропадают даром. Правда, их «листовки» доходят до армии, но петь солдаты предпочитают не гимны, сложенные поэтами-патриотами, а популярные арии из опереток. Известно, например, что в Брюссель немцы вступали с пением «Пупсика», чем засвидетельствовали уровень своей музыкальной культуры.

Среди песенников также есть религиозные. Одни так и называются: «Feldgesangbuch für die evangelischen Mannschaften». Здесь собраны молитвы и песни известнейших протестантских проповедников, начиная с Лютера, Штегмана, Флемминга, Вегелина, а также религиозно-военные стихи различных поэтов, как Геллерта, Редера, Кернера и др. Энергия духовных гимнов Лютера давно оценена по достоинству, но именно их всего меньше в книжке. Большую ее часть образуют приторно-пиетические вдохновения, с большой примесью сентиментализма. Как-то неловко становится при мысли, что такие стихи предлагается распевать опустошителям Бельгии и Польши, разрушителям Реймского собора, солдатам той армии, которая привела в негодование мир грабежами, убийствами, насилием и кощунством. Как образец приведу одно стихотворение, далеко не самое «чувствительное»:

В страхе будь, о сердце! сердце, бойся Бога!
Все Ему покорно. Он — всему подмога.
Не страшись забот, скоро день придет,
Вслед за зимней стужей май вновь расцветет.
Во всякой буре, меж всех тревог,
Тебе поможет милосердный Бог.
В страхе будь, о сердце! Сердце, бойся Бога!
Все Ему покорно. Он — всему подмога.
Смерть со всех сторон: не покинет Он!
Как ни грозны беды, каждый Им спасен.
Хранитель верных от всех тревог,
Спасет нам душу милосердный Бог.

Другой песенник, озаглавленный «Немецким воинам» (An deutschen Krieger), написан одним лицом, выставившим, однако, только инициалы своего имени, F. S.

К чести автора надо думать, что он так поступил, стыдясь того, что им написано. У нас эту брошюрку в 8 стр. назвали бы «лубочной». Напечатанная с немецкой аккуратностью, она, конечно, не имеет ничего общего с лубком по внешности, но по содержанию ниже самых горестных продуктов Апраксина рынка. Автор старается смешить и быть остроумным, но это ведет лишь к тому, что в своих песнях он осыпает ругательствами всех врагов Германии. Немец же в описании F. S. является богатырем, от одного удара которого валятся «сразу три казака» (очевидно, самое параболическое выражение, какое мог придумать поэт!). Написаны песни вялым стихом, и, вероятно, никому не придет в голову действительно *петь* их.

Гораздо выше по художественным достоинствам листок со стихами Мартина Геннига (M. Hennig), которым я и закончу свой беглый обзор немецкой «окопной литературы». Листок этот, зачастую находимый в окопах, озаглавлен: «*Neue Kriegslieder für deutsche Jungen*» («Новые военные песни для немецкой молодежи»), причем добавлено, что песни написаны на старые мотивы. Действительно, при каждом стихотворении указана известная мелодия, на которую его можно петь. Сами по себе стихи певучи, музыкальны, а главное — весьма характерны по выраженным в них идеям для настроения немцев в начале войны. В виду исторического значения этих песен я приведу образцы их в переводе прозаическом, позволяющем сохранить все выражения подлинника. [...]

Сам поэт, может быть, искренно верил в то, что писал: что Германия была «оплот мира», что она борется «против лжи и обмана» и т. д. Читатели же, вероятно, ловят из его стихов только восклицания: «*К победе скорей!*», «*веди нас к победе!*», «*бей на Восток и на Запад!*» Стихи Геннига декламировались в Берлине на концертах в начале войны (как мне передавало одно лицо, оказавшееся в день объявления войны за границей и пережившее месяц «германского плена»). Там именно эти выражения покрывались рукоплесканиями слушателей. Что же касается солдат, то, хотя им и раздают брошюрку Геннига (цена за 1000 экз. — 15 марок, — сообщает объявление), но они предпочитают петь «Пупсика».

Варшава, 18-го февраля

В обстреливаемом городе (26-го февраля)

Вторично словно хлопнули где-то поблизости чудовищной хлопущей, и короткий, но грозный гул прокатился вслед за ударом.

Шофер моего автомобиля (наемного) останавливает машину и молча поворачивает ко мне недоумевающее лицо; в этом молчаливом взгляде ясно читаются укоризненные вопросы:

— Что же это значит? Куда вы меня завезли?

Я говорю, стараясь придать своему голосу наибольшую убедительность:

— Стреляют, но это — далеко; поезжайте.

Мотор трогается. Но, едва проходим мы еще несколько десятков сажень, страшные хлопущие хлопают опять и опять. Шофер опять останавливает автомобиль.

Перед нами — красные кирпичные стены казарм. Помню, как я проезжал здесь в начале войны, в августе. Тогда эти красные корпуса имели вид почти щегольской. Вокруг шумно толпилась огромная семья солдат; дымились походные кухни; слышался веселый смех... Теперь казармы обезображены следами недавнего боя; крыши во многих местах разворочены; стекла в окнах выбиты; в стенах зияют громадные пробоины, в целый этаж вышиной. Сейчас вокруг казарм также толпятся солдаты, но на этот раз они молчаливы и серьезны.

Несколько человек солдат расположились ближе ко мне: сидят в канаве у самого шоссе. Я выхожу из автомобиля и справляюсь у одного из них, как дела.

— Бой идет, — как-то нехотя отвечает он.

— Близо немцы?

— А кто их знает. [Говорит, прорвались где-то. Вот и обстреливают.] Пока он говорит, — раз, два, три — один за другим хлопают три потрясающих удара. В ответ раздаются два других взрыва, по-видимому более близких, звук которых — иного тембра.

— Это — наши, — равнодушно замечает солдат.

Вообще, солдаты относятся к пальбе как к чему-то, что в настоящую минуту их совершенно не касается. Я присматриваюсь и вижу, [что за казармами, в поле, по правой стороне поля, если ехать к Праснышу] расположена наша батарея, [пушки обращены ко мне казенной частью, и дула их направлены перпендикулярно к шоссе].

Мне видно, что канониры что-то делают у своих орудий, наклоняются, подходят, уходят. Они только что стреляли, но по ком? По какой цели? В дали, совершенно ясно, незаметно ничего: ни признака неприятельских позиций.

Оборачиваюсь. [На другой стороне шоссе, слева по напр<авлению> к Пр<аснышу>, в низине] вижу другую нашу батарею, [у которой дула направлены под углом к шоссе, но почти в противоположном напр<авлении> от первых]. Около них также двигаются артиллеристы, должно быть, также готовы дать залп.

Выстрелы продолжают, но не непрерывно, а с промежутками, что делает их особенно потрясающими. Кажется, что от каждого удара содрогается кругом весь воздух и качаются кирпичные стены. Я возвращаюсь к автомобилю, чтобы достать папирос для солдат.

— Барин, — говорит мне шофер (впервые он называет меня «барином»), раньше говорил всегда «пан»). — Куда же нам ехать? Тут — бой. Я за машину ответственен.

Не отвечая, я пожимаю плечами и возвращаюсь к солдатам. Они благодарят за папиросы, но разбирают их без той суеты, которая нередко происходит в таких случаях.

Все закуривают, обмениваясь друг с другом разными посторонними замечаниями, не имеющими отношения к бою. Я еще раз пытаюсь выяснить, где немцы, но никто из солдат не может мне ничего объяснить. «Бой идет», это — все, что я получаю в ответ на все свои расспросы.

— А в [Прасныш] проехать можно?

— Попробуйте, — лукаво говорит молодой солдатик. — Вот перед вами пять автомобилей, ничего, проскочили.

— Зря говоришь, — поправляет другой, пожилой. [Ведь — все недалече.] Поезжайте спокойно, проедете.

В эту минуту через шоссе переходит офицер. Я обращаюсь к нему, но он очень занят, торопится, и ему некогда говорить со мной. На ходу он бросает несколько слов:

— [Был прорыв. 5-ая дивизия отошла. Но наша 1-ая поправила дело. Все-таки] мы взяли больше тысячи пленных. Теперь немцы обстреливают [Пр«асныш»]. Но он им дорого обойдется.

Я осведомляюсь о г. Z., ради которого приехал в [Пр«асныш»]. Узнав, к какой организации принадлежит Z., офицер говорит неуверенно:

— Вряд ли он здесь. Кажется, они все уехали еще вчера, вечером. Впрочем, попытайтесь поискать. В город въехать можно; дальше — не советую.

Офицер ушел. Пожилой солдат-бородач, слышавший мой разговор с ним, добавляет от себя:

— Пленных действительно мы забрали, это — верно. Теперь немцы стали белый флаг выкидывать. Прежде этого никогда не делали. Одного ихнего офицера взяли вчера в окопе — с одеялом и с подушкой. Нашел место, где себе постель устраивать.

Все эти разговоры до некоторой степени, уяснили мне положение дел. Я вижу, что мало надежды найти в [Пр«асныше»] Z., но поручение к нему у меня спешное, неотложное. Не хочется поэтому уезжать, не сделав попытки разыскать его, когда я в нескольких саженях от города.

Вернувшись к автомобилю, решительно говорю шоферу, что надо ехать в [Пр«асныш»].

— Нелепо же возвращаться, — объясняю я, — когда мы уже приехали. Больше ста верст сделали, меньше полуверсты осталось. И видите, все вокруг стоят спокойно. Поедемте.

Весьма неохотно шофер берет за руль, сначала едет очень медленно, потом меняет решение и летит стремглав. Выстрелы по-прежнему «ухают». Но в этом месте шоссе действительно не представляет никакой опасности: снаряды ложатся далеко от него.

Слева от нас — строения, разрушенные в предшествующих боях: обгорелые срубы, пирамидальные печи; дальше — поляна, [на кот«орой» стоит наша бат«аря»]. Справа, подле казарм, — несколько уцелевших домов, разломанные заборы и пустыри; [бат«аря» остается сзади]. Везде — солдаты, целое море, волнующееся серыми шинелями: стоят, беседуя, лежат на земле, куда-то идут, все, видимо, дожидаясь своей очереди, — стать на позиции.

Мы влетаем в город. Дома вдоль улицы сохранились, только видно, что в окна вставлены новые стекла. Никого, конечно, на улице не видно.

Я раздумываю, как разыскать кого-нибудь в обстреливаемом городе, но, по счастью, замечаю группу санитаров с повязками Красного Креста. Несколько человек хлопчет у повозки, на которую только что уложили солдата. Голова его обмотана бинтом, но кровь уже просочилась, и белая повязка быстро, на моих глазах, превращается в алую. Раненый силится приподняться на руках, но тотчас же опять падает.

Мы подъезжаем, и я, извинившись, начинаю расспрашивать. Среди санитаров оказывается знакомый, N. Он принимает во мне участие и дает все нужные объяснения. Узнаю, что Z. наверное в [Пр^касныше] нет: накануне вечером он уехал в [Це^кханов].

— Тем лучше, — говорю я, — мне без того надо было ехать в [Це^кханов]. Значит, я его там и застану.

Потом осведомляюсь:

— А сами вы что думаете делать?

— У меня, вероятно, дела будет много. Видите — стреляют сильно. Сей — пятидесяти шагах отсюда. Вот собираю первый транспорт раненых и повезу его-то в [Це^кханов].

— Увидимся там?

— Увидимся.

Уже вечерет. Мне надо торопиться в [Ц^кханов], а N. — к его работе. Возникает, однако, вопрос, какой дорогой мне ехать. Ближе всего — выехать за город, мимо собора, на обстреливаемое шоссе: оттуда — в [Ц^кханов] ведет прямое шоссе. По другой дороге назад, мимо казарм [на Шласы], верст на 12 дальше. N. предлагает ехать ближней.

— Только около собора надо быть осторожным, — объясняет он, — могут и убить. Этого (N. указывает на раненого солдата) там вот сейчас и подобрали. Но если вам это все равно...

К сожалению, я не достиг того высокого равнодушия к жизни, когда все равно, убьют или не убьют, и предпочитаю сделать на машине лишних 12 верст. Шофер с величайшей тревогой слушает наши рассуждения: едва услышав, что я решаю ехать [на Шласы], он мгновенно пятит автомобиль, выезжает на какую-то изгородь, быстро поворачивает и стремглав летит обратно. Напрасно я кричу ему остановиться у казарм: он меня не слышит. Приходится оставшийся у меня запас папирос выбросить на всем ходу «за борт»: впрочем, солдаты ловят коробочки на лету.

Так стремительно мы перелетаем через мост и продолжаем лететь еще верст 5–6, пока звуки залпов сзади не становятся более глухими. Только тогда шофер несколько уменьшает ход мотора.

Мне жалко, что мы так скоро покинули [Пр^касныш] и вместе с тем я понимаю шофера: страшные удары незримых хлопучек, от которых сотрясается воздух, шрапнель, разрывающаяся «в пятидесяти шагах», вид раненого, голова которого залита свежей кровью, — все это на непривычного человека производит впечатление жуткое.

Я думаю о поразительной способности немцев оправляться после понесенных поражений. Их бьют, а они, отряхнувшись, опять становятся в позу бойца. В этом, собственно, и состоит вся их польская кампания. Под [Пр^каснышем] > немцы понесли поражение тяжелое: целые груды трупов, 12 тысяч отданных пленных, несколько потерянных батарей с орудиями крупного калибра, погибшие автомобили и аэропланы... Германские полки бежали [к Млаве и к Хоржеле] в полной дезорганизации. И вот, всего через несколько дней, «перестроившись», немцы снова готовы к

бою и даже снова угрожают тому же [Пр«аснышу»]. Как ни мало понимаю в тактике, как ни загадочным представляется мне все, что сейчас происходит вокруг, все же я чувствую, что положение дел — серьезное, требующее опять большого напряжения. Надо обладать большой «живучестью», чтобы так выворачиваться из трудных обстоятельств, как это делают немцы. [Что же это значит? Или мы окружены и немцы со всех сторон?]

Часа через полтора, после десятичасовой езды в автомобиле, по холоду в 6–7°, под резким ветром, я наконец сижу в теплой комнате и пью горячий чай с Z., которого разыскал в [Цеханове]. Немного позже появляется и N.; он привез хорошие вести: на этот раз атака немцев на [Прасныш] отбита.

27-го февраля, Цеханов

Памяти мечтателя (Новые данные из жизни шт-кап-итана Гурдова)¹

Гурдов был мечтателем. Это было основным свойством его существа, выразившимся во всем: в устройении своей личной жизни, как и в общественной деятельности, в интимных беседах и дружеских письмах, как и в официальной переписке. Естественно поэтому, что и самая заветная мысль Гурдова — та, которая определяла цель всей его жизни, — также была, в сущности, *мечтой*. То была мечта, быть может, неисполнимая, как многие красивые мечты, но смелая, оригинальная, заглядывавшая вперед на целые столетия.

Гурдов вышел из военной среды, получил военное образование, избрал своей деятельностью военную службу. И эта «заветная мысль» или «заветная мечта» Гурдова, конечно, имела в виду также войну и военное дело. Гурдов мечтал о том, чтобы преобразить войну в самом ее основании. В то время как на других поприщах человек XIX и XX века везде заменил ручной труд — машинным, физическую силу мускулов — прибором, в который вложена сила интеллектуальная, энергия ума, — только в военном деле всё, как и в прошлые века, основано на «живой силе» человека. Гурдов мечтал заменить на войне человека машиной, — конечно, машиной, управляемой человеком (каковы и все машины), но удешевляющей его силы и способы защиты.

Разумеется, Гурдов не сразу пришел к своей идее в ее полном объеме. Впервые зародилась она в нем, когда он служил офицером подводного плавания в Либаве. Скучная, монотонная жизнь небольшого портового города с ее резким делением общества на классы и касты, с ее сплетнями, интригами и мелочными интересами не удовлетворяла молодого офицера, прекрасно образованного, тонкого ценителя искусства. Гурдов от всего окружавшего его уходил или в работу по своим прямым

¹ Как только пришла весть о кончине шт-кап. Гурдова, я написал его краткий некролог, отдавая дань первому порыву грустного чувства. Но Гурдов принадлежит к числу людей исключительных, к оценке и к образу которых стоит возвращаться. Благодаря любезности лиц, близко знавших Гурдова, особенно художника С., с которым в последнее время он был в дружественных отношениях, я мог получить более подробные сведения о жизни Гурдова и ознакомиться с некоторыми относящимися к нему документами. Все это побуждает меня еще раз обратить внимание читателей на своеобразную личность безвременно погибшего мечтателя-героя.

обязанностям, или в уединенные размышления и мечтания; то и другое и навело Гурдова на его «идею».

Подводному плаванию Гурдов посвящал много времени и труда. Как это ни странно, моря Гурдов не любил. Зато подводными путешествиями и водолазными прогулками он увлекался страстно: его пленяла новизна и фантастичность этого дела. Самостоятельно управляя одной из лодок нашего подводного флота, Гурдов охотно из командира превращался в простого водолаза, надевал его тяжелый, во многих отношениях мучительный костюм, протискивался в узкий круг люка и наслаждался небывалыми прежде прогулками в чужой человеку стихии...

Свободное время Гурдов посвящал теоретическим работам. Первоначально они были посвящены тому же подводному плаванию. Он изобрел новый способ выбрасывания мин с лодки, усовершенствовал водолазный колокол, спроектировал особый тип люка для водолазов. Сам Гурдов больше всего дорожил последним из своих изобретений. Лично на себе он испытал, как тягостно спускаться в воду, а особенно возвращаться со дна в лодку через отверстие ныне принятого люка для водолазов. Изобретение Гурдова представляло гораздо больше свободы действий и самостоятельности водолазу... В то же время огромные преимущества минных подводных лодок в морской войне наводили Гурдова на мысль о возможности создать нечто аналогичное и для войны сухопутной. Видя, что в душной каюте субмарины люди могут довольствоваться минимумом воздуха и места, Гурдов один из первых мечтал о новом типе блиндированного автомобиля, легкого, способного на быстрые передвижения и грозного для врагов этой своей быстротой и неуловимостью.

Деятельность молодого офицера, инженера-электротехника, обратила на себя внимание. Гурдову было предложено переменить службу и перейти в Петроград лектором в несколько высших военно-учебных заведений. После некоторого колебания Гурдов согласился. Ему тягостно было расставаться с любимым делом подводного плавания, но, с одной стороны, состояние его здоровья делало для него вредными прогулки под водой, под сильным давлением (это же состояние здоровья не позволило Гурдову практически заняться воздухоплаванием), с другой — Петроград привлекал молодого офицера своим обществом, возможностью встречаться с выдающимися деятелями науки и техники. Была еще одна причина, которая влекла Гурдова в Петроград: этот офицер подводного плавания страстно любил музыку. Столица соблазняла его своими концертами, возможностью слышать великих виртуозов и слушать произведения великих композиторов.

Как бы то ни было, Гурдов переселился в Петроград и начал читать лекции в трех учебных заведениях: двух высших и одном среднем (если не ошибаюсь, в артиллерийском училище, в электротехнической школе и в кадетском корпусе). Как профессор и преподаватель Гурдов отличался крайней добросовестностью: он всегда тщательно готовился к своим лекциям, работая для того по несколько часов в день. Его изложение, особенно математических проблем, всегда отличалось исключительной ясностью. Но преподавательская деятельность не удовлетворила Гурдова. По собственному признанию Гурдова, те годы, когда его жизнь была ограничена кафедрой и письменным столом, он буквально «изнывал».

Чтобы найти выход для своей энергии, Гурдов с новой страстностью предался теоретическим работам по новому способу ведения войны. Здесь он разработал те идеи, которые смутно мелькали перед ним в каюте подводной лодки. Он развил мысль о машинах, которые на войне заменяли бы человека в воде, на земле и в воздухе. В воздухе аналогией подводной лодки был бы бронированный аэроплан, способный автоматически бросать бомбы; на земле — легкий бронированный автомобиль и автомобиль-пушка. Гурдов ревностно взялся за изучение всего, что было написано в этом направлении в иностранной литературе — английской, немецкой, французской. Он воспользовался также случаем сблизиться с английскими офицерами и ознакомиться с особенностями военного дела в Англии.

Как известно, Гурдов, едва началась настоящая война, поспешил вступить в ряды армии. Его хотели удержать преподавателем, но своей настойчивостью он преодолел все затруднения. В это время у Гурдова в общих чертах уже была вполне выработана теория военных действий с помощью блиндированных автомобилей. Но этой теории недоставало опыта; трудно было предугадать, как будут передвигаться такие автомобили по нашим дорогам, какой тип машины и какой мотор для них наиболее пригоден, сколько нужно человек для обслуживания и т. д. Поэтому, когда наше военное ведомство решило внести в действие бронированные автомобили, Гурдов оказался среди самых первых, пожелавших служить в этом новом отряде блиндированных автомобилей.

Приходилось начинать дело с самого начала, все испытывать, многое изобретать. Теперь мы знаем, что Гурдов блестяще оправдал оказанное ему доверие. Наши блиндированные автомобили стали грозой для немцев, и услуга, оказанная нашей армии отрядом Гурдова под Пабианицами и под Праснышем, не забудется никогда. Да, сам Гурдов, исполняя свой долг офицера, работая неустанно, постоянно с крайней отвагой подвергая свою жизнь опасности, не вполне был удовлетворен достигнутыми результатами. Он мечтал о большем, гораздо большем... Сейчас не время передавать то, на что случалось Гурдову намекать из своих ближайших планов. В его мечтах рисовались новые типы машин. Он был, одно время, в сношениях с авиатором Сикорским и мечтал о координации блиндированных автомобилей и воздушного флота... Безвременная смерть Гурдова прервала все эти планы, но, может быть, они не погибнут бесплодно.

Таков был Гурдов как теоретик, как мечтатель. Остается добавить еще несколько черт к тому, что было сказано об нем как о человеке.

О военных подвигах Гурдова писалось много. Но надо помнить, что его работа требовала не только хладнокровия, мужества, умения мгновенно соображать положение дел, но и громадного напряжения сил. Необходимо было проводить часы в тесном, душном, наполненном разными испарениями помещении, и это — во время ожесточенного боя, под непрерывным неприятельским огнем. Гурдов умел выносить все это. Иногда несколько дней подряд ему приходилось спать два-три часа в сутки, но, выпив стакан крепкого, горячего чая, он становился по-прежнему свежим и бодрым.

В обращении с солдатами Гурдов был строг, но прост. Он не допускал никаких преимуществ для себя как офицера сравнительно с «нижними чинами». Всей армии известен факт, когда Гурдов повторил исторический «жест» Александра Великого в Гедросии. На одной разведке нельзя было достать воды, и всех, бывших с Гурдовым в автомобиле, страшно мучила жажда. Один солдат заметил на дороге манерку, поднял ее и отдал Гурдову, как командиру. Воды в манерке было немного: хватило бы лишь одному человеку. Гурдов выбросил фляжку за окно... Греческий биограф Александра (кажется, Арриан), рассказав аналогичный случай, добавляет: «Эта вода утолила жажду всех». За то подчиненные любили Гурдова беззаветно. Передают, что один из них, глядя на тело убитого Гурдова, больше всего жалел об одном: что, случайно командированный в сторону, не участвовал в последнем бою вместе с ним и не погиб рядом... Когда перед нами такие факты, нет неловкости вспоминать Арриана.

Столь же горячо любили Гурдова товарищи. Он умел быть бескорыстным другом, а в обществе был интересным, увлекательным собеседником.

Смерть Гурдова уже была описана несколько раз, со всеми подробностями, какие удалось установить. В бою под Праснышем он принял на себя трудное поручение: открыть и заставить сдвинуть с места скрытую немецкую батарею, жестоко обстреливавшую наших. Дело было в сумерках, почти в темноте. Гурдов, желая исполнить поручение до конца, слишком приблизился к батарее — настолько, что снаряды и пули стали пробивать броню. Впоследствии в автомобиле оказалось до 150 отверстий. Все, находившиеся в нем, конечно, были изранены, но продолжали стрелять, вкладывая в пулемет ленту за лентой, батарея была расстреляна и замолчала, дорога нашей пехоте открыта. Но последний выстрел немецкой пушки попал в переднюю часть автомобиля, разломал ее и осколками брони поранил Гурдова насмерть. Искалеченный автомобиль остановился. Немцы, когда прошло первое недоумение, бросились к нему: они думали захватить его защитников в плен. Но в автомобиле все уже были убиты; только один солдат показывал признаки жизни. Отдавая честь доблести врага, немцы пытались оказать ему помощь даже раньше, чем своим раненым. Но тут, незаметная в темноте, подошла наша пехота, которой автомобили открыли свободный путь, и с криком «ура!» окружили немцев. Нашим солдатам досталось много пленных, подбитые немецкие пушки, среди них шесть дальнбойных, и печальные трофеи: разбитый наш автомобиль и тела его мужественных руководителей вместе с телом их начальника, штабс-капитана Гурдова.

Варшава, 28 февраля

Этюды с натуры

І. В штабе

Стучат пишущие машинки; стучит телеграфный аппарат; раздаются звонки телефона; приходят, уходят, появляются, исчезают.

— Попроси поручика М.!

— Скажи полковнику Н., что мне надо его видеть.

— Пошли ко мне Иванова.

— Ваше высокородие, вас спрашивают...

Ремингтоны стучат, телефоны звонят, телеграф работает.

Штаб обычно занимает какой-то старинный помещичий дом, маленький дворец, убранный с тяжеловесной старопольской роскошью. На стенах — картины, потемневшие от времени; мебель — красного дерева; в прихожей — английская литография, изображающая парфорсную охоту; вдоль лестницы — семейные портреты; красивые вазы на столбах балюстрады. В этой пышной обстановке когда-то давались блестящие балы, гордо выступали местные паны-помещики, лукаво улыбались изящные пани, юноши шептали им любовные признания... Теперь во всем доме — только мундиры да серые шинели солдат, разговоры о полках, дивизиях, корпусах, доклады, донесения, приказы...

К крыльцу подкатывает автомобиль. Выходит летчик, держа у щеки окровавленный платок:

— Вы ранены, К.?

— Пустяки! Оцарапала пуля. Мне надо видеть полковника. Важные сообщения.

— Михайлов, доложи!

Подъезжает вестовой на взмыленной лошади. Приходит запыхавшись рядовой с бумагами. Просители докучают своими частными делами; помещику надо проехать в свое имение, поставщик пришел просить отсрочки, ждут представители благотворительного Общества, привезшие подарки в армию... А телефон все звонит, и телеграф все выстукивает свои сообщения.

Наверху, в уединенной комнате, седые и более молодые головы склонились над «секретной» картой. Красными крестиками на ней означено расположение полков. Здесь *«нрзб.»*, дуги которого обхватывают сотни верст. Передвижения на один миллиметр в этой комнате там, на окраинах, отразится переходом в десятки верст.

Здесь также звонит телефон; от этой комнаты, как от оракула, ждут разъяснения всех недоразумений; и действительно, здесь — просто и ясно то, что на месте кажется запутанным и сложным.

— Ваше превосходительство, что прикажете делать, — немцы меня окружают.

— Вы ошибаетесь, это мы окружаем немцев, держитесь.

Во дни боев работа удваивается, удесятеряется. Спать некогда. Спят 3–4 часа в сутки; работают — 20. Надо обсудить, выслушать, ответить, надо всем помочь, всем распорядиться. Пусть на стенах — потемневшая от столетий живопись, пусть кругом — дорогая мебель и изящные вазы. Глаза ничего этого не видят: перед глазами — карта, на которой переплетаются красные черточки, шоссе, и черные линии, проезжие дороги. По этим шоссе и дорогам идут полки, повинувшись приказу отсюда. От этих приказов зависит исход боев; а от исхода боев — удача целой кампании.

Война требует величайшего напряжения всех народных сил. Одни бьются грудью с грудью, обливая своей алой кровью свежеснеженный снег; другие — дни и недели проводят в сырых и холодных окопах, третьи здесь, в штабах фронта, армий, корпусов, полков, склоняют головы над картами. Принимают донесения, диктуют, телег-

рафируют и телефонируют приказы. Старая сказка Менения Агриппы о желудке и членах тела! Штабы — головы армии. Только работа мысли, работа головы делает производительную работу рук.

Этюды с натуры

II. В лесу

Лопнула шина: самое досадное, что может приключиться при путешествии на автомобиле.

Шофер, лежа на грязной земле животом, натягивает на колесо новый обод. Насос для накачивания воздуха ждет своей очереди. В вынужденном бездействии я нетерпеливо курю папиросу за папиросой.

Кругом — сосновый бор. Зеленая хвоя дает иллюзию лета. Издалека доносятся глухие звуки, к которым уже привыкло ухо: это — пальба из тяжелых орудий; шрапнельные разрывы не были бы слышны на таком расстоянии. Стараюсь по направлению звуков угадать, где идет бой.

Вот быстро-быстро, навстречу нам, летит солдат-мотоциклист; он весь покрыт пылью и грязью, стал серым, словно ком сухой земли. Он пролетел мимо, даже не взглянув на беспомощный автомобиль: должно быть, спешит с каким-то важным донесением.

Вскачь в том же направлении проезжают два казака. Их лица серьезны; они хлещут своих лошадей, что делают редко. Что-то большое совершается там, откуда доходят эти глухие «уханья». А мы стоим на дороге, без возможности двинуться вперед, как поломанная телега без лошади...

Медленным, неспешным, но уверенным шагом обгоняет нас обоз.

Длинной, бесконечной вереницей, одна за другой, проходят мимо повозки. Запах свежее испеченного хлеба приятно щекочет обоняние; на других повозках из-под брезента видны мясные туши.

Рядом с повозками шагают «обозные», они тоже все в пыли; даже лица их стали серыми. У каждого на поясе — единственное оружие: длинный нож-кинжал. Впереди и сзади — несколько конвоирующих казаков.

К «обозным» иные относятся несколько свысока... Да, не их дело вступать в бой, своей кровью решать великую борьбу народов. Но вовремя доставить на позиции хлеб и мясо, вовремя привести нужные военные снаряды, — не в этом ли уже половина успеха? И вот «обозные» шагают около своих повозок; идут в стужу, идут под ледяным ветром, под мокрым снегом, под студеным дождем, как летом пойдут в зной и под ливнем. Хочется сказать этим бородатым людям: «Идите! идите! Ваша работа — тоже великое, ответственное дело!»

Обоз прошел. Вдали прорезал аэроплан; не различишь, наш или немецкий. Пролетел еще один мотоциклист. Канонада не тихнет. А мы стоим и стоим... Одна шина оказалась негодной; шофер пробует другую.

На несколько минут наступает тишина. Если бы не дальняя пальба, можно было бы подумать, что глубокий мир царит над этим молчаливым бором. В уме у меня,

как всегда в часы ожидания и одиночества, невольно складываются стихи. Кажется, будет маленькая элегия о зимнем зеленом боре...

Но нет! Глаз скользнул между стволами, различает старый, заброшенный окоп, прикрытый пожелтевшими еловыми ветвями. Потом с поворота вырисовывается силуэт громоздкой неуклюжей фуры, перегруженной евреями-беженцами. Через минуту слышен топот, слышно сдержанное ржание: скачет батальон кавалерии. Еще немного спустя следом за ним, колыхаясь ровными серыми рядами, проходит пехота. Офицеры впереди, на красивых лошадях, озабоченно беседуют...

Нет, здесь — не место для мирных элегий! Это — «театр военных действий». И опять заполняют душу образы войны и сражений, мысли о мировой борьбе, мечты о будущем Европы.

2 марта, Варшава

Мимоходом VIII. Бывший театр

В Ж. городской театр обращен в лазарет. В зрительном зале расставлены койки для раненых солдат. Ложи обращены в офицерские палаты, тоже и артистические уборные. Сцена служит амбулаторией; кабинет директора — операционной комнатой! Из театра получился превосходный лазарет — обилие воздуха, по поместительности, по удобству размещения раненых — один из лучших в крае.

Такое же впечатление бывшего театра, упраздненной сцены производит весь район, к которому принадлежит Ж. Еще недавно его все так и называли «театром» — именно «главным театром военных действий». Здесь была сцена, на которой ставились важнейшие события. Но пушки замолчали, атаки прекратились, напряженная действительность замерла, и внимание мировых зрителей перенеслось в другую сторону. Для полной аналогии погасли светлые прожекторов, словно лампочки рампы, и, как в городском театре в Ж., мирная забота о раненых всецело воцарилась там, где прежде бушевали страсти и разыгрывались трагедии.

— Поверите ли, скучно стало! — говорит мне офицер -аго полка, расположенного на этом фронте. — Бывало, пальба не прекращалась ни днем, ни ночью. По пятнадцати, по шестнадцати раз в сутки немцы ходили в атаку. Спали мы одним глазом; каждую минуту могли разбудить: пожалуйста, немец опять на наши штыки лезет! Бесконечная усталость, непрерывный грохот пушек, рукопашные бои, убитые, раненые, и это — день за днем. Нервы были напряжены до крайности. Правда, было нравственное удовлетворение в том, что все атаки мы отбивали, что, как ни старались немцы, какими снарядами нас ни засыпали, сколько своих людей ни клали, мы не подались ни на шаг. Как нас поставили, так мы и остались стоять. А все-таки думалось иногда: «Господи, хотя бы один день передохнуть от этого ужаса, не слышать канонады, от которой все чуть не глохли, выспаться вволю, напиться чаю спокойно!» И что же! Вот теперь тихо, не стреляют, не атакуют, а — скучно. Странное создание человек. После таких сильных ощущений, какие дает бой, все потом кажется пресным и неинтересным.

Приблизительно то же мне говорил летчик (француз, вступивший на нашу службу), прикомандированный к армии того же фронта.

— Стало неинтересно летать. Прежде приходилось летать под пулями, под обстрелом, но зато, вернувшись, привозил важные известия и сознавал, что сделал полезное дело. А теперь полеты превратились в простые прогулки. Немцев осталась только тонкая прослойка по передовым окопам; дальше деревни пусты, резервов нет. Немцы даже перестали стрелять по нашим аэропланам, словно говорят: высматривайте что хотите, нечего смотреть...

— Неужели военные действия буквально прекратились? — поинтересовался я.

— Нет, конечно, — возразил офицер. — По временам стреляем, и мы, и немцы; как у нас говорят: «чтобы не разучиться». Бывают атаки, но вялые: немцы пробуют, нельзя ли нас застать врасплох, но мы всегда настороже. Являются в гости и немецкие авиаторы, но, — замечательно, — бомб не бросают: покружат, покружат, убедятся, что мы на местах, и уйдут назад. Вот немецкие разведчики, те попадают...

Наши солдаты тоже тяготятся однообразием жизни на этом фронте и стараются развлекаться, как могут. Говорят, что в английской армии в свободное время играют в футбол и лаун-теннис. Наши — играют в русские игры — в городки и свайку. Странно видеть, как «чудо-богатыри», недавно свершавшие истинные подвиги отваги и самоотверженности, увлекаются игрой, радуются своему удачному удару и, словно дети, сердятся при проигрыше... Другим развлечением для солдат служат кинематографы, так как в каждом городе, в каждом селении есть свой «электро-театр». Солдаты требуют непременно «военные» картины, любят сами на себя, а иногда, забывшись, кричат безмолвной фигуре на экране: «Так! Хорошо! Бей немца!» или — изображению сестры милосердия: «Спасибо, сестрица!» В Ж. помещение кинематографа исполняет также назначение временной казармы. Солдаты, насмотревшись вдоволь на образы войны в ее кинематографическом отражении и насмеявшись над какими-нибудь «приключениями Прэнса», тут же, на скамьях перед померкшим экраном, укладываются спать... А на другой день опять начинается все то же — тихое и монотонное существование «на постое».

— Почему же мы не переходим в наступление, если мы гораздо сильнее немцев? — спросил я.

— Во-первых, рассуждать об этом не наше дело, — ответил мне мой собеседник. — Главному штабу виднее, что должно предпринять. А во-вторых, к чему такое наступление повело бы? Конечно, мы в состоянии выбить немцев из их позиций оттеснить их почти к самой границе. Но этим мы приблизим их к базе. Теперь им подвозить издалека продовольствие трудно, так как на месте ничего нельзя достать: край ими самими ограблен и разорен дотла.

Тогда станет гораздо легче все получать из Германии. Кроме того, сейчас мы занимаем превосходные позиции, о которые уже разбился натиск трех германских армий. Занять такое же выгодное положение в другом месте будет не так-то просто. Нет, пусть себе немцы утешаются до поры до времени своим призрачным успехом и хвастаются перед Европой, будто навсегда присоединили к Германии восемь новых провинций.

Подумав, я согласился.

Мимоходом

IX. Герои Прасньша

Беседуя с офицером, участником прасньшского сражения, я упомянул о тех ротах, которые, как сказано в донесении штаба Верховного Главнокомандующего, «при общем отходе наших войск в начале боя остались в городе». Как известно, эта горсть храбрецов, окруженная силами всей германской армии, не пожелала сдаться, но сколько была в состоянии, держалась в городе и заставила немцев купить его дорогой ценой, поведя упорный бой на улицах. Я выразил сожаление, что мы не знаем и, вероятно, еще долго не будем знать подробностей этого героического сопротивления.

— О самом бое, который вели эти роты, я ничего не могу вам сообщить, — сказал мне офицер. — Но мне известен один эпизод, связанный с этим делом. Хотя косвенно, но он проливает некоторый свет на обстоятельства, при которых был взят немцами Прасньш.

Я попросил рассказать мне этот эпизод, и мой собеседник передал мне следующее. Наступление немцев на Прасньш было столь стремительно и неожиданно, что наша армия должна была отойти от города, чтобы перестроиться и дожидаться резервов (что и дало нам возможность одержать блестящую победу под Прасньшем). Несколько рот из наших передовых частей остались в городе. Немцы окружили Прасньш, но некоторое время не решались атаковать его, предполагая, что в городе стояли значительные силы. Выяснив эту нерешительность немцев, мы получили надежду выручить отрезанные роты, и к Прасньшу были спешно двинуты два корпуса.

Эти корпуса должны были прорвать кольцо немцев, соединиться с ротами, запертыми в городе, и вместе с ними удерживать Прасньш до подхода главных сил. Опасались, однако, что у осажденных не хватит снарядов и они раньше вынуждены будут сдаться. Поэтому необходимо было известить их, что помощь им отправлена и что они должны, сберегая заряды, держаться до последней крайности. Чтобы передать это сообщение в Прасньш, вызвали охотников из летчиков. Вызвались двое: Л-в и В-ский, оба — на «фарманах».

Задача летчиков была страшно трудной. Правда, дорогу они знали превосходно, так как прежде много раз летали над окрестностями Прасньша. Но, во-первых, погода была крайне неблагоприятной: шел мокрый снег, внизу лежал туман, а на высоте дул резкий ветер. Во-вторых, летать надо было над самыми неприятельскими головами, а приземляться — в сфере немецкого артиллерийского и ружейного огня. С каждым из летчиков было, в особом пакете в черте города, если бы не оказалось возможным спуститься. Товарищи прощались с отлетавшими как с обреченными. Казалось, что мало надежды дважды благополучно перелететь через немецкие расположения, опуститься в город и вновь вылететь оттуда. Однако штаб считал цель полета столь важной, что готов был рисковать двумя аппаратами и жизнью четырех человек (с каждым летчиком отправлялся еще наблюдатель). Вылетели вечером и из-за тумана летали очень низко. Иногда спускались до высоты всего 100–150 метров, по понятиям летчиков, «чуть не скользили по земле» (людям, привыкшим к высоте в ½ версты, кажется, что на расстоянии 100 метров от поверхности они уже

на земле!). Благодаря такому низкому полету разведчики могли свободно делать свои наблюдения. Но немцев нигде не было видно: укрываясь от снега, они попрятались в траншеи и закрылись блиндажами. На карту пришлось наносить только линии окопов, насколько их можно было различать в полутемноте.

Перелетев незамеченными через немецкое кольцо, летчики взяли направление прямо на Прасныш. Над ним стояло зарево, и скоро выяснилось, что в городе — несколько пожаров. Оба летчика с крайней смелостью долетели до самого Прасныша и стали кружить над улицами. Здесь с одной стороны им угрожала опасность от огня и искр, летевших с пожарищ, с другой — тревожная невозможность выяснить, в чьих руках город: в наших или в немецких. Улицы были безлюдны; не было ни патрулей, ни часовых, пожаров никто не тушил. Летчики рассмотрели все-таки, что некоторые дома несут следы уличного боя, и заключили из этого, что в городе — немцы.

Впоследствии выяснилось, что так оно и было. Немцы, убедившись, что у отряда, окруженного в городе, нет связи с армией, повели энергичное наступление. В виду огромного перевеса в силах они ворвались в Прасныш и овладели им. Когда наши летчики ночью кружились над городом, порой опускаясь чуть не до крыш, <стало очевидно, что> он был занят немцами. Они, однако, не стреляли в отважных разведчиков. Почему? Это осталось неясным. Может быть, полагаясь на свои заставы, немцы даже не выставляли на ночь стражи, и никто не заметил появления аэропланов. Может быть, немцы приняли аэропланы за свои. Может быть, наконец, то была военная хитрость: немцы намеренно молчали, ожидая, что летчики, не заметив их присутствия, приземлятся в городской черте и тогда станут легкой добычей. Во всяком случае и летчиками не было сделано ни одного выстрела.

Снесясь друг с другом (конечно, знаками), Л-в и В-ский решили не спускаться, а бросить донесение. Они рассуждали так: попав в руки немцев, донесение не может причинить вреда, если же наши еще держатся в городе, оно будет непременно найдено и цель полета достигнута; напротив, спустившись в город, летчики рискуют не только собой, но — что они считали важнее — и двумя аппаратами, для армии крайне ценными. Придя к такому решению, летчики осторожно сбросили каждый свой пакет на площади и потом быстро поднялись и полетели обратно.

Обратный путь был едва ли не более трудным, чем полет к городу. Туман сгустился; тьма была непроницаемая. Несколько раз летчикам казалось, что они заблудились в воздушных просторах; приходилось спускаться к земле, чтобы выяснить дорогу. И наконец, после более чем 3-х часового путешествия летчики вернулись к своим, страшно утомленные, продрогшие, но невредимые. Подать помощь отрезанным ротам оказалось уже поздно, на следующий день, в праснышском бою, наша армия жестоко отомстила за их участь.

Варшава, 6-го марта

В Перемышле Варшава

(От нашего корреспондента)

Перемышль быстро оживает. Он наполнился австрийскими офицерами и солдатами с фортов и русскими полками, вступившими в город. Население встречает русских радушно. Нет ни тени вражды. На больших улицах целый день гулянья. Кофейни постоянно переполнены, магазины бойко торгуют. В ходу русские деньги; крона ценится в 30 копеек, местным жителям русский язык легко понятен.

Во время осады жизнь в Перемышле не замирала. Вследствие удаленности укреплений город не страдал от бомбардировки. Были открыты театры, играла музыка. В ясные дни развлечением жителей было гулять по шоссе и высматривать русские позиции. За деньги в городе можно было достать почти все. Голодали только неимущие. Плохо питались солдаты, но австрийские офицеры до последнего дня получали полный паек. Поэтому солдаты крайне раздражены против офицеров. Солдаты-славяне высказывают желание перейти в русскую армию.

Поведение австрийских офицеров вообще возбуждает негодование. Они одеты щегольски, в шинели с меховыми воротниками, что представляет резкий контраст с солдатами в рваных шинелях, часто без сапог. Офицеры усердно посещают кафе, фланируют с дамами и, знакомясь с русскими, проявляют изысканную любезность и предупредительность. Они интересуются размерами жалованья в плену и своим будущим местом жительства.

Порядок в городе образцовый. Наши солдаты за все расплачиваются, вежливы с жителями, дружелюбно относятся к пленным. Эвакуация пленных продолжается. Огромные партии отправляются под конвоем немногих казаков. Пленные не помышляют о бегстве и отставшие сами догоняют партию.

Выясняется, что крепость могла еще держаться. При экономии запасов могло хватить надолго, и было достаточно снарядов, уничтоженных при сдаче. Объясняется сдача дезорганизацией армии, — солдаты не повиновались начальникам, и целые полки отказывались идти на вылазку. Австрийская армия находится в состоянии полного разложения.

Взятый Перемышль

(От нашего корреспондента)

I

Перемышль — один из наиболее значительных городов Галиции. Календарь 1915 года указывает в нем почти 56 тыс. жителей, из которых 2 тыс. поляков, 20 тыс. евреев и 12 тыс. разных других национальностей, преимущественно славян; немцев в городе немного. Все эти цифры не касаются гарнизона, бывшего всегда, даже в мирное время, многотысячным. Таким образом, по числу жителей Перемышль занимает 20-е место среди городов Австро-Венгрии и 11-е — среди городов собственно Австрии. За последние десятилетия Перемышль обстроился; в нем теперь — изящный и поместительный городской театр, несколько больших собственных зданий,

учебных заведений, промышленных национальных товариществ и банков, ряд домов в современном стиле; есть свой музей, помещающийся в «замке». Седая старина сохранилась в остатках старинных, чуть ли не средневековых каменных укреплений, в нескольких монументальных костелах — монастырях и в здании «замка» (впрочем, перестроенного, кажется, в XVIII в.), красиво венчающем холм, на который опирается главная часть Перемышля. Основная артерия города — улица Мицкевича; проложенная в сравнительно новой части города, она обставлена новыми, высокими домами, на ней лучшие магазины, кафе, рестораны, но ее конец уже выводит почти за город, к железнодорожным складам и пустырям. Напротив, своим началом улица Мицкевича примыкает к центральной, более старой части Перемышля, где шире и красивее других улица Франсисканская, средоточие местной торговли, пестреющая вывесками старинных, почтенных фирм. Тотчас за Франсисканской улицей начинается обычное еврейское гетто, грязное, с кривыми, перепутанными переулками. Все это расположено приблизительно на одном уровне: посередине перемышленского холма. Ниже лежит приречная часть города, с хорошими набережными и вереницами огромных, многоэтажных домов. Выше — улица особняков и частных квартир, где вывески уже редки и тротуары большей частью пусты. С Франсисканской улицы, мимо двух костелов, изгибистая улица, переходящая в немощеную аллею, ведет зигзагами к «замку», на высь холма, откуда открывается великолепный вид на бурный Сан, на заречные кварталы и на холмистую даль, переходящую в плоскую равнину северной Галиции.

Наибольшее оживление царит всегда на Франсисканской и на впадающих в нее переулках, где снуют торговцы и деловые люди, и на улице Мицкевича, по которой фланируют местные щеголихи и франты — в том числе офицеры сдавшегося гарнизона. Здесь несколько больших «цукерен», в которых поляки так любят коротать досуг: обширные комнаты, вмещающие несколько сот человек, в глубине — миллиардная, на первом плане — буфет, за которым какая-нибудь миловидная «пани» отпускает посетителям пирожные. Перед второй осадой Перемышль опустел было, так как весьма многие (говорят, около трети всех жителей) бежали из него, в Краков и в Вену. Но теперь, когда крепость сдалась, город опять наполнился австрийскими и русскими военными из состава гарнизона и наших полков, вошедших в Перемышль. Глядя на переполненные кафе, на кайфующих там часами австрийских офицеров, на постоянное движение гуляющих, среди которых большинство идет попарно, кавалер с дамой, можно подумать, что и чины гарнизона, и жители города спешат вознаградить себя за тяжкие дни осады...

Однако, сколько можно судить по рассказам, Перемышль и во время осады вовсе не был местом одной скорби, трудов и лишений. Укрепления, как мне случалось упоминать, отстоят от города на 7–8 верст и более; потому бомбардировка не касалась города; русские снаряды осыпали форты, но ни один дом в городе не был ими разрушен; только в два последних дня, когда нам удалось утвердить батарею ближе к городу, несколько гранат упало в городской черте. К русским аэропланам жители скоро привыкли, да и все признают, что наши летчики держали себя крайне благородно: старались бросать бомбы в железнодорожные сооружения, в здания воен-

но-общественного характера, но отнюдь не в частные дома. Население Перемышля слушало отдаленную канонаду как что-то не имеющее к ним прямого отношения. Большинство верило, что крепость неприступна, что появления наших войск в городе бояться нечего и что дело сводится к более или менее продолжительной осаде, в зависимости от того, когда подоспеет на выручку карпатская армия.

Правда, Перемышль был изолирован от всего мира, но и эту изолированность не должно преувеличивать. Современная техника дает в руки осажденным такие средства для сношения с внешней жизнью, о которых не могли мечтать не только трояне времен злополучного царя Приама, но даже парижане, запертые в своей столице в 1870—1871 гг. Важнейшим из таких средств является беспроволочный телеграф. Благодаря ему перемышляне могли знать все, что совершается в Европе вне их города. Я просматривал номера газет, выходявших в Перемышле во время осады, и убедился, что в Перемышле были хорошо осведомлены о всех событиях войны: часто попадаются слово в слово те же сообщения, что мы читали в наших газетах. Вторым мощным средством сношения служили аэропланы. Хотя большое число аэропланов, летевших в Перемышль и из Перемышля, было подбито нашими войсками, все же перемышляне с помощью летчиков поддерживали почти регулярные сношения с Веной и с карпатской армией. Раза два в неделю попадали в город даже венгерские газеты, впрочем служившие для чтения только высшим чинам армии.

[...] Много писалось об ужасах голода, свирепствовавшего в Перемышле. Сопоставляя все, что мне пришлось слышать от лиц, переживших осаду, я прихожу к выводу, что и эти рассказы преувеличены. Разумеется, лишенный подвоза [...], Перемышль постепенно поглощал собранные в нем запасы. Но осада длилась сравнительно недолгое время, так что прийти к концу запасы не успели. Только одно было истреблено совершенно: это — мясо. Пришлось заменить говядину и свинину, — до которой поляки такие охотники, — кониной; но этой последней было в изобилии, так что перед сдачей приказано было пристрелить сколько-то тысяч лошадей. Хлеб выпекался до последнего дня, но был очень дорог: за маленькую булочку платили 30 геллеров (10 коп.), т. е. вдесятеро против ее обычной цены. Крупы в городе было много, и в день сдачи тысячи ящиков ее были утоплены в Сане. Жители жаловались на отсутствие дров. Между тем весь крепостной район покрыт старым лесом, который мог дать топлива на много месяцев. Часть деревьев даже была уже срублена и без употребления лежала по склонам холмов... Вообще, *за деньги* в осажденном Перемышле можно было достать почти все. Голодали только неимущие. Для них была организована бесплатная раздача обедов, но число имеющих на них право было ограничено, и получение их было связано с различными затруднительными формальностями. Таким образом, население осажденного города разделилось на две части: на людей богатых, которые жили почти «как ни в чем не бывало», только должны были не жалеть денег, и на бедняков, которые действительно терпели всякого рода нужду и лишения.

Замечательно, однако, что количество денег, находящихся в обращении в Перемышле, с каждым днем заметно сокращалось. Так как лишь незначительная часть их могла уходить за пределы города, то надо предположить, что ловкие люди их припрятывали, «на всякий случай». Прежде всего быстро сократилось число раз-

менной монеты; в магазинах отказывались давать сдачу и требовали, чтобы покупатель брал товару на всю предъявляемую им бумажку. Потом опустели кошельки у всех, не имевших большого запаса наличных денег; жалованье не выдавали; банки не оплачивали текущих счетов. Тогда-то, для менее имущих слоев населения, «установилась, — как сообщает телеграмма “Петроградского Агентства”, — система натурального хозяйства; продукты первой необходимости обменивались на такие же по справедливой расценке». Вернее сказать, бедняки несли лавочникам свое добро, которое те принимали за бесценок в обмен на хлеб, сахар, муку, сало... Мне случилось беседовать в Перемышле с одной бедной женщиной, которая жаловалась, что так она передавала в лавку, «в залог», чуть не все свое имущество, притом по такой расценке товаров, что всегда получала лишь крохи, а оказалась должна лавочнику значительную сумму денег. Эта женщина спрашивала меня, не вмешается ли русская власть в ростовщические проделки торговцев, но, не говоря о том, что все это произошло до занятия города нашей армией, на разбор подобных недоразумений пришлось бы потратить месяцы драгоценного времени...

Пока бедняки несли на себе бремя осады, люди состоятельные искали развлечений. Театр хотя и не каждый день, но функционировал (играла труппа любителей). До сих пор на стенах в Перемышле можно видеть старые театральные афиши, относящиеся к дням осады. На них помечено: «Цены понижены». Устраивались концерты «в пользу вдов и сирот павших воинов», как гласит сообщение в газете («Ziemia Przemyska»), следовательно, платные, причем рецензент отмечает, что зала была «набита до краев», т. е. переполнена. В некоторые дни на площади играла военная музыка: это было уже развлечение демократическое. К числу развлечений перемышлян относились прогулки в сторону фортов. Горожанам не разрешалось уходить из города далее черты первых укреплений. Но на этом пространстве были небольшие холмы, с которых, хотя смутно, можно было различить русские позиции. Жители города в ясные дни ходили «любоваться» дымками разрывающихся шрапнелей и слушать гул пальбы. Много, вероятно, раздавалось при этом веселых шуток по поводу тщетных усилий русских, которым все равно никогда не удастся попасть в вожделенный для них Перемышль! Обольщение в неприступности крепости царило в населении до самых последних дней осады.

Остается добавить, что, по общему признанию, во дни осады чрезвычайно развился в городе флирт и всякого рода романы. Это — психологическое явление, наблюдающееся во всех осажденных, отрезанных от остального мира городах. Его отмечают, например, бытописатели парижской осады 1870–1871 гг. [...] Влияет ли так изолированность города, однообразие жизни, сознание грозящей опасности, в случае взятия крепости, и желание использовать остающиеся дни свободы, или еще какие факторы, — трудно сказать. Во всяком случае, в осажденном Перемышле легко и быстро завязывались и распутывались романы. Женщины, в обычное время самых строгих правил, внезапно проявляли крайнюю легкомысленность. Мужчины, без труда, могли хвалиться несчетными «победами», — увы! не над русским оружием. Это «вольное» времяпрепровождение несколько скрашивало все же томительные недели насильственного отъединения от мира.

Почему же сдалась крепость? Можно решительно утверждать, что недостаток провианта — не более как отговорка, придуманная австрийцами. Конечно, австрийский генеральный штаб глубоко виноват, заперев в крепости несообразно большой гарнизон (две армии, общей численностью до 170 000 человек) и не снабдив его достаточным запасом провизии. Виновато и австрийское интендантство, наполнившее иные склады Перемышля лишь «для вида»: спереди в амбарах стояли полные ящики, а в глубине — пустые (так рассказывали в Ярославле). И все-таки с наличным количеством запасов крепость могла держаться гораздо дольше. С самого начала можно было уменьшать пайки солдатам и офицерам; между тем последние все время получали полное «пищевое довольство». В крепости оставались еще тысячи лошадей, годных в пищу [...].

Все уверяют, что перед сдачей в Сане было потоплено несколько тысяч мешков с разными продуктами, например с крупой. Что в крепости был запас артиллерийских снарядов, служит доказательством и бессмысленный, чудовищный обстрел последнего утра, когда было сделано много тысяч выстрелов (с единственной целью истребить снаряды), и груды гранат, также брошенных в реку, и, наконец, все-таки доставшиеся нам склады их [...]. Наконец, обладая огромным количеством штыков, комендант, безусловно, мог бы предпринимать гораздо более существенные действия против наших войск обложения, как известно, не слишком многочисленных и имевших в своем составе добровольческие дружины, менее подготовленные к бою, нежели регулярные полки.

Если комендант крепости, генерал Кусманек, не сделал всех этих попыток, не захотел бороться до последнего солдата и до последнего куска хлеба, то объясняется это прежде всего глубокой дезорганизацией австрийской армии. Пленные из Перемышля служат тому живым свидетельством. Разговаривая с пленными, постоянно слышишь, как солдаты жалуются на офицеров, бранят их, обвиняют во всякого рода незаконных действиях, уверяют, что офицеры сберегали запасы продовольствия для себя, заставляя солдата голодать; слышишь, как офицеры, несмотря на свою сдержанность, не могут удержаться от нареканий друг на друга и на штаб коменданта; слышишь, как славяне осуждают немцев и мадьяр, а те поносят славян. С такой армией, не верящей в своих начальников, разделенной на партии и на враждующие национальности, немислимо было оборонять крепость против единой, сплоченной русской армии. Говорят, что в последние дни участилось дезертирство из гарнизона, что его солдаты перестали повиноваться офицерам; многие без разрешения уходили с фортов в город и здесь, с угрозами оружием, отнимали съестные припасы у горожан; комендант приговаривал виновных к расстрелу, но смертных приговоров никто не хотел исполнять и т. д. Наконец, утверждают решительно, что целые полки отказались идти по приказанию коменданта в последнюю отчаянную вылазку, имевшую целью пробиться сквозь «железное кольцо» русского обложения. Славян погнали на вылазку силой; мадьяры пошли охотой; те и другие были расстреляны и прогнаны обратно. Тогда генерал Кусманек понял, что надо сдаваться. Была потеряна и надежда на прорыв, и надежда на помощь карпатской армии. Промедление легко могло повести к бунту гарнизона; чтобы избежать такого позора, комендант предпочел сдаться.

Обстоятельства, при которых совершилась сдача, уже были описаны многими. Ночью австрийцы взорвали некоторые форты, пять мостов в городе (из них три через Сан), испортили орудия, извели запасы снарядов на беспорядочную пальбу, застрелили оставшихся лошадей, потопили в реке оставшийся провиант, а также груды оружия, винтовок, револьверов и т. п. В русском лагере гром взрывов со стороны Перемышля был встречен неописуемым энтузиазмом, солдаты кричали «ура», бежали к австрийским укреплениям, не знали, что делать от радости. В 5 час(ов) утра выехали из крепости парламентарии для выработки условий сдачи... Жители города в это время были в величайшей тревоге. Газетные сообщения изображали русских солдат, особенно казаков, какими-то дикарями; перемышляне ждали от них всяких неистовств, думали, что город будет предан огню и мечу, разгромлен, разграблен... Когда сдача состоялась и первые колонны русских войск вошли в город, они нашли его как бы вымершим. Жители попрятались в домах, вывесили белые флаги и выставили в окнах иконы. Однако населению пришлось убедиться, что оно ошиблось.

Мне довелось быть в Перемышле через три дня после сдачи. За этот короткий промежуток времени исчезли почти все следы осады. Город имел почти нормальный, почти обычный вид, и трудно было даже поверить, что еще так недавно он переживал как-никак весьма тяжелые дни.

19-го марта

Взятый Перемышль (От нашего корреспондента)

II

По всему Перемышлю на стенах было расклеено объявление генерала Артамонова о правилах, которым должны подчиняться жители города и сдавшийся в плен гарнизон крепости. Главными пунктами объявления были: воспрещение продавать спиртные напитки; воспрещено оставаться на улицах с наступлением темноты, после 7-ми час(ов) веч(ера); требование, чтобы все, в частности пленные австрийцы, беспрекословно повиновались русским военным властям; настойчивое напоминание нашим солдатам — не причинять никаких обид местным жителям и т. п. Эти распоряжения, по-видимому, сделали свое дело. За все время нашего пребывания в городе нам не пришлось быть свидетелями ни единого недоразумения между русскими и австрийцами: пленными и горожанами.

Между прочим, то же распоряжение генерала Артамонова устанавливало для Перемышля курс австрийской кроны, принятой во всей русской Галиции, в 30 коп. Этот курс соблюдался твердо; при всех наших денежных расчетах в Перемышле мы ни разу не слышали возражений на него. Было заметно даже, что торговцы и кельнеры в ресторанах охотнее берут русские деньги, нежели австрийские. Кажется, у всех была затаенная боязнь, как бы кроны и геллеры не обесценивались еще более и даже не утратили бы всякой цены. Мне известен случай, когда один наш солдат «выменял» в Перемышле у пленного австрийца за 5 серебряных рублей 25 крон, т. е. заплатил по двугривенному за крону. Никакой недобросовестности при этом не

было: наш солдат искренно не знал цены австрийских денег, а австриец предпочитал иметь русское серебро, чем родные бумажки.

Вообще, жители Перемышля, как и население всей Галиции, с поразительной легкостью и быстротой приспособились к русским порядкам.

Если пленные австрийские офицеры в Перемышле, по удачному выражению «Прикарпатской Руси» (номер от 12-го марта), «производят впечатление людей, радушно принимающих в своем доме гостей», то городские обыватели, особенно люди простые, встречают нас как своих более удачливых сородичей. Нам с товарищем случалось провести несколько времени в небогатой квартирке одной простой женщины (у которой жил шофер нашего автомобиля), в заречной части города. Эта женщина радушно угощала нас чаем, хлебом, малинным соком и, кстати, горько жаловалась нам, что «швабы» забрали ее сына в армию. Другая женщина, с которой я разговорился, покупая у нее платки (изделия в «галицийском» вкусе, с яркими каймами), наивно просила меня похлопотать за ее мужа, «угнанного» австрийцами на работы — копать траншеи на фортах. Торговка уверяла меня, что ее муж весьма ревностно исполнял свое дело (т. е. хорошо укреплял форты против нашей армии!), австрийцы же морили его голодом и не платили обещанного жалованья. И не только по вине моего польского языка не мог я объяснить женщине, что не имею никакой возможности вступиться за ее мужа!

Толпу таких простых женщин я видел после в костеле. Была, по нашему календарю, «Лазарева суббота» (14-го марта); костелы в Перемышле были переполнены. Но громадное большинство молящихся были женщины (может быть, $\frac{5}{7}$ или $\frac{3}{4}$). Одни в совершенно черных платках, другие — в черных, с яркими цветными каймами, те — одетые побогаче, те — победнее, старые и молодые, — все одинаково долго стояли на коленях, смотрели неподвижными глазами, забыв развернутый молитвенник, куда-то в пустоту перед собой и, двигая губами, шептали какие-то слова. Что? Заученные молитвы? Или моления, обращенные к Богу? Или благодарность Ему за избавление от страданий? Эти женщины, вероятно, больше, чем все другие, чувствовали гнет осады. Их мужья на фортах рыли траншеи, утешались фантастическими слухами об австрийских победах, сходились в своем «политическом клубе» у какого-нибудь цирюльника «с одной тарелочкой»; а именно «жены», оставшиеся дома, испытывали, что значит не иметь молока для детей, отдавать последние геллеры за хлеб, который чудовищно дорожает каждый день, относить лавочнику «в залог» свое белье или праздничный костюм мужа. Вглядываясь в ровные темные ряды склоненных женских голов, ловя чуть слышимый молитвенный шепот, поглощаемый могучим пением органа, я думал о том, что такое же зрелище представляли, вероятно, костелы в Перемышле и во дни осады. Люди состоятельные ехали в театр или на концерт, устраивали вечеринки у себя дома, где мило шутили над меню своего ужина, включавшим конину, и неизменно надсмехались над бесплодным упорством русских... Беднякам же, действительно голодавшим, мерзнувшим в нетопленных комнатах, лишенным всякой работы и всякого дохода, некуда было пойти, кроме храма, и, конечно, ежедневно костелы наполнялись толпой коленопреклоненных, молящихся, плачущих женщин...

Военных (австрийцев) в костелах, кажется, совсем не было: я, по крайней мере, не заметил ни одного. Может быть, они рассуждали так, что им не за что благодарить Господа, но и не о чем просить Его, ибо все идет хорошо. На эту мысль навел меня один из наших знакомых австрийских лейтенантов, которого я встретил, выходя из костела. Радостно со мной поздоровавшись, как с другом, которого он давно не видел, лейтенант потом спросил меня:

— У нас здесь распространился слух, что немцы вчера взяли Варшаву. Как вы думаете: правда это?

— Какой вздор!

От этого восклицания я не мог удержаться, но мне стоило труда убедить лейтенанта, что в слухе о взятии Варшавы немцами нет ни капли вероятности. Австриец вежливо соглашался со мной, что Варшава, может быть, и не взята еще, а потом осторожно возражал:

— Однако немцы всего в 30-ти километрах от Варшавы: вам будет нелегко ее защищать.

И уже тщетно старался я уверить своего собеседника, что это — тоже неправда, что немцы теперь много дальше от Варшавы и что они не могут и думать серьезно о наступлении на нее. Австриец только из любезности прекращал спор, но было видно, что в душе он остается при своей прежней уверенности.

Нечто подобное говорили нам и другие австрийские офицеры. По-видимому, чтобы поднять дух гарнизона, в крепости распускались слухи о мнимых победах германской армии, причем уверяли даже офицеров, что немцы опять идут на Варшаву и, несомненно, возьмут ее не сегодня-завтра. И офицеры верили этим вздорным сообщениям, хотя по издававшимся в крепости до последнего дня «Военным Ведомостям» («Kriegsnachrichten») можно было составлять довольно правильное представление о ходе военных действий. Слух же о взятии Варшавы 14-го (27-го) марта был явно распушен с определенной целью — временно «утешить» офицеров и создать в стыде поражения...

Мы, конечно, ни на минуту не могли поверить австрийским слухам или даже допустить, что в них скрывается хоть крупинка истины. В назначенный срок, не обращая на них внимания, мы стали готовиться в обратный путь — в Варшаву. Еще оставалось в Перемышле, в городе и на фортах, немало любопытного, что стоило бы осмотреть и изучить; интересно было бы подняться на высокие холмы, лежащие сзади Перемышля, и посетить окрестные деревни, жители которых могли бы, вероятно, рассказать немало замечательных случаев из поры осады. Но один наш спутник, М., крайне торопился вернуться, так как в Варшаве у него были спешные, неотложные дела; да и мы с товарищем не прочь были скорее оказаться дома, чтобы заняться обработкой собранного материала. Мы решили поэтому отказаться от деталей и удовольствоваться общими чертами. К сожалению, пришлось нам отказаться и от нашего первоначального плана: вернуться через Львов. Для этого надо было бы переправить автомобиль на левый берег Сана¹, но взрыв мостов сделал это невозможным. Все, что нам оставалось, это несколько изменить наш маршрут по

¹ Сан — река в Польше и на Украине, правый приток Вислы.

Галиции, чтобы на обратном пути посетить иные городки и селения, чем на пути к Перемышлю. Мы выехали рано утром в вербное — но по немецко-католическому календарю — «пальмовое» — воскресенье, Palmsonntag. На улицах Перемышля, несмотря на бедственные дни и ранний час, уже начиналось праздничное оживление. Встречавшиеся прохожие были одеты по-праздничному; в город въезжали деревенские телеги, везшие, должно быть, на продажу разные сельские продукты. Проходя по улицам, чтобы пробраться к своему автомобилю, в заречную часть города, мы повстречали по дороге одного за другим двух знакомых нам австрийских офицеров. Каждый мило нам улыбнулся, пожал руки, пожелал счастливого пути; один из них поспешил поделиться с нами радостной новостью: его, как полуславянина, не отсылают во внутреннюю Россию, но позволяют ему остаться в пределах Галиции. Говоривший, по-видимому, был наивно убежден в том, что мы примем близко к сердцу его судьбу и порадуемся вместе с ним. Эта наивность была прямо трогательной, и я, право, порадовался удаче этого нашего «врага», еще несколько дней назад руководившего стрельбой по нашим солдатам. У ворот дома, где стоял наш автомобиль, нас поджидал третий наш знакомый — клоун из цирка: он принес нам несколько книжек, разыскать которые обещал накануне («календари осады» и др.), долго дружески пожимал нам руки, каждому из нас дал свой адрес и настойчиво напоминал, чтобы при следующем посещении Перемышля мы не останавливались в гостинице, но прямо ехали по этому адресу, где для нас будет готова удобная комната...

Пока мы делали свои наблюдения в Перемышле, присматривался к нему и наш шофер. Встретившись с нами, он между прочим сообщил нам, что в доме, где он жил, есть несколько квартир, покинутых австрийскими офицерами и оставшихся без хозяев. Мы зашли в одну из них и увидели картину разгрома. Ящики столов были выдвинуты, мелкие вещи разбросаны по полу, валялось много книг, частью уже изорванных и истоптанных; прочтя надписи на корешках переплетов, я убедился, что то был подбор немецких классиков: Гёте, Шиллер, Гейне, Лессинг, Грильпарцер, Гамерлинг. Возможно, что разгрома, в настоящем смысле слова, здесь не было, что сам хозяин квартиры привел ее в такое состояние, спешно собирая наиболее ценные и дорогие для него вещи. Все же я счел себя вправе подобрать раскиданные по полу письма, так как они все равно были бы выброшены, как ненужный хлам. Хотя эти письма относились к месяцам до второй осады, в них оказались сообщения, очень характерные для «австрийских настроений». Через несколько минут после нас в той же квартире появилось трое наших солдат: они искали, где бы им устроиться в Перемышле, и мы порекомендовали им бывшую офицерскую квартиру. Тотчас на входной двери, как то всегда делается в городах, занятых армией, появились написанные мелом имена новых хозяев. Согласно с неписаными обычаями войны, с этой минуты квартира считалась занятой, и никто другой уже не счел бы себя вправе посягать на нее. Три наших солдата поселились в комнатах, где еще недавно жил какой-то любитель немецкой литературы, но — увы! — нельзя ручаться, что из иных страниц с вдохновенными стихами Гёте не были свернуты «цигарки»!

Помешкав еще некоторое время в квартире, где наш шофер ночевал, — у доброй, наивной женщины, угощавшей нас малинным соком и жаловавшей нам на судь-

бу сына-солдата, — мы наконец тронулись в путь. В обратном порядке замелькали картины, которые мы видели, подъезжая к Перемышлю: холмы, глубокие долины, сосновый лес, укрепления; повернув голову, мы опять могли любоваться пленительной панорамой белого города над синим Саном. На одном повороте мы нагнали большую партию мужчин, человек 250—300, с угрюмыми лицами шагавших к выходу из крепости. Они были одеты не по-военному, но у каждого на левой руке была перевязь из трехцветной ленточки. Мы окликнули их, спрашивая, кто они; но польский, русский и немецкий вопросы остались без ответа. Наконец один из шагавших, чтобы «отделаться» от нас, бросил нам одно слово: «мадьяр!» То были рабочие-венгры, не говорившие ни на каком языке, кроме родного. Нас уверяли потом, будто намеренно брали рабочими в крепость венгров, не знающих ни немецкого, ни польского языка, чтобы они не могли никому жаловаться на обращение с ними и на различные притеснения. Уверяли также, что жилось в крепости венграм-рабочим очень тяжело: их плохо кормили, заставляли работать по 15—16 часов в сутки и платили им ничтожное жалованье. Если судить по изможденным и угрюмым лицам тех, которых мы встретили, таким рассказам можно поверить, тем более что приблизительно на то же жаловались и рабочие-поляки и русины.

На пути в Перемышль мы беспрестанно встречались с партиями пленных; теперь мы их беспрестанно обгоняли. В городе, в нашем штабе, нам говорили, что эвакуация пленных продлится не менее 10—12 дней, если не все две недели, при условии отправлять ежедневно более 10 000 человек. Пленные опять шли партиями по несколько сот человек, объединенные большей частью по национальностям: немцы — отдельно, поляки — отдельно, венгры — отдельно... Кроме конвойных, казаков или конных добровольцев, за порядком в каждой партии наблюдали особые «взводные», назначаемые из среды самих пленных. По-прежнему все пленные с полной готовностью шли указанным им путем; пленные солдаты усердно отдавали честь ехавшему с нами русскому офицеру; а пленные немцы простирали свое усердие до того, что старались говорить по-польски или по-русски. Нагоняя партию и желая получить свободный проезд для автомобиля, мы издали кричали немцам, прося их посторониться: «Rechts!»* Но «взводные» любезно повторили наше приказание по-русски, крича: «Право!»

Валерий Брюсов. 22-го марта

Из поездки в Перемышль

I

Из ряда моих поездок, уже довольно многочисленных, по разоренной Польше и по району военных действий поездка в Перемышль (через два дня после его сдачи) произвела на меня особенно сильное впечатление и особенно ярко сохранилась в моей памяти. Подъем духа, вызванный радостной, с нетерпением ожидаемой вестью, повышенный тон утренних газет, манифестации на улицах Варшавы — все это делало необычным самый отъезд. Памятным, красивым был и путь через поло-

* «Правее!» (нем.)

вину Польши во дни начинающейся весны, когда последний снег тщетно борется с наступающим теплом. Наконец, незабываемые картины, образы, встречи ждали меня в самой взятой крепости.

Дорога от Варшавы до Перемышля была мне почти вся знакома: я проехал ее взад и вперед в сентябре, когда посетил Ярослав на третий день после его первой сдачи. Но в сентябре весь этот путь был еще полон воспоминаниями о «великой галицийской битве» и об отражении австрийского нашествия. Везде были видны свежие окопы, недавние пожарища, следы боев; валялись трупы лошадей, разбитые повозки, зарядные ящики; земля была усеяна патронами; по дорогам непрерывно шли войска и бесконечные обозы; по сторонам, то там, то здесь, живописно вырисовывались казацкие привалы. К весне все изменилось: следы битв стояли с зимним снегом, война отхлынула далеко на юг, к перевалам через Карпаты, и по пути встречались только мирные местные жители; города вернулись к своей привычной жизни; крестьяне уже выезжали в поле с плугом и бороной. Только развалины строений, разбитых осенью артиллерийским боем, да горестные остатки сгоревших деревень напоминали о недавнем грозном прошлом.

Причудливую картину представляли эти руины в лунную ночь. Торопясь к цели нашего путешествия, мы (я ехал с двумя спутниками — журналистом Ф. Федоровым и офицером М.) продолжали свой путь и в темноте. И вот неожиданно вырастали перед нами какие-то новые Помпеи: целые улицы, состоящие из домов без крыш; огромные пустыри, на которых торчали лишь дымовые трубы да обломки стен; кое-где поднималась чудом уцелевшая колонна со статуей Мадонны или вооруженного рыцаря наверху; а луна бросала свой всегда волшебный свет сквозь пробоины окон нежилых, полуразрушившихся строений [...].

Такие картины ждут путника в Красностане, Избице, Замостье, Томашове, Белжице, Цеханове [...] Замостье, куда мы приехали поздно ночью, показалось мне в обаянии лунного света каким-то итальянским городком; засаженная деревьями площадь, окруженная каменными аркадами, балюстрада широкой лестницы, ведущей к несуществующей двери, высокие башни, встающие из-за крыш, картинные руины, заканчивающие перспективу улиц, — все напоминало не то Болонью, не то Пизу.

Красивы были и виды между Замостью и Томашовом. Местность здесь холмистая, и резкие контуры возвышенностей представляют Швейцарию в миниатюре. В глубоких долинах еще лежал снег, но на высотах весеннее тепло уже разобрало его прихотливыми зигзагами, и он растянулся по склонам извилистыми лентами. Темно-зеленые сосны закрывали гребни холмов. Своеобразный характер придавали видам кресты на братских могилах. Их здесь много, так как этот край был свидетелем ожесточенных, упорных битв. Синий деревянный крест стоит теперь вместо пограничного столба и на нашей бывшей границе с Австрией: здесь похоронен тот солдат пограничной стражи, который в день объявления войны не покинул своего поста и был застрелен австрийцами.

С переездом в Галицию внимание было отвлечено от картин природы к людям. Северная Галиция жестоко пострадала от войны, и ее население не в силах само поправить свои дела. Города наполовину разрушены, много деревень сожжено дотла,

скот и имущество крестьян были реквизированы австрийцами при их отступлении. Каждый раз, когда наш автомобиль останавливался в деревне или в маленьком городке, нас окружала толпа: мужчины — в барашковых шапках, женщины — в черных платках, дети — одетые в какие-то отрепья. К нам обращались с жалобами, просьбами, расспросами. Кое-как благодаря сходству местного говора с русским языком и при помощи польского языка мы договаривались. Вопросы часто были наивные или нелепые: у кого теперь искать «суда и расправы»? Можно ли без особого разрешения ехать в Россию? Не даст ли правительство семян для засева? и т. п. Видно было, что простые, «темные» люди не знают, к кому обратиться, и не освоились с новыми порядками. В одном городке (Цеханове) обратилась к нам даже народная учительница. [...] Мы посоветовали учительнице обратиться в канцелярию генерал-губернатора во Львове. Другим также дали посильные советы и объяснения. Нас провожали, сняв шапки, долгими поклонами и пожеланиями счастливого пути...

Впрочем, в то же время я мог с удовольствием отметить, что за шесть месяцев (считая с сентября, с моей первой поездки в Галицию) край заметно обрусел. Особенно чувствовалось это в более значительных городах. В Ярославле, например, я чувствовал себя более в русском городе, нежели в польской Варшаве или в немецкой Риге. Во всех магазинах, даже в маленьких лавчонках понимали по-русски. Само собой разумеется, в ходу были исключительно русские деньги. Гостиница, где мы остановились («Отель Польский»), была совершенно русской: ее содержатель был родом из Киева; все служащие — также из внутренних губерний. Нам говорили, что в городе возник целый ряд таких же чисто русских предприятий. Кстати сказать, рассказы о том, что Ярослав при вторичном занятии его нашими войсками сожжен, сгорел, оказались сильно преувеличенными. Погорело несколько домов на окраинах, но центр города, все главные улицы, где помещаются все общественные учреждения и стоят лучшие здания, вполне цел. Если поехать к «заставам» и за городскую черту, нигде в Ярославле не заметно и следов того, что город был дважды взят с боя, что его обстреливали тяжелой артиллерией, что битвы шли на улицах и т. п.

От Ярослава до Перемышля — немногим более 20-ти верст по хорошему, широкому шоссе, в своей первой половине обсаженному по обеим сторонам в два ряда высокими, старыми деревьями. Едва мы выехали на это шоссе, как наш глаз поразила синеватая масса, двигавшаяся нам навстречу. Всмотревшись, мы поняли, что это — толпа пленных австрийских солдат. И все время, пока мы ехали, мимо нас, с небольшими только промежутками, лился человеческий поток — бесчисленные волны синих шинелей. Шли большие партии пленных, человек в 500, в сопровождении 10–12 казаков; шли небольшие группы в 15–20 человек; шли вдвоем, шли одиночки, и казалось, что этот поток столь же неисчерпаем, как любая река. Иногда навстречу первым шли другие партии таких же синешинельных пленных: то были австрийцы, взятые на Карпатах, направляемые в Радимны и оттуда в Раву-Русскую. Два течения сталкивались, смешивались, потом опять разделялись, и каждый из пленных покорно и послушно шел дальше, указанной ему дорогой: кто — к Ярославу, кто — прочь от Ярослава. Отставшие бегом догоняли свою партию; свежих, отдохнувших конвойные не торопили: они знали, что «он не убежит» (как сказал нам о пленных австрийцах один казак).

В Радимнах, маленьком городке по пути, мы увидели огромную партию пленных, расположившихся на привале. Остановив автомобиль, мы вмешались в их толпу. Едва стало известно, что мы — русские, с нами сразу заговорило чуть ли не несколько десятков человек: одни — по-немецки, другие — по-польски, по-чешски, на галицийском наречии; а иные капралы, желая щегольнуть образованностью, — и по-французски. Нас спрашивали: Куда пленные будут отправлены? Если в Сибирь, то очень ли там холодно? Будут ли унтер-офицеры и капралы получать жалованье в плену? Полагается ли пленным за обедом вино или пиво? И т. п. Вид у большинства пленных (так, как и у тех, которые раньше встречались нам по дороге) был довольно жалкий: шинели старые, изорванные, грязные, кепи измятые, сапоги — в дырах; у некоторых вовсе не было обуви, а ноги были обмотаны какими-то тряпками. Лица выражали страшное утомление: впалые щеки, ввалившиеся, лихорадочно горящие глаза, бледность или нездоровый румянец. Однако никто не казался удрученным именно сдачей, поражением: напротив, скоро из разговоров выяснилось, что все сдаче крепости скорее рады, так как это положило конец всяким лишениям, трудам, голоду.

Мне пришлось поговорить с несколькими солдатами-славянами. Не стесняясь присутствием капрала, они начали злобно бранить своих офицеров. По словам солдат, голодали в крепости только они: у офицеров всего было вдоволь; до последнего дня офицеры получали полный паек с вином за обедом и ужином. Солдаты терпели холод и сырость, проводя круглые сутки в траншеях, а многие офицеры на ночь уезжали в город или ночевали в халупах в пригородах. Жаловались, конечно, солдаты и на то, что славян нарочно посылали на самые опасные места, а во время вылазок заставляли идти вперед, тогда как сзади шли немцы или венгры, расстреливавшие отступавших. О коменданте Кусманеке сообщали легенду (которую мы слышали еще в Ярославле), будто перед сдачей он улетел из крепости на аэроплане... Рассказывая все это мне, солдаты словно жаловались другу или сотоварищу на притеснения врагов; видно было, что я, как русский, ближе им, чем их недавние начальники — немцы. После я говорил и с солдатами-немцами; те были сдержаннее в своих выражениях, но и у них проскальзывала [...] ненависть к офицерам. Немцы постарались извлечь пользу из нашего посещения: стали продавать нам кольца, сделанные из стали русских снарядов, попавших в форты Перемышля, шрапнельные пульки, осколки гранат и тому подобные «сувениры осады». Во всяком случае все — солдаты и капралы (офицеров здесь не было), и славяне, и немцы, и даже угрюмые мадьяры — отнеслись к нам вполне дружелюбно, без тени неприязни к врагу-победителю...

Вскоре за Радимнами начинается подъезд к самому Перемышлю. Отсюда открывается великолепный вид на цепь Карпатских гор с высокими снеговыми вершинами. По сторонам дороги, напротив, расстилаются унылые, совершенно пустые поляны. Сами австрийцы, перед началом осады, воспретили их обрабатывать, вырубали рощи, стоявшие кое-где, и сожгли деревни, чтобы нашим войскам не было где приютиться. На этих же полянах можно видеть остатки наших позиций: окопы, прикрытия для батарей и т. д. Наши укрепления изумляют своей скромностью: мы опирались в этой борьбе на дух армии и на мужество и стойкость солдат, а не на земляные прикрытия...

Наоборот, укрепления Перемышля были возведены австрийцами с великим тщанием. Они — вообще мастера строить укрепления, форты, крепости. Первая, внешняя, линия укреплений вынесена верст на 8–9 от города; она состоит из ряда мощных фортов, соединенных глубокими траншеями с крепкими блиндажами, стальными прикрытиями, закрывающимися окошечками для стрельбы, бетонными башенками, особыми блиндированными складами для провианта и для снарядов, и т. д., и т. д. Кое-что из этих укреплений было взорвано австрийцами в день сдачи; орудия, бывшие на фортах, приведены в негодность; но в общем укрепления после небольших исправлений могут прекрасно служить и впредь... На среднем расстоянии между городом и первой линией укреплений проведена вторая, внутренняя, оборудованная с таким же искусством. Внутренние укрепления с северной стороны проходят по гребню холма, что дает возможность обстреливать огромное пространство.

У ворот, проделанных в линии внешних укреплений, мы должны были остановиться, чтобы исполнить некоторые формальности, необходимые для въезда в город. Я воспользовался этим временем, чтобы поговорить с нашими солдатами, охранявшими въезд. Мне хотелось расспросить их о подробностях сдачи крепости, об их личных впечатлениях во время осады и т. п. Но солдаты оказались еще в такой мере буквально «упоенными» победой, что ничего не могли рассказать толком. В противоположность австрийским солдатам, высказывавшим полную безучастность к совершившемуся событию и относившимся к падению Перемышля как к чему-то, их совершенно не касающемуся, — наши «серые герои», видимо, только и жили сознанием своего торжества. На все мои вопросы я получал ответы вроде следующих:

— Мы его взяли! Я, ваше благородие, с самого начала под Перемышлем был. Как стали они форты взрывать, мы все, как один человек, перекрестились: стало быть — конец, наша взяла! И т. д.

Было что-то глубоко трогательное в этом отношении наших солдат (которое я замечал уже не в первый раз) к военным операциям как к своему личному делу.

После ворот начинается спуск в долину Сана, и шоссе — как всегда дороги в горных местностях — идет далее большими зигзагами, делая повороты под острыми углами. Слева и справа поднимаются высокие холмы, поросшие высокими, прямоствольными соснами. Часть леса, впрочем, вырублена, и бревна с обрубленными уже сучьями лежат здесь же длинными рядами. Характер местности несколько напоминает нам Крым, иные уголки за Ялтой — например, дорогу на водопад Учан-Су. На одном из поворотов дороги расположен небольшой поселок — пригород Перемышля. Здесь кроме партии пленных стали встречаться нам и гуляющие из города: шли кавалеры с дамами, мастеровые, женщины с ярко нарумяненными лицами, даже австрийские офицеры, неизменно изящные, в новеньких шинелях, со сверкающими саблями на боку. С одной из гуляющих парочек мы поговорили.

— Мы вышли подышать воздухом, — любезно объяснила нам барышня. — Во время осады было запрещено гулять за городом. Всем так наскучило ходить только по улицам, что теперь мы рады гулять и по пыльному шоссе.

Мы спросили, очень ли страдали жители Перемышля от голода и правда ли, что приходилось питаться кошками и собаками (как нам рассказывали в Ярославле).

— Ах, нет! — прямо засмеялась барышня. — Кошек не кушали. Т<о> е<сть> если кто любит это кушанье, это — другое дело. А вообще ни кошек, ни собак никто не ел. За деньги все время можно было все доставать — если не говядину, то конину. Был и хлеб, и масло, и даже крестьяне потихоньку приносили кур, яйца, молоко...

Эти признания встречной барышни были первым звеном в длинной цепи признаний, убедившей нас, что рассказы о жестоком голоде, царившем в Перемышле, — вымысел или сильное преувеличение и что сдалась крепость не от недостатка провианта.

Вскоре после пригорода шоссе делает крутой поворот, и вдруг открывается панорама Перемышля. Мне за мою жизнь случалось видеть много красивых городов, но, не делая никаких исключений, я решаюсь сказать, что Перемышль принадлежит к числу красивейших. Красотой общего вида он может соперничать с видом с моря на Венецию и на Ревель, с готическими городами юго-западной Германии и с приморскими городками Бретани.

Теперь перед нами была глубокая долина Сана. Река широкой синеватой лентой, с белыми крапинами пены, делала внизу слабый изгиб и исчезала за лесистым холмом. Прямо горизонт закрывал отлогий склон горы, гребень которого четко вырисовывался в небе. По этому склону амфитеатром был расположен город, весь белый, ярко выступавший на лиловато-зеленом фоне. Несколько прямых улиц, местами переходящих в каменные лестницы, разрезало город на небольшие, легко обозримые квадраты. Здания старинных костелов, театра, отдельных высоких домов красиво поднимались среди рядов других строений, а справа, на небольшом предгорье, серый замок, окруженный парком, как бы венчал весь город. Неправильные линии взорванных мостов, упавшие фермы которых упирались в бурливый, пенящийся поток, как-то дополняли красоту картины...

Мы могли, однако, любоваться видом лишь несколько мгновений. Шоссе вновь сделало поворот — и дивная панорама пропала. Опять кругом нас были только поросшие соснами холмы и земляные откосы дороги, по которой медленно брели пленные и неспешно гуляли горожане. А через несколько минут наш автомобиль остановился перед одним из взорванных мостов, в заречной части Перемышля.

27 марта, Варшава

Из поездки в Перемышль

II

В Перемышле мы встретили ряд маленьких затруднений. Наш автомобиль остановился в предместье, на правом берегу Сана; между тем весь город лежит на левом, высоком берегу, мосты через реку взорваны. Надо было разузнать, возможно ли переправиться на другую сторону. Кроме того, мы не знали, открыты ли в городе гостиницы, можно ли в ресторанах получить обед и т. п.

Подумав, мы решили обратиться за советом к группе австрийских офицеров, стоявших около того места, где остановился наш автомобиль. Оказалось, что мы сделали лучшее, что могли, так как австрийцы немедленно приняли в нас живей-

шее участие. Тут был дородный полковник, упитанный, с розовыми щеками и лихо закрученными усами; военный врач, изысканно одетый, с моноклем в глазу, и двое низших офицеров в шинелях с иголки. Все были при саблях, которыми как-то особенно ловко звенели, а у полковника в руках был еще хлыстик. Австрийцы представились нам, высказали удовольствие с нами познакомиться и с отменной предупредительностью взялись оказать нам всякие услуги.

Выяснилось, что переправить на другую сторону автомобиль нет возможности. При содействии австрийцев мы нашли для него и для шофера пристанище в заречной части города, а сами отправились пешком на левый берег. Полковник проводил нас до перехода, устроенного на обломках обрушившегося моста, по дороге любезно с нами беседуя и рассказывая нам подробности о сдаче крепости. Мы между прочим заметили, что вряд ли следовало взрывать мосты. Наши саперы быстро наведут понтонный мост, и сообщение между двумя берегами будет восстановлено, так что все дело сводится к той сумме денег, которую придется затратить на восстановление взорванных мостов. Для населения же отсутствие переправы будет представлять в течение многих дней крайнее неудобство.

— Может быть, вы правы, — вежливо согласился полковник. — К коменданту даже являлась особая депутация от горожан с просьбой оставить хотя бы один мост. Но у генерала был категорический приказ — взорвать мосты в случае сдачи. Солдат не может рассуждать, но должен подчиняться приказаниям беспрекословно...

Доведя нас до перехода, полковник откланялся. Мы перешли через пенный Сан по доскам, лежавшим почти на самом уровне воды, постоянно заливавшей их. На другом берегу, следуя первому опыту, мы опять обратились за помощью к австрийскому офицеру: молоденькому лейтенанту, который с рассеянным видом наблюдал, как толпы людей (в том числе и партии пленных) перебираются с одного берега на другой. Лейтенант, так же как первые офицеры, тотчас изъявил готовность содействовать нам и посоветовал идти обедать в офицерское собрание. Так как в нашей среде был офицер русской армии, мы выразили сомнение, будет ли это удобно, но лейтенант решительно разуверил нас:

— Вам все будут очень рады и примут вас как желанных гостей, — сказал он.

Лейтенант вызвался и проводить нас до собрания, а когда мы просили его не беспокоиться, возразил беспечно:

— Помилуйте! Мне очень приятно пройти с вами. К тому же я теперь совершенно свободен.

В австрийском офицерском собрании, «Casino», как оно называлось на вывеске, мы, в самом деле, встретили самый дружелюбный прием. Проводивший нас лейтенант, сославшись на предстоящее ему неотложное свидание, не вошел с нами, но очень скоро у нас оказались новые знакомые среди других офицеров-австрийцев, обедавших в тот час. «Casino» оказалось большой сводчатой комнатой, украшенной разноцветными флажками, в которой расставлены маленькие столики, как в ресторане. Едва мы заняли место, как офицеры, сидевшие за соседним столиком, под каким-то предлогом поспешили заговорить с нами. Через минуту один из них, военный врач-чех, уже пересел к нам, и вскоре мы беседовали как давние друзья.

Офицеров, бывших в собрании, особенно интересовал вопрос, каковы условия жизни в русском плену. Нас расспрашивали, в каких городах селят пленных офицеров, как относится к ним местное население, какое полагается жалование разным чинам и т. п. Некоторые просили у нас рекомендательные письма в разные русские города.

В большом кругу лиц офицеры, конечно, говорили очень осторожно: рассказывали, напр<имер>, что с русскими, бывшими в плену в крепости, обращались с особенной заботливостью, выдавали им лучшую пищу, какую только могли достать, что вообще к русским весь гарнизон относился с большим уважением, как к благородным противникам, и т. п. Однако по отдельным выражениям и «между слов» можно было угадать многое. Так, напр<имер>, заметно было, что в среде офицеров существовали враждовавшие между собой партии, что многие резко критиковали распоряжение коменданта, что немцы всегда держались особняком от славян и не доверяли им и т. д. Врач-чех даже проговорился, что запас провианта для офицеров истекал именно ко дню сдачи и что нежелание их перейти на более грубую и скудную пищу было также одним из причин сдачи.

По окончании обеда мы расстались с нашими новыми знакомыми-друзьями. Все они дали нам свои визитные карточки и высказали надежду, что мы встретимся вновь «при более благоприятных обстоятельствах». Разумеется, просили нас и впредь во время нашего пребывания в Перемышле посещать «Casino» и считать себя гостями австрийского офицерства.

После этих встреч мы уже не колебались обращаться к австрийцам, особенно к офицерам, с просьбой о разных мелких услугах, в которых всегда нуждаешься, попав в незнакомый город, — и ни разу не имели случая пожалеть об этом. Решительно *все*, с кем мы заговаривали, выказывали изысканную предупредительность, были с нами до крайности любезны и не щадили своего времени, чтобы помочь нам. Больше всех других оказался нам полезен один молодой лейтенант, еще безусый юноша, с которым мы завели знакомство, кажется, в кафе. Он вместе с нами ходил в разные отели, выбирал для нас подходящие комнаты, торговался за нас, указал нам лучшие магазины, рекомендовал хороший ресторан, дал нужные нам адреса, и т. д., и т. д. С этим лейтенантом мы потом неоднократно встречались в Перемышле, подолгу сидели с ним в цукернях, много разговаривали и о посторонних вещах, и об осаде крепости: он всегда был неизменно мил и любезен, говорил очень откровенно, открыто признавал превосходство нашей армии над австрийской и столь же открыто жаловался, что за последнее время в крепостном гарнизоне дисциплина страшно пала. Если не ошибаюсь, юноша искренне сдружился с нами; по крайней мере он посвятил нас в свои личные дела и потом спешил поделиться с нами всеми новостями, касавшимися его лично.

Ознакомившись с городом, я много гулял по его улицам. Уличная жизнь в Перемышле в те дни приняла уже почти нормальное течение. На улице Мицкевича и на Францисканской, главных артериях города, весь день царил большое оживление: по тротуарам двигалась густая толпа, в которой было немало богато наряженных дам; кафе были полны, магазины торговали бойко. И в этой городской сутолоке на

каждом шагу встречались австрийские офицеры. В новеньких шинелях сине-сиреневого цвета, с пушистыми бобровыми или из меха кенгуру воротниками, часто с моноклем в глазу, нередко под руку с дамой или с болонкой на цепочке они фланировали по большим улицам; в томно-ленивых позах они сидели у зеркальных окон за столиками больших цукерен; в магазинах они бросали золотые монеты на прилавки... Везде мелькали самые разнообразные офицерские формы, мундиры, то синие, то красные, то с белыми вставками, многие с золотым шитьем, словно обладатели их приготовились к смотру или параду. Это щегольство одеяний, самодовольство, написанное на упитанных лицах, некоторые мелочи, вроде выхолненных пальцев с огромными перстнями, — все возбуждало во мне такие чувства, которые не могли быть заглушены никакой любезностью и никакими услугами... Не думаю, чтобы нашлась другая армия, офицеры которой проявляли бы такую беспечность, только что пережив тяжкое поражение, которое глубоко отразилось на всем ходе войны.

Гораздо понятнее было для меня отношение к нам, к русским, мирным жителям Перемышля, его «обывателей». С евреями мне не пришлось сталкиваться, но я довольно много беседовал со славянами, поляками и галичанами, притом из разных слоев общества. С некоторыми мы познакомились так же, как с офицерами: на улице или в кафе. Двое таких знакомцев, — один — бывший служащий в цирке (не то фокусник, не то клоун), другой — человек неопределенных занятий, родившийся в Перемышле и никогда из него не выезжавший, — даже сделались нашими неразлучными спутниками на все время нашего пребывания в городе. На прощание оба дали нам свои визитные карточки и убедительно просили навестить их, когда мы будем в городе... Кроме того, у нас были (полученные в Ярославле) рекомендательные письма к некоторым жителям Перемышля, что позволило нам заглянуть и в семейную жизнь горожан. Наконец я пользовался каждым представившимся случаем для расспросов и разговоров. Так, например, разыскивая комплекты газет, выходявших в Перемышле во время осады, я обратился в типографию, где одна из газет печаталась. Встретил меня владелец типографии, поляк, и не только разыскал мне нужные номера, но и охотно разговорился со мной. Другое «интервью» удалось мне получить там, где я всего менее мог его ждать: в парикмахерской, куда я зашел, пользуясь свободным получасом. Местный Фигаро, узнав, что я — русский, сам немедленно стал излагать передо мной взгляды на оборону крепости и рассказал кстати несколько интересных эпизодов. В общем, получился целый калейдоскоп лиц, что дает право на кое-какие выводы.

Первое, что я должен отметить, это — опять все та же доброжелательность, с какой *все* в Перемышле относятся к нам.

Вполне естественно, что в те дни, когда мы были в Перемышле, пережитая осада была еще живо памятна всем. Все только и говорили, что о ней, и каждый разговор быстро переходил на недавнее прошлое. Но ни от кого мне не пришлось слышать жалоб на особенные тягости лишения. Не было и намека на те ужасы, которые свершались когда-то в осажденном Сагунте или даже в нашу эпоху, во время осады Парижа пруссаками: ни умерших с голода, ни матерей, убивающих детей, ни бунтов доведенных до отчаяния бедняков, — всего того, что связано с представлением о

городе, доведенном до сдачи голодом... Все жаловались только на дороговизну (и то, впрочем, условную, потому что нельзя же признать «неимоверной» цену в 30 геллеров за булочку!), и некоторые наивно указывали, что пора было сдавать крепость, когда в городе все так вздоржало.

В том же отеле, где остановились мы, жило несколько наших офицеров. Принудить к сдаче Перемышль, — крепость, оборудованную по всем правилам новейшей техники и защищаемую 170-тысячной армией, — было подвигом, который навсегда останется славным в нашей военной истории. И на наших офицеров австрийские лейтенанты, оберы, полковники, в своих щегольских шинелях, с своим заносчиво-беспечным видом, произвели столь же гнетущее впечатление, как на меня. Я даже заметил, что наши офицеры все время как-то сторонились общества своих австрийских «товарищей по оружию», хотя австрийцы и повторяли постоянно, *что* высоко чтут русскую армию и рады будут оказать честь своим недавним противникам.

Эти чувства, эти раздумья преследовали меня все время, когда я бродил по улицам Перемышля. В городе почти ничего не напоминало о недавних трудных днях. Окна магазинов были заставлены пышными эталажами¹; по улицам шли и гуляющие, и деловые люди, спешащие куда-то с озабоченным видом; по вечерам загоралось электричество... Только вместо полиции проезжали время от времени небольшие группы казаков да вдоль по набережной, около взорванных мостов, все дома стояли без стекол, лопнувших от силы взрыва. В душе смешивались и боролись два чувства: гордость, в сознании нашей, русской, победы, и столь же невольная досада, почти стыд за все, что было вокруг, за эту беспечную веселость населения и за эту дружественную любезность недавних врагов. То, что прежде было смутной догадкой, становилось несомненной истиной: Австрии как государства, как империи не существует. До сих пор выражение «лоскутная империя» употреблялось наполовину в шутку; теперь, после сдачи Перемышля, после примеров Ярослава и Львова, уже нельзя сомневаться, что за века своего существования «счастливая Австрия» все же не сумела и не смогла спаять в одно целое различные племена, населяющие ее территорию.

Варшава, 29-го марта

Мимоходом

Х. Порфирий Панасюк

Имя младшего унтер-офицера Порфирия Панасюка в короткое время стало известно всей читающей России. Рассказ о героической стойкости русского солдата и о диком варварстве немецких офицеров невольно наводит на память страницы Тита Ливия или Плутарха. И бытописателю войны трудно пройти мимо образа Панасюка, простого русского крестьянина, повторившего подвиг римлянина Муция Сцеволы — увы! — не перед благородными этрусками.

В прошлом Панасюка нет ничего примечательного. Он по происхождению — из малороссов, но его отец — переселенец, поселившийся в Тургайской области. Панасюку — 26 лет; в свое время он прибыл на воинскую повинность и на войну

¹ Галлицизм, *Выставка товаров, выставленный товар; витрина.*

был призван из запаса; всю службу провел в одном из полков, расположенных на нашем северо-западном фронте, *сначала* как строевой нижний чин, потом — как разведчик, наконец — как младший унтер-офицер. У Панасюка — простое русское лицо, но маленькие баки делают его похожим на австрийца; он невысокого роста, худощав, но мускулист и в физической ловкости поспорит с любым гимнастом.

В настоящее время Панасюк находится на излечении в Варшаве, в лазарете Петроградской Елизаветинской Общины, где его в приемные часы донимают посетители и почитатели. Без лишней застенчивости, Панасюк охотно отвечает на вопросы, но, разумеется, не склонен — да и вряд ли сумел бы — раскрывать перед каждым любопытным интимную сторону своей души. О себе рассказывает спокойно и просто, передавая только факты: «Он взял ножницы... Стал резать ухо... Больно было... но я стерпел... только рассердился очень.

Порешил: коли так, хоть голову отрежьте — ничего не скажу...» и т. д. [...]

Солдат Панасюк, ныне старший унтер-офицер и георгиевский кавалер, стал лицом историческим. Ему приходилось вместе с лаврами сносить и тернии славы: право наследователей разбирать его жизнь и расценивать его личность...

С самого начала войны Панасюка начали посылать в разведки, так как он был смышлен и ловок. Благодаря своей отваге и предприимчивости Панасюк всегда доставлял в штаб ценные сведения. На удачливого солдата обратили внимание, а сам он пристрастился к работе разведчика, дававшей простор его склонностям и способностям. Сначала Панасюк ходил на разведку в солдатской форме, с двумя-тремя товарищами. Потом ему стали доверять более сложные задачи. Тогда он окончательно вступил в кадр разведчиков, стал отправляться один и переодеваться в крестьянское платье.

Быстро Панасюк выучился польскому языку. Правда, как малороссу, ему это было легче, чем другим, но он достиг того, что говорит без русского акцента, совсем как польский крестьянин. Выучился немного Панасюк и по-немецки, так что может объясниться с немцами. Прекрасно освоился он с краем; на большом пространстве узнал все дороги и тропинки, словно местный уроженец; без карты совершал переходы в десятки верст. За несколько месяцев службы Панасюк побывал чуть ли не во всех городках и деревнях северо-западной Польши, углубляясь в занятые немцами, заходил и в Восточную Пруссию. Все это показывает в Панасюке человека недюжинного, с восприимчивым и острым умом.

В деле разведки наиболее трудными являются два момента: проникнуть в район расположения неприятеля и потом выбраться оттуда, вернуться к своим. Практика выработала целый ряд способов преодолевать эти трудности. Но Панасюк предпочитал изобретать свои приемы. С неистощимой изобретательностью он каждый раз по-новому обманывал бдительность немцев: то проходил в виде беженца, возвращающегося в свою деревню, то перебежал во время боя с солдатами в цепи, то проплывал по реке, и т. д., вплоть до хитростей, до сих пор составляющих его «секрет».

В пределах расположения неприятеля от разведчика требуется главным образом присутствие духа, хладнокровие. Некоторые рассказы Панасюка о пережитом им в его экспедициях полны захватывающего драматизма. Однажды солдат, стоявший

на страже, задержал Панасюка (с ним случалось это не раз) и потребовал ответа, кто он. Панасюк сказал, что он — крестьянин из соседней деревни. «Хорошо, мы в этом убедимся! — заявил немец и повел своего пленника в ту деревню. Казалось, что Панасюк погиб безнадежно, так как в деревне его не знал решительно никто. Однако, ничем не выдавая своего волнения, Панасюк пошел за немцем. Когда они уже подходили к деревне, Панасюк увидел у околицы старика и намеренно громко закричал по-польски:

— Чего вы меня зря тащите! Вон мой батька стоит. Эй, батька, вот меня немец схватил: не верит, что я — здешний, а у меня дело есть спешное.

Старик-поляк оказался сообразительным, вступился за Панасюка как бы за своего сына и стал ворчать на немцев, что они разорили-де всю деревню, а теперь и жителям не дают прохода. Вмешался немецкий офицер, бывший поблизости, сделал выговор солдату за то, что он без надобности возбуждает вражду в населении, и приказал Панасюка отпустить. Он был спасен, но исключительно благодаря своей догадливости и умению владеть собой.

В своем последнем приключении, которое едва не стало для него роковым, Панасюк также проявил все эти качества и в конце концов спасся только благодаря им. Обстоятельства, при которых он попал в плен и подвергся истязаниям, хорошо известны и по донесению штаба Верховного Главнокомандующего, и по рассказам самого Панасюка. В этих рассказах есть несколько черт, особенно характерных как для него, так и для немцев.

Когда Панасюк был арестован, немецкий лейтенант, допрашивающий его, начал с ним говорить *по-русски*, и притом крайне вежливо, обращаясь на «вы». Но Панасюк упорно настаивал, что он — поляк, крестьянин, и по-русски не понимает. Тогда лейтенант сказал:

— Вы напрасно притворяетесь. Нам только неизвестно еще, офицер вы или солдат; все остальное о вас мы прекрасно знаем.

И действительно, он перечислил большинство разведок, произведенных Панасюком. Отречься было бесполезно, и Панасюк решил молчать. Тогда-то стали его соблазнять деньгами, пытались подкупить. Надо добавить, что допрос происходил публично, на площади, в присутствии нескольких немецких офицеров и взвода солдат.

Когда не удалась попытка подкупа, лейтенант (совсем еще молодой человек) пришел в ярость и сначала только пригрозил пыткой. Потом, совершенно неожиданно, вынул из ящика с хирургическими инструментами ножницы с тупыми концами, подошел к Панасюку и одним взмахом отрезал ему кончик уха.

— Будешь говорить теперь?

При этом вся вежливость лейтенанта сразу пропала; он сделался груб и дик. Панасюк не ответил ничего. Лейтенант приказал пронести его вокруг площади, а когда его поставили на прежнее место, отрезал у него другой кусок уха... И так длилось *полтора часа*. Пленного то обводили вокруг площади, то опять ставили на допрос, и молоденький безусый лейтенант резал ему хирургическими ножницами ухо. Наконец лейтенант так озверел, что товарищи-офицеры стали его удерживать, что-то настойчиво говоря ему (Панасюк не смог разобрать что: «голова кружилась», — объ-

ясняет он), но безуспешно. А когда все ухо было отрезано и Панасюк был залит кровью, по его выражению, «как баран», лейтенант еще раз подошел к нему и кулаком несколько раз ударил по лицу так, что повредил хрящи носа и скулу.

После того Панасюка увели: один офицер-немец не выдержал и бросил ему сверток марли, которой он перевязал свое ухо. Солдаты же, глядя на него, смеялись, а лейтенант платком обтирал себе лоб: так он утомился, пытая. Панасюку дали отдохнуть с полчаса, и этого было достаточно, чтобы к нему вернулась энергия и сообразительность. Он решил бежать во что бы то ни стало, так как все равно ему грозила смерть от расстрела или на виселице: предпочтительнее было дать себя застрелить во время бегства.

Панасюка, по-видимому, хотели отправить в другой штаб. Сопровождать его должны были четыре солдата и офицер. Панасюк заметил, что солдаты примкнули к винтовкам штыки, а из немецких винтовок, как известно, с примкнутыми штыками стрелять нельзя. Панасюк учел это обстоятельство и на нем основал план побега. Проходили мимо какого-то забора; офицера позвали, и он отошел в сторону; двое из солдат поставили ружья. Оставалось только двое противников. Панасюк смелым ударом в грудь сшиб обоих на землю, перебросился через забор (в этом ему помогла его ловкость гимнаста) и побежал к лесу, видневшемуся вдалеке. Побег был столь неожиданен, что первые выстрелы вдогонку раздалась лишь тогда, когда Панасюк уже достигал опушки, перебежав поляну.

Дальнейшее для беглеца было сравнительно легко. Он прекрасно знал местность. Сначала укрылся в чаще, потом выбрался к реке. Здесь он связал из бревен маленький плот с таким расчетом, чтобы бревна, когда он ляжет на них, погрузились в воду. Таким образом, плот с человеком на нем представлял наименьшую цель для обстрела. Течением прибило плот к русскому берегу, и Панасюк еще раз был спасен...

Разбирая это сцепление происшествий, можно с уверенностью утверждать, что Панасюк погиб бы, если бы был менее подготовлен к своей деятельности, обладал меньшей твердостью и менее быстрой сообразительностью. Если бы он поддался немецким соблазнам или не выдержал пытки, весьма вероятно, что немцы, выслушав его сообщение, немедленно после того расстреляли бы его. Также, не обрати Панасюк внимания на то, что солдаты примкнули штыки, он не мог бы рассчитать условия своего бегства. Наконец, только хорошее знакомство с краем позволило ему спрятаться от погони и добраться до наших передовых позиций. Не одни только счастливые случайности и не одна только слепая храбрость содействовали Панасюку: хохол-солдат выбрался из рокового положения благодаря сметливости и изворотливости своего ума.

Работа военных разведчиков требует такого же напряжения сил интеллектуальных, как силы физической и силы воли. У солдата в строю есть успокаивающее сознание, что за него все обдумано начальством и что кругом тысячи товарищей несут одинаковый жребий: остается, чтобы исполнить свой долг, честно повиноваться команде и не жалеть своей жизни... Разведчику приходится полагаться только на свои собственные силы, действовать по своему собственному почину, постоянно изменяя планы сообразно с обстоятельствами. Как герой из романов Фенимора Ку-

пера, какой-нибудь «Соколиный Глаз» или «Следопыт», разведчик должен ползком пробираться в зарослях, вплавь переправляться через реки, прятаться в болотах; но так же, как те любимцы нашей юности, разведчик должен быть «хитрым, как змея, и расчетливым, как пантера». Только гибкость и острота мысли — свойства, которые могут быть развиты образованием, но, по существу, от него не зависят, — создают хорошего военного разведчика.

Все, что мы знаем о Панасюке, — повторяю: простом русском крестьянине, — доказывает, что он этими свойствами обладает. Он не умеет рассуждать сообразно со всеми законами логики, но его мысль всегда безошибочно указывает ему кратчайшие и вернейшие пути для достижения намеченной цели. Поэтому мы вправе думать, что там, на площади, перед озверелым лейтенантом и немецкими офицерами, он осознавал свое положение. Он не только сумел претерпеть боль истязаний, но и защищал своим поведением достоинство русского в среде немцев, обнаруживших перед ним под налетом культурности все свое варварство.

Варшава, 3-го апреля

Этюды с натуры **III. В штабном городке**

Стоя у автомобиля, мы — я и художник С. Сварог, — обсуждаем свое положение. Мы только что приехали в Г., маленький городок, верстах в [...]-ти от фронта, чтобы получить в штабе -ой армии, расположенном здесь, нужное нам разрешение. Зная, что его нельзя будет получить раньше как на следующий день утром, мы намеревались переночевать в Г. Но единственная в городе гостиница переполнена, а в частных домах, куда мы обращались, нам отказали в гостеприимстве.

— Вам надо поехать на этап, там для вас отыщут комнату, — советует нам случайный прохожий, прислушавшись к нашему разговору.

Совет нам кажется дельным. В городах, находящихся в районе военных действий, этап — чуть ли не ось всей местной жизни. Въехав в любое селение, где стоят войска, первое, что видишь, это на заборах и на стенах — крупными буквами отпечатанное объявление «Дорога на этап» с указательным перстом вниз, определяющим направление. К этапному коменданту местные жители обращаются со всеми своими нуждами: с жалобами, просьбами, запросами. И, конечно, мы, приезжие, лучшее, что можем сделать, — это идти «на этап».

Руководствуясь указаниями перста, мы без труда добираемся до двухэтажного каменного дома, где помещается этап. Приемная наполнена солдатами и обывателями; здесь и крестьяне окрестных деревень, и дамы в варшавских шляпках, и солидные помещики, которым нужно разрешение на проезд в свое имение, и простые рабочие, занятые на постройке укреплений вокруг города. Комендант принимает в нас участие, и наши затруднения разрешаются в несколько минут. Вызвав солдата, ведению которого поручены свободные помещения в городе, «квартирмейстера», как его называют в шутку, комендант приказывает немедленно «устроить» нас. Солдат пытается было заметить, что «вольных» комнат нет, но, получив суровое замеча-

ние, спешит ответить по-военному: «Слушаю-с, ваше высококорodie...» Через минуту мы идем за «квартирмейстером», который ведет нас через весь город, т. е. по 3–4-м улицам, видимо соображая дорогой, куда нас поместить.

В мирное время Г. считается «климатической станцией». Сюда приезжают отдыхать на лето. Постоянные зимние дома сосредоточены только у станции железной дороги да по одной, «главной» улице. Дальше идут ряды дач, окруженных садами, и вилл с пышными названиями: «Villa Zofja», «Mon Repos», «Belle vue» и т. п. Но теперь все это занято армией. На дворе роскошной виллы, целого маленького дворца — стоянка военных автомобилей; в милом садике поставлены казацкие лошади; на калитках дач висят объявления «Хозяйственное управление», «Полевая почта», такая-то дивизия, такой-то батальон и т. д. На улицах — только военные: офицеры, солдаты, казаки, обозные...

Наш вожатый с видом человека решившегося останавливается наконец у каких-то ворот, входит во двор, подводит нас в глубине его к деревянному флигельку, отворяет незапертую входную дверь. Мы входим следом и оказываемся в обширной комнате — столовой в бывшей квартире какого-то ксендза. Комната когда-то была обставлена с тщанием. По стенам — картины на религиозные темы: Мадонны, евангельские сцены, распятия, «Vera effigies»*; иные в рамках из искусственных цветов домашней работы. Вдоль стен — прочная массивная мебель: много сундуков, укладок, буфетов, шкафов, запертых на ключ, но, видимо, набитых всяким добром. Посредине — огромный «семейный» стол... Но всюду — следы новых жильцов: окурки на полу, брошенные объедки на столе, невыметенный сор в углах. Солдат объясняет, что сам ксендз «пропал без вести»: может быть, его увели немцы, когда в октябре занимали Г.; оставшаяся племянница переселилась в пристройку к флигельку, а в квартире живут сейчас три офицера.

Выбирать нам не из чего, и мы начинаем устраиваться в бывшем жилище ксендза. «Квартирмейстер» выволакивает откуда-то две кровати с тощими сениками, но, разумеется, без подушек и белья. Мы же распаковываем свои вещи и садимся трапезовать за «семейный» стол ксендза. Увы! — один из буфетов не был заперт, и временные постояльцы считали своим правом пользоваться тарелками и стаканами исчезнувшего хозяина. Мы следуем тому же примеру, думая, как изумился бы ксендз, узнав, для кого он приобретал свой фаянс и хрусталь... На прощанье «квартирмейстер» достает нам кипятку, и мы должны признать, что нам не остается желать ничего большего.

Тем временем возвращаются офицеры, живущие на этой квартире. Мы спешим успокоить их понятное беспокойство сообщением, что лишим их второй комнаты лишь на одну ночь. Мы вместе пьем чай и меняемся впечатлениями. Офицерам мы рассказываем о Перемышле, где оба были недавно, а они описывают нам жизнь в Г. В городе теперь все свелось к штабу, все движется вокруг штаба. Местные кокетки знают всех штабных по именам; отъезд кого-нибудь из них или прибытие нового офицера составляют событие [...]. Постоянная тема разговоров, конечно, военные действия да еще немецкие аэропланы, которые нет-нет да и наведуются в Г. Но сейчас, в дни затишья на театре войны, офицеры жалуются на однообразие жизни. Единственные

* Истинный образ (лат.)

развлечения в городе: для офицеров — бильярды в одном из двух городских кафе, для солдат — кинематографы, которых в городе также два. И единодушно наши собеседники заканчивают свои рассказы восклицанием: «Эх, лучше бы на фронт!»

Напившись чаю, мы идем в штаб. Он занимает здание бывшего санатория. Красивый вход, выбеленные коридоры, ряд уютных комнат за номерами, обширный общий «салон», библиотека — все удобно, чисто. Сюда, в тихий приют, приезжали лечить утомленное тело и расстроенные нервы. Теперь же здесь ключом бьет жизнь: поминутно появляются вестовые, то и дело звонит телефон, на крыше установлены новые телеграфные провода... Недолго выдержали бы эту напряженную шумную жизнь, полную энергичной деятельности, прежние обычные жильцы санатория, мучимые бессонницей неврастеники и капризные истерички, привозившие сюда свою томную лень и заполнявшие здесь пустые часы случайным флиртом...

Выйдя из штаба, идем погулять по городу. Странно думать, что месяца четыре назад немцы считали его своим. На этих улицах звучала немецкая речь, в этих цукернях прусские юнкера требовали себе пива, эти магазины посильно обслуживали германскую армию... Ни малейшего следа от той поры не осталось, и всё вокруг — типично польское. Заходим в кафе. Маленькая передняя комната битком набита офицерами, коротающими вечер за чашками кофе; другие, в глубине, окружили игроков на бильярде. На буфетной стойке — ломтики польской «бабки», неизбежные «ciastka» (пирожное) и другие местные лакомства; со стены крупные буквы гласят: «flaki» (рубцы) и «bigos» (род солянки). Прислуживающий мальчик старается говорить по-русски, но, кажется, не понимает ни слова из того, что ему толкуют, и спасается одним и тем же ответом на все: «W tej chwili» (сию минуту). Полная, но миловидная полька за стойкой благосклонно улыбается постоянным посетителям, которым негде в другом месте скучать по вечерам...

К 11-ти часам пора уходить: жизнь в городке замирает. На улицах — полная темнота: из предосторожности, в виду возможного появления неприятельских аэропланов, огней нигде не зажигают. Из двух электротeatров иногда вырываются маленькие лучи света, но лишь на мгновение: приоткроется дверь, брызнет свет, вырвется на волю хрип механического пианино — и снова темь и тишь. Окна в домах завешены темным, и даже стекла кофеен не светятся... Кое-где, как блуждающие огоньки, видны прохожие, освещающие себе путь карманными электрическими фонариками: разумная предосторожность, потому что мы, пробираясь домой без них, ежеминутно попадаем ногой в грязь или в лужу... По счастью, дорога до квартиры ксендза недолга.

Ложимся на тощие сенники, положив под головы пальто, и в дремоте думаем о тех чудесных метаморфозах, которые создала здесь война: о скромных провинциалках, которые, может быть, в этот самый час мечтают о блестящих петроградских офицерах; об этой столовой набожного ксендза, развесившего по стенам лики Мадонн, где сегодня суждено спать мне и моему спутнику; о санатории, ставшем штабом армии; об изящных виллах, занятых кавалерийскими и автомобильными парками; обо всем этом тихом и мирном Г., превращенном в военный лагерь.

8 апреля, Варшава

Этюды с натуры IV. Солдаты на отдыхе

— Благодарю вас, господа, за ваше внимание к солдатам. Попрошу передать нашу благодарность учреждению, приславшему подарки. Мы высоко ценим связь армии с обществом.

Это говорил нам, — мне и художнику С., — командир корпуса, боевой генерал, седой старик с умными, пронизательными глазами. Штаб корпуса расположен в старинном помещичьем доме, стоящем уединенно; ближайшая позиция — в нескольких [...] от штаба и мы просим позволения посетить их для раздачи солдатам порученных нам подарков. Генерал затрудняется исполнить нашу просьбу.

— Позиции, господа, постоянно обстреливаются. Хотя боевых столкновений нет, но немцы стреляют по нашим окопам и днем и ночью, особенно же вечером (разговор происходит именно вечером). Пуля не разбирает, и я не могу принять на себя ответственность за вас. Кроме того, до позиций [...]. Видите, какая погода (накрапывает дождь); вы устали, легко можете простудиться.

В конце концов, командир нам предлагает оставить подарки в штабе, обещая на другой же день распределить их между солдатами. Нас это не удовлетворяет: в таком случае проще было бы прислать подарки по почте; если мы приехали лично, то потому только, что надеялись лично и раздать подарки. После некоторого колебания, генерал делает нам уступку: предлагает раздать подарки [...] находящемуся в резерве на отдыхе. Мы благодарим, и аудиенция кончается.

Один из штабных офицеров, который с самого нашего прибытия выказывал нам величайшую предупредительность и на минуту не покидал нас, спешит организовать нашу поездку. По телефону он сносится со штабом полка, вызывает оттуда лошадей — пролетку для нас и двуколку для подарков, распоряжается, чтобы нам оставили ужин, и сообщает нам, что утром, рано, будет готов экипаж, чтобы доставить нас на станцию, к первому поезду. Все делается так спешно, что менее чем через час мы уже катимся в начинающихся сумерках по размытой дождями дороге — к позициям «отдыхающего» полка.

Еще через час мы — в штабе полка, тоже в какой-то старой усадьбе. И здесь нас встречают с неизменным, можно сказать, «штабным» радушием. Командир полка, вояка, «испытанный боями» полковник угощает нас чаем, занимает беседой, долго говорит нам о бодром настроении солдат, которые все «рвутся в бой», наконец, просит позволения снять с нас, как с гостей, фотографии. Быстро появляется фотографический аппарат, вспыхивает магний, потом то же повторяется еще раз, полковник благодарит нас и еще раз повторяет:

— Вы сами увидите. Что за бодрое настроение в армии! Солдаты обстрелялись, это — самое важное в нашем деле. За свой полк я спокоен: с места не сдвинется, если прикажут стоять. Впрочем, и все другие — тоже.

А прикажут идти, ничто их не остановит.

Мы, в свою очередь, благодарим за гостеприимство. Уже совершенно темно, когда мы въезжаем на позицию, к землянкам, в которых временно расквартированы солдаты. Два офицера любезно вызываются сопровождать нас. Наш экипаж

без труда катится по глубоким колеям, офицеры же верхом идут слева и справа от нас...

Вот вдалеке замерцали огни. В широкой котловине, расположенной около дороги, возведено несколько сотен землянок: маленький земляной город. В каждой землянке из досок сооружены скамьи, служащие кроватями, пристроен стол, размещена солдатская амуниция; в иных землянках — на стене лубочные картинки, как «Подвиг казака Крючкова», портреты и т. п. В стороне, отдельно, длинные столы, т. е. доски, утвержденные на вколоченных в землю столбах: это — общая «столовая». Но все это нам еле видно в темноте, да и нет времени осматривать жилье солдат, так как они заранее уже выстроены поротно в ожидании нас...

Начинается самый процесс официальной раздачи подарков. Слышна команда: «Первая рота! Налево кругом марш!» и слова, добавленные иным, простым голосом: «Подходи по одному и бери по одному подарку». Мы с С. при слабом свете фонаря достаем кисеты, в которые уложены папиросы и разные мелкие вещи, пригодные в солдатском быту. Перед нами из тьмы вырастают солдатские фигуры и как-то нерешительно, стыдливо протягивают руки. Мы подаем подарок, слышим: «Покорнейше благодарю», и уже другой солдат стоит на месте первого. «Не задерживайся, проходи: следующий», — слышится голос.

Только на несколько мгновений мне удастся отлучиться от двуколки. Тогда я вижу группы солдат, разбирающих «доставшиеся» им вещи, с веселыми шутками обсуждающих их сравнительную ценность, смеющихся, живых...

— Отдыхаете, братцы? — спрашиваю я.

— Так точно, ваше благородие, в резерве мы.

— А потом опять в дело?

— Как же иначе, ваше благородие? На то мы и солдаты. В землянках лежать всегда можно. Надо же войну к концу привести.

— Да ведь и отдохнуть надо.

— Тоже, ваше благородие, скучно на отдыхе. Пока в работе — ничего.

Возвращаюсь на свое место; опять передо мной одна за другой вырастают из мрака солдатские фигуры; одним и тем же движением протягивается рука, я подаю наполненный кисет, слышу: «Покорнейше благодарим». Офицер поочередно командует: «Вторая рота, проходи!», потом: «Третья, четвертая!»

Подарки розданы. Сверх счета осталось два лишних кисета. Откуда-то является маленький солдатик, с виду — юноша, просит офицера: «Ваше благородие, дозвоьте и мне получить подарок!» Я не слышу объяснения, кто это, но с разрешения офицера отдаю ему кисет. Последний достается солдату-кучеру, правившему двуколкой...

Офицеры благодарят нас от имени полка, усаживают в экипаж; желают счастливого пути, кричат кучеру: «Пошел!» Земляной городок — весь в огнях: солдаты при мигающем свете фонарей разбирают полученные в подарок вещи. Там, кроме табака, иголок, ниток и других полезных вещей, есть записные книжки, полевые календари, юмористические «открытки», головоломки, конфеты... Жаль, что не удастся узнать, как отнеслись ко всему этому солдаты.

— Надо торопиться, — прерывает мои раздумья мой спутник, — а то спать не придется вовсе. В штабе распорядились, чтобы лошадей нам подали к первому поезду, а это значит, часов в 5 утра.

Литература в Перемышле

На столе передо мной — груда книг, брошюр и газет, собранных мною в Перемышле. Здесь — комплект «Военных ведомостей» крепости («Kriegesnachrichten») по 22 марта, т. е. по день сдачи; комплект выходившей в городе газеты «Ziemia Przemyska» с 4 октября 1914 г. по 31 января 1915 г., т. е. по день, когда издание было закрыто комендантом; польский «Памятный календарь» осады на 1915 г. («Kalendarz pamiatkowy»); другой маленький немецкий «Taschen Kalender» на 1915 г., также изданный «Zum Andenken an die Belagerung der Stadt Przemysl» («На память об осаде города Перемышля»); два тома «Перемышльского ежегодника» («Rocznik Przemyski»), альманаха, издававшегося местным «Обществом любителей наук» (Towarzystwo Przyjaciół Nauk) на 1909–1911 и 1912 гг. (больше не выходило); наконец, ряд книжек местного русинского издательства «Народной библиотеки» (Видавництво библиотеки народної для науки). Иные из этих изданий уже обратили на себя внимание нашей печати; другие, сколько мне известно, остались пока незамеченными. Как ни случаен подбор этих книжек, они все же позволяют сделать несколько выводов. С одной стороны, они приоткрывают завесу над жизнью в Перемышле в дни осады. С другой — они вообще знакомят с положением дел в нем, с взаимным отношением разных народностей в этом разноплеменном городе, которому, надо надеяться, суждено стать в будущем одним из лучших украшений наших новых галицийских губерний...

О жизни во время осады полнее всего говорят, конечно, газеты. Официальным органом в Перемышле были «Военные ведомости». Эта газета выходила ежедневно в трех изданиях: немецком («Kriegesnachrichten»), польском («Wiadomosci Wojenne») и венгерском («Tabori Ujsac») — «с разрешения крепостного начальства», но издателем и редактором подписывался некто М.Г. Розенфельд. В газете помещались передовые статьи, телеграммы (в дни осады «радиограммы»), местная хроника (очень скудная), а также стихи на всех трех языках. Об общемировых событиях газета сообщала довольно подробно, хотя, конечно, в определенном освещении. Мы находим в ней радиограммы из Вены, Берлина, Лондона, с радиостанции Норддейк и т. п. Некоторые известия слово в слово повторяют то, что мы своевременно читали в наших русских газетах (например, о гибели крейсера «Дрезден»). Напротив, о ходе осады, о событиях под крепостью и в крепости и о происшествиях в городе «Военные ведомости» говорят очень мало, большей частью как-то глухо, неопределенно, предпочитая пересказывать суждения, появившиеся в дружественной европейской прессе.

Впрочем, во время первой осады редакция еще пыталась утешать читателей уверениями, что «русское наступление сломлено», «движение русских в Галиции остановлено», «русские окончательно разбиты». Но с 5 ноября после краткого сообще-

ния «Перемышль снова окружен» всякие известия о военных операциях в Галиции исчезают. Трудно было говорить против очевидности: читатели каждое утро могли собственными глазами убедиться в том, что наши позиции остаются на своих местах и что блокада города не ослабевает. Оставалось печатать известия о мнимых победах германского (и турецкого) оружия на других фронтах, что «Ведомости» и делали в изобилии, причем в основе этих известий всегда лежал какой-нибудь действительный факт, измененный, однако, до полной неузнаваемости: черта, характерная для психологии лжи.

В последнем, 154-м номере, который печатался, когда сдача была уже решена и шли приготовления к ней, помещена телеграмма Франца Иосифа генералу Кусманеку от 20 марта в ответ на сообщение о последней неудачной вылазке. Текст телеграммы, сколько помнится, уже был оглашен в русской печати.

К телеграмме добавлены следующие слова генерала Кусманека: «Солдаты! Нельзя найти большего признания вашего поведения и ваших деяний, нежели это. Покажите себя всегда того достойными!» Предпослано же телеграмме маленькое предисловие: в нем сообщается, что она получена в ответ на телеграмму коменданта, в которой он извещал императора о неудачной вылазке и заверял, что гарнизон будет «терпеть до конца» (*bis zum Ende ausharren wird*). В этом сказалась характерная для австрийцев любовь к пышным, но бессодержательным фразам. Как раньше редакторы «Ведомостей», хорошо осведомленные, конечно, о неудачах австрийской армии, печатали громкие заявления, будто «русское наступление окончательно сломлено», что «колосс на глиняных ногах шатается» и что «можно с полной безопасностью бодро смотреть на будущее», — так в *последний день обороны*, уже начав переговоры о сдаче, комендант не мог удержаться, чтобы не обратиться к солдатам с красивым призывом — «показать себя достойными похвалы императора» и не высказать уверенности, что они «будут терпеть до конца». Но, когда солдаты читали эти воззвания, у них, вероятно, уже было отобрано оружие, и фактически они уже были на положении пленных...

В пышных фразах с официальной газетой соперничала и частная, польская «Ziemia Przemyska» («Перемышльская земля»), издававшаяся также «с дозволения коменданта крепости» и выходившая «по мере накопления телеграмм» (обычно через день). «Земля» была закрыта 31 января 1915 г. будто бы за тайное «русофильство»: так, по крайней мере, уверяли, после сдачи, ее редактор (Ян Лазор) и владелец типографии, где издание печаталось (Загажевский). Надобно иметь необычайно острые глаза, чтобы усмотреть в газете «русофильство»; напротив, враждебного России в ней можно найти сколько угодно. Чуть ли не в каждом номере сообщается, что отступление русских обратилось в «дикое бегство», что «минут страшный сон» (русское наступление и осада), что взято то 80 тысяч, то 250 тысяч русских пленных¹ и т. п. Передовые статьи, извещая, что «москали бежали из-под города», напоминали, что жители Перемышля (разумелись исключительно поляки) — «частица вели-

¹ Любопытно, что в одном из номеров той же «Земли» приведены официальные данные о числе всех пленных — русских, французов и бельгийцев — в Германии и Австрии; этими официальными данными красноречиво опровергаются фантастические цифры отдельных сообщений.

кого народа», который должен оборонять свои исконные владения от посягательства чужеземцев, т. е. русских, и т. д. Все это мало похоже на сочувствие русским, но, разумеется, вполне понятно в газете осажденного города.

В «Перемышльской земле» живее, чем в «Военных ведомостях», отразилась жизнь города во время осады и смена настроений его населения. Снятие первой осады было встречено воинственными, торжествующими статьями. Этот бодрый тон еще сохраняется в начале ноября; в статьях «Перед вторым обложением» и «Вторичное обложение» газета самоуверенно заявляет, что крепость никогда не будет взята. Что есть, то есть, — рассуждает автор статьи, — наша крепость окружена, мы отрезаны от мира, но каким способом одолеет нас враг? [...] Голодом? Но запасов достаточно более чем на год. Может быть, подкопом? Но для этого нужно много условий, которых в данном случае нет. «Итак, нечего бояться!» — заключает статья. В излишнем самохвальстве газета добавляет, что «в дни первого обложения вся Европа с захваченным дыханием смотрела на *Перемышль как на ключ к целому краю, а может быть, и ко всей империи*». Теперь, когда этот ключ находится в наших руках, автор статьи, вероятно, взял бы охотно свои слова назад. В конце декабря и в январе самоуверенные статьи уже исчезают со столбцов газеты: она предпочитает заниматься успехами германской армии на севере и австрийской в Сербии, о чем через коменданта неизменно поступает телеграмма за телеграммой...

О внутренней жизни города говорят прежде всего сообщения о разных увеселениях. Мы узнаем из газеты, что по воскресеньям в Перемышле на рыночной площади играла военная музыка; узнаем о благотворительных концертах и спектаклях «Театра любителей». «Земля» помещает обширные рецензии о представлении, разбирает пьесу и игру артистов. Рядом печатаются отчеты о доходах от этих постановок: так, например, концерт 14 (27) декабря дал чистого дохода 3047 крон; два спектакля: один — 900 крон, другой — 957 крон и т. д. Ясно, что наличные деньги в Перемышле были, и утверждающие, что осажденный город перешел «к системе натурального хозяйства», к непосредственному обмену товарами, преувеличивают. О том же говорят печатавшиеся в газете списки пожертвований в пользу солдат, их семей, бедных и др. Есть в газете извещения о новых книгах, изданных во время осады, и разбор их; есть частные объявления, в которых предлагаются, например, разные вещи «по случаю». В тексте помещаются стихи и исторические исследования. Обращала редакция внимание и на внешность газеты; в иных номерах помещены рисунки, в других — «художественные» заставки; один номер, в памятный для поляков день 29 ноября, отпечатан в две краски. Газета находила место даже для шуток, помещая юмористические сценки и высмеивая в «почтовом ящике» местных поэтов, присылавших в редакцию груды стихов... Короче говоря, газета делала вид, что, несмотря на осаду, вся жизнь в городе идет своим обычным порядком...

В нарочито бодром тоне выдержаны и календари, изданные в Перемышле в память осады. Польский календарь интересен тем, что содержит в себе хронологический перечень событий под стенами Перемышля во время первой осады. Немецкий — своим предисловием, написанным в духе полного пренебрежения к неприятелю. «5 ноября, — сказано там, например, — началась вторая осада, которая на

жителей города уже не могла произвести никакого впечатления». Это предисловие уверяет также, что «теперь (оно помечено 21 декабря), после двух месяцев обложения, торговля и образ жизни в городе потерпели лишь очень малый ущерб; открытые магазины, работающие фабрики и мастерские, воскресная музыка на площади — вот характерные признаки нашего осажденного города». Кончается предисловие уверением, что ряды врагов уже колеблются, и недалек миг, когда из всех уст вырвется крик: «Победа!»

Что, несомненно, заслуживает сочувствия в литературе Перемышля, это — ее любовь к родной старине. В «Перемышльской земле» напечатан целый ряд статей, посвященный *так!* прошлому города: «Крепость Перемышль во времена Речи Посполитой» (со снимками со старинных гравюр), «Осада Перемышля Болеславом Смелым», «*Villae sanonicae* в Перемышле» и др. Всецело родной старине, истории и археологии Галиции посвящены «Ежегодники» Общества любителей наук в Перемышле. Два вышедших тома прекрасно напечатаны (в местной типографии), украшены снимками со старинных вещей и портретов, облечены в стильную, многокрасочную обложку. Среди статей, прямо относящихся к Перемышлю, любопытны описания двух городских музеев. Первый — диоцезиальный музей церковного искусства, где, как оказывается, собрано много замечательных произведений XVI–XVIII вв.: ткани, парча, облачения, вышивки, иконы, церковная утварь и т. д. Второй — музей местной старины, организованный Обществом любителей наук; подробный каталог этого музея, помещенный в «Ежегоднике», перечисляет: масляные картины, акварели, литографии, гравюры, миниатюры, резьбу по дереву, фарфор, керамику, монеты, медали, рукописи и многое другое, а также книги, образующие научно-историческую библиотеку. Есть в «Ежегодниках» и другие интересные статьи, например о польском восстании 1655–1657 гг.

В общем, немецкие и польские издания, вышедшие в Перемышле, показывают высокий культурный уровень читателей, к которым они обращены.

До сих пор господствующий класс в Галиции вообще и в Перемышле в частности состоял из немцев и поляков. Они были сильны многовековой культурой своих наций, что отразилось в таких изданиях, как «Ежегодник», в создании исторических музеев и т. п. Русское движение в Галицию немцы и австрийские поляки встретили с крайней враждебностью и сначала с высокомерным презрением: это видно из статей обеих газет, выходивших в Перемышле. Поляки при этом предъявляли свои права на Галицию как на исконно польский край. Однако в Галиции поляки составляют исключительно городское население. Истинные автохтоны края суть те галичане или русины, говор которых столь близок к нашей великорусской речи, что мы можем свободно читать русинские книги и объясняться с русинами без помощи переводчика. Жители сел и деревень, русины доньше остаются на весьма низкой степени развития; даже простая грамотность недостаточно распространена среди них. Надо надеяться, что край становится теперь частью великой славянской империи не затем, чтобы родственные нам по языку русины продолжали коснеть в прежней темноте и прежнем невежестве. Культурное развитие русин, внесение в их среду образованности, распространение среди них знаний, возрождение их самобытности — все то,

что было ненавистно господствовавшему в крае германизму, — должно стать первой очередной задачей России в ее новых, прикарпатских владениях.

10 апреля, Варшава

Возрождение старины (От нашего корреспондента)

Одно из причудливейших явлений современной войны — это сочетание в ней новейших приемов, подсказанных техникой последних дней, с приемами далекого прошлого, казалось бы навсегда отошедшими в область истории. С одной стороны, современные армии вооружены средствами борьбы, которых не видела еще никакая другая эпоха. Бетонные стены громятся 42-хсантиметровыми орудиями; дальнобойные пушки поражают чуть не за 40 верст (бомбардировка Дюнкерка); против всех законов войны, употребляются бомбы с удушливыми газами, и пары брома заменяют «устаревший» порох; приказания командующих разносятся по беспроволочному, «искрозному», телеграфу и по телефону на земле носятся блиндированные автомобили, — целые передвижные крепости; в море ныряют минные подводные лодки; в воздухе реют аэропланы, дирижабли, цеппелины, и т. д., и т. д. А с другой стороны, другие явления возвращают нас назад, и на 60 лет, к Севастопольской кампании, и на столетие, ко дням Наполеона I, и к эпохе рыцарства, и к приемам войн античного мира, и чуть ли не к доисторической древности...

Что такое наши окопы и земляные укрепления, как не возвращение к старине? Земляные укрепления — валы, рвы, траншеи — гораздо древнее каменных стен. Старые городища славянских племен не были ли ограждены земляным валом с деревянными подпорами, совсем как современные окопы с их блиндажами из досок и бревен? Римляне не окапывались ли каждый раз, как становились лагерем? Вновь устраиваемые рвы с водой и проволочными заграждениями довершают сходство с примитивными способами вести войну: если не проволокой, то колючими заборами из железа бывали окружены рыцарские замки. А в лесах современные войска роют такие же «волчьи ямы» и устраняют такие же «засеки» из срубленных и наваленных одно на другое деревьев, как дикие краснокожие в американских дебрях в годы ожесточенной борьбы индейцев с европейскими пионерами.

Такой же стариной веет от так называемой «минной войны». Противники ведут подкоп друг против друга, стараются подрываться под неприятельские укрепления. Вспоминается Казань, под которую вел подкоп «немецкий розысл»; вспоминаются взятые подкопом Вейи. На западном фронте целые полки взлетали на воздух, потому что удавалось подвести мину под их расположение. Крепости оказываются неприступными благодаря тому, что подступы к ним искусно минированы. А между тем именно эти приемы — подведение мин — встречаем мы у хронографов, на заре новой истории, вскоре после изобретения (или, точнее, — введения в употребление) пороха...

Оживают оружия, сданные в архив, ставшие было достоянием музеев. Немецкие летчики мечут стрелы, и стрелы эти оказываются опаснее бомб. Вновь в употреблении ручные гранаты, забытые со дней Севастополя. Когда неприятельские окопы сходятся близко, для метания гранат употребляют род античных баллист и катапульт (ибо из пушек и мортир нельзя стрелять по слишком близкой цели). Немцы пользуются еще особыми стрелами с горючим материалом на конце, которые зажигают здания и воспаляют одежду на том, в кого попадают: возобновленный «греческий огонь». Какая смесь эпох! Слово у всех веков и у всех народов взято вновь все, что только они изобрели для истребления себе подобных!

И в средствах личной, индивидуальной обороны люди возвращаются к старине. Газеты пестрят объявлениями о «вновь изобретенных» панцирях, не пробиваемых ни пулей, ни осколками шрапнели. Пожалуй, будущее вновь увидит войска, закованные в латы, немецкие каски, способные противостоять удару тесака или сабли, — уже почти шлемы. При стрельбе из окопов применяются особые стальные прикрития бойниц — щиты. Под прикрытием передвижных щитов немцы подкатывают свои орудия именно так, как воины Цезаря подкатывали к крепостям тараны. Уже были в ходу и ручные щиты, в защиту от казацких пик, этих копий современности. В бельгийской военной газете я читал, что немцы прикрывались щитами и при появлении вражеского аэроплана, образуя что-то вроде древнеримской «черепahi». Только вряд ли щиты могли защитить от бомб, бросаемых со стальных щитов!

В самом развитии военных действий также есть много такого, что напоминает давно прошедшие дни. От современных разведчиков требуется ловкость и хитрость прежних «охотников за скальпами» или «лесных бродяг». Иные военные хитрости приводят на память не что другое, как троянского коня: разве не одинаково проста уловка, примененная при десанте на Галлипольском полуострове, где для отвлечения внимания турок были выгружены на берег деревянные, поддельные пушки? И, однако, хитрость удалась. Между частями неприятельских армий, занимающих два близких один от другого окопа, нередко возникают почти товарищеские отношения; враги переговариваются друг с другом, пересылают друг другу письма, устанавливают в сутках часы перемирия, когда, по обоюдному согласию, не стреляют одни в других... Совсем как рыцари и вожди мусульман в «Освобожденном Иерусалиме» Тассо или как герои Гомера на полях под стенами Илиона!

Самая громадность современных армий убивает сама себя: сокращает размеры операций. Фронты сражений оказываются так велики, что уже нет человеческой возможности обозреть их одним взглядом, управлять ими одному человеку, хотя бы при помощи курьеров в автомобилях и на аэропланах, телефона и беспроволочного телеграфа. Наполеон еще мог обозреть все поле Бородинского боя, еще мог сам руководить всем ходом сражения. В Великой Галицийской битве, например, это уже было невозможно. Современное сражение разделяет на ряд маленьких, обособленных битв, и мы возвращаемся чуть ли не ко временам Тридцатилетней войны, когда сражением был бой за деревню или отдельный холм...

Прибавим к этому, что современная война потревожила воспоминания далекого прошлого и по тем областям, куда она проникла. Недавно еще французы сражались с турками на месте древней Трои. Вновь Скамандр (ныне Мендерес-гай) был завален трупами, и можно было вспомнить стихи Вергилия о том, как Симонс (ныне Дюрек-су)

Шлемы мужей и щиты, и тела
героев уносит.

В глубине Азии война коснулась древних народов, о которых упоминает еще Библия, и турки своим походом на верблюдах к Суэцкому каналу хотели воскресить нашествие ассирийских царей и времена Камбиза! Да, много старого оживает в новом, и в дни великих потрясений, как то, которое мы переживаем ныне, невольно чувствуешь, как близка к современности седая древность.

23 апреля. Варшава

Страна драконов и василисков

В Средние века, когда средства сообщения были примитивны, а географические познания — скудны, в ходу были фантастические легенды о землях отдаленных, и даже не очень отдаленных, вроде рассказов о стране драконов и василисков, которые пожирают все живое, что попадает к ним, а иногда поедают и друг друга без остатка, так что остаются только яйца, из которых потом вылупливается новое поколение. Почти такие же легенды слагаются в наши дни у нас, по крайней мере здесь, в Польше, о местностях, нам недоступных: о Германии, Австрии, Бельгии и о тех областях, которые временно заняты неприятелем. Мало достоверных известий доходит до нас из германского мира: тщательно цензурированные сообщения немецких телеграфных агентств ничего не говорят о внутренней жизни в Германии и оккупированных ею местностях; разведчики и летчики не могут проникать глубоко, к тому же следят за действиями армий, а наблюдатель на аэроплане вдобавок все видит лишь «с птичьего полета», в общих чертах; больше всего могут рассказать беглецы — из плена и из занятых областей, — но таких беглецов все же единицы. Эта неизвестность и порождает легенды; вымысел и домысел, как то бывало во все времена, заменяют отсутствие точных знаний.

В Варшаве даже в кругах интеллигентного общества приходится слышать хотя бы о Германии рассказы, будто бы почерпнутые из достовернейшего источника, но ушедшие недалеко от сказаний старых хронографов о странах, где живут люди по одной ноге, которой они, «коли солнце печет, прикрываются как лавой». Особая психология военного времени (она будет когда-нибудь изучена) возбуждает доверие к сказкам, которые в другое время не вызвали бы ничего, кроме смеха. Так много свершилось чудесного, чему мы все были сами свидетелями, что сейчас люди способны верить даже несообразному: установившиеся нормы «возможного» и «невозможного» опрокинуты, и многие — чуть ли не большинство — потеряли критерий, что вероятно и что за гранью.

Широкое распространение, например, получил в Варшаве рассказ об особенностях берлинской жизни за последние месяцы. Уверяют, что в Берлине запрещено

выходить на улицу во все часы дня. Служащие обязаны отправляться к месту своего служения ранним утром, а затем от восхода солнца и до захода все берлинцы сидят взаперти, отпустив шторы на окнах, и покидают свой дом лишь в случаях последней, крайней необходимости. Зато когда наступают сумерки и город слабо освещается фонарями, зажигаемыми через 3 или 4, — все устремляются в кафе, в рестораны, в театры, в разные увеселительные места, и начинается безумная оргия ночной жизни. Ночью каждый старается вознаградить себя за дневное воздержание; все пьют, мотают деньги, опьяняют себя патриотическими песнями, которые поются в каждом кафе. Но улицы продолжают оставаться пустыми: посетители проходят по ним поспешно, и только в закрытых помещениях царит небывалый разгул.

Этот рассказ мне довелось слышать *не раз*, притом от разных лиц, знакомых между собой. В подтверждение рассказывающие ссылались на самые разнообразные источники, вплоть до немецких газет, в которых будто бы есть на все это намеки. Газеты с такими намеками я не видел, но в одном доме мне показали письмо, пришедшее из Берлина окольным путем, через Копенгаген; к моему удивлению, в письме действительно содержались намеки на что-то подобное дневному сидению взаперти. Автор письма хотя и надеялся, что его письмо избегнет военной цензуры, и хотя написал его (как мне объяснили) измененным почерком и подписал одной буквой, все же выражался весьма осторожно. «Мы не выходим днем, — пишет он, — но по ночам мы веселимся...» И в другом месте: «Если бы вы знали, как поразительна теперь жизнь в Берлине! Похоже на сказку из 1001 ночи! По-видимому, какая-то доля правды скрывается в фантастических рассказах о Берлине, но я не берусь выделить это зерно истины из радужной шелухи легенды.

Распространено также убеждение, что немцы насильственно вербуют солдат в оккупированных пограничных местностях. Рассказывающие опять-таки ссылаются на разные документы, говорят о письме от одного поляка-крестьянина из Калишской губернии, который будто бы в наказание за какой-то проступок был насильственно зачислен в солдаты и отправлен на бельгийский фронт... В голландских газетах («Het Vaderland» от 23 янв<аря> 1915 г., «Telegraaf» и др.) сообщают об аналогичном проекте немцев относительно бельгийцев. Немцы будто бы толкуют постановление женеvской конвенции в том смысле, что воспрещается принуждать жителей оккупированных областей участвовать в военных действиях *против их родины*, но нет запрещения принуждать их к участию в войне против другой страны. Поэтому немцы намеренно отправляют бельгийцев, годных к военной службе в наказание за преступление против германских властей, на свой восточный фронт, т. е. против русских... Таким образом, голландские газеты подтверждают польские рассказы.

В массах народа слухи и легенды вырастают до размеров фантастических. Польские крестьяне шепотом рассказывают друг другу, что немцы превратили всю полосу земли, прилегающую к бывшей границе, в одну сплошную «адскую машину». Башни костелов будто бы унижены пулеметами, как еж — иглами; ограды колючей проволоки тянутся непрерывно, в несколько рядов, на десятки миль; все дороги и даже тропинки минированы; везде — замаскированные волчьи ямы, западни, самостреляющее оружие и т. п. Получился какой-то дьявольский сад, в котором на

каждом шагу грозит смерть и пройти по которому мыслимо только под руководством опытного проводника. Также шепотом рассказывают о несчастных, осмелевших вступить в эту заколдованную область, чтобы не вернуться из нее, и о гибели целых полков, ошибкой натолкнувшихся на свои собственные мины...

Такие же размеры приобретают рассказы о жестокости немцев в обращении с населением, особенно на угольных копях в Домбровском районе, который, как известно, поделен между немцами и австрийцами (граница идет по полотну железной дороги). Если поверить рассказам, то жизнь негров в Америке в эпоху рабовладельчества покажется при сравнении земным раем. Нечего говорить о том, что работать заставляют всех, кто только в состоянии держаться на ногах, в том числе беременных женщин и подростков, почти детей; что рабочий день длится 16 часов в сутки; что пищей служит суп из какой-то крупы да жидкий кофе без хлеба; что жалованье, 1 марка в день, назначаемая взрослым работникам, — постоянно задерживается, а то и вовсе не выдается, под предлогом штрафов. Помимо всего этого в Домброве господствует самое широкое применение телесных наказаний; распорядители, которых хочется называть «надсмотрщиками», бьют, секут, калечат; непокорных заковывают в кандалы и посылают на работу в цепях... Если все это правда, то для описания такой жизни нужно перо Лонгфелло.

Много других страшных рассказов ходит в народе о таинственном крае, где хозяйничают немцы. Один старик-крестьянин рассказывал мне, пока около его избы мы чинили свой автомобиль, что неподалеку немцы сожгли целую деревню со всеми ее жителями, а пытавшихся спастись гнали обратно в огонь прикладами и выстрелами... В другом месте я слышал рассказы об утонченных пытках, достойных инквизиции, которым подвергли одного парня за то, что он не хотел дать какие-то сведения, которых он не знал... Рассказы переходят из уст в уста, украшаются все новыми и новыми ужасными подробностями, превращаются в чудовищные химеры и понемногу делают из немецких земель фантастическую страну, полную всяких чудес и ужасов, а из самих немцев каких-то грозных исчадий ада. Вероятно, таковы были слухи, которые в свое время ходили о гуннах и их царстве.

Впрочем, и того, что можно считать достоверным, достаточно, чтобы поселить страх к немецкому владычеству. Уже не легенда, что в Лодзи были расстреляны десятки случайных прохожих по обвинению в поджогах, ничем не обоснованному. Не легенда, что жители Влоцлавска и его окрестностей принуждают к истинно «каторжным» работам, заставляя копать валы у железнодорожного полотна и строить укрепления на берегу Вислы. Не легенда, что в Кутно были закрыты все лавки за то будто, что в них все продавалось слишком дорого, и взамен открыто всего 5–6 немецких лавок, где берут вдсятеро дороже. Не легенда, что в деревне Коваль засекли несколько мальчиков 13–14 лет, заподозренных в шпионстве, причем родителей заставляли присутствовать при этом наказании, вернее при этой казни. И не легенда такие явления, как выбрасывание больных из лазаретов, чтобы очистить место для раненых немцев (Брезины, Скерневицы и др.), как осквернение костелов и дикое кощунство в храмах (в Сувалках и во многих других местах); как изнасилование женщин, девушек и даже малолетних девочек, причем в деревнях устанавливалась

особая «женская повинность» для солдат (Люблинская губ.); как пытки пленных солдат, грабежи, всякого рода поборы, бесцельные поджоги и т. д., и т. д. Одних этих фактов довольно, чтобы навсегда сделать германский режим в оккупированных областях отвратительной пародией на законность. И поистине нет надобности в страшных легендах, чтобы германский мир в наши дни казался нам ужасной «страшной драконов и василисков».

Варшава, 4-го мая

Мимоходом

XI. Вести из-под Шавлей

— Жаловались и раньше, что нынешняя война ведется ожесточенно, — говорил мне один из участников боев под Шавлями, только что приехавший оттуда, — но то, что происходило до сих пор, теперь мне кажется детской, добродушной игрой. Теперь только, после нашествия немцев на балтийский край, увидели мы в полной мере, до какого ожесточения, озлобления, остервенения, — назовите как хотите, — могут они дойти. Не знаю, следствием ли это их прежних неудач, или сознание, что они ставят последнюю карту, только германские войска в Прибалтийских губерниях более похожи на стаи голодных волков, нежели на регулярную армию. И в результате война приняла характер боя не на жизнь, а на смерть.

Я не узнаю моего собеседника, когда он мне говорит все это. Я знаю его как человека с душою более мягкой, нежели ждут обыкновенно от «воина», как человека, склонного скорее к умозрению, чем к реальной действительности. Но, рассказывая мне о действиях немцев в шавельском районе, он становится каким-то воплощением ненависти и жажды мести. Его самое страстное желание — скорее излечиться от своей раны (он контужен), вернуться в полк и участвовать в преследовании врага.

— Вы увлекаетесь, — осторожно замечаю я.

— Не увлекаюсь, а горю, именно *горю* негодованием! Вся Россия содрогнулась, прочтя о пытках Панасюка; содрогнется теперь, читая подробности о пытках Пичуева. А знаете ли, что *там* (так рассказчик называет шавельский район) — подобные факты становятся чуть ли не повседневными! Добивание раненых, систематический обстрел Красного Креста, всевозможные жестокости над мирными жителями, употребление разрывных пуль и штыков-пил, — это все у нас, под Шавлями, процельвается немцами день за днем. Кто не знает добродушия и благодушия русского солдата! Мы все видим, как они борются с собой, чтобы удержать себя от такой же расправы с пленными немцами, какую те чинят над нашими пленными. *Там* солдаты ненавидят немцев всеми силами души; ненавидят до боя, в самом бою и после боя: и, поверьте, те заслужили эту ненависть, которую нелегко возбудить в русском человеке!

Помолчав, чтобы успокоиться, мой собеседник продолжает:

— Но об этом мы не будем говорить: слишком тяжело. Перейдем лучше к фактам. Вам случалось бывать в районе военных действий на этом фронте? Ничего похожего вы не нашли бы в шавельском районе. Вы, например, привыкли видеть города, по-

страдавшие от артиллерийского обстрела: десятки разрушенных строений, дома с обрушившимися стенами, несколько выгоревших кварталов... А посмотрели бы вы, что такое Шавли: ровное место и более ничего! Снесено все до основания, остались только фундаменты, а местами и их не видно, словно немцы хотели запахать самую землю, как то сделали римляне, разрушив Карфаген. Вам случалось во время ваших поездок попадать в имения, где побывали немцы: видели разгромленные усадьбы, слышали жалобы на беззастенчивый грабеж, ужасались, может быть, на дикие насилия, которые были совершены над женщинами... Там тоже случается встречать усадьбы и хутора, где похозяйничали немцы. Если дом не сожжен дотла, он поражен молчанием. Войдешь: осталось только то, что нельзя есть и увезти с собой в мешке. Пройдешься по комнатам: отец лежит с расколотым черепом, мать заколота в кухне, дочь — на пороге, а служанка — на лестнице... Вдобавок кругом — на земле и на деревьях — битая птица, воронье, расстрелянное шрапнелью... Знаете, мне не стыдно сказать: страшно!

Да и самый способ ведения войны там иной. Здесь, на северо-западном фронте и на юге, наступление велось большими силами. Армии надвигались одна на другую, сталкивались в больших боях, хотя бы и разбивавшихся на ряд мелких битв, или целые месяцы держали друг друга в осаде посредством позиционной войны. Там о больших сражениях не думают, а укреплять позиции некогда: спешат поскорее нанести друг другу как можно больше вреда. Действуют преимущественно — кавалерия, автомобили, разведочные отряды. Фронт представляет линию, изломанную до крайности. Местами мы вдаемся верст на 100 в территорию, занятую врагами; местами — они в нашу. Никогда не знаешь наверное, находишься ли в районе расположения наших сил или неприятельских. Каждый день случается, что немцы оказываются в тылу или что мы заходим к ним в тыл. Одни затевают обход и сами оказываются обойденными [...].

А что делалось в первые дни нашествия! Вы видели здесь беженцев? Конечно, было им нелегко, но они спасались на телегах, фурманках, увозили свой скарб, знали, куда ехать. Там было паническое бегство. Кроме тех, которые предпочитали остаться (были такие, — этого не скроешь) и которые при известии о приближении немцев забили вдруг все языки, кроме немецкого, — все остальные бежали, сами не зная куда. Не было ни лошадей, ни экипажей; шли пешком, толпами мужчины, старики, женщины, дети, голодные, часто полуодетые, с одной мыслью: только бы уйти от немцев! И были правы, думая так: долго потом на дорогах лежали трупы тех, кого настигли передовые немецкие разъезды, одержавшие легкие победы над безоружными беженцами. Но дело в том, что и бежать было некуда: немцы наступали так стремительно, что оказывались впереди и преграждали дорогу. Несчастные рассеивались по лесам, сбивались с пути и зачастую умирали с голоду. А немцы тем временем реквизировали в обезлюдевших усадьбах все, что можно взять: хлеб до последнего зерна, сено до единого стебелька, картофель, деньги, носильное платье, белье, обувь. Таковы были эти реквизиции, что после них, как говорится, «хоть шаром покати».

Я был в Риге в начале нашествия. Вывески, наполовину замазанные черным (вывески в Риге двуязычные, и приказано было уничтожить немецкие надписи),

казались траурным крепом на домах. На улицах царило зловещее безлюдье и безмолвие. Только порой слышалась немецкая речь, которая при чьем-то приближении тотчас обрывалась. Впечатление город произвел гнетущее. И я был в Риге после наших первых успехов, когда мы потеснили немцев от Шавлей, когда стало ясно, что это — только вопрос времени, а рано или поздно враг будет сокрушен. Как все сразу переменялось! Вдруг снова явились жители.

Радостно было смотреть на лица всех, одно время уже считавших себя на краю страшной пропасти. Эти лица словно говорили: «Вы не только вернули нам надежду на мирную жизнь в родном краю, но сохранили для нас веру в правду на земле. Горько быть побежденным благородным врагом, однако с таким несчастьем можно примириться как с испытанием, выпадающим на долю и отдельных лиц, и целых государств. Но бывают враги, с победой которых примириться нельзя, которые должны быть сломлены, если есть смысл в жизни. Своей победой вы доказали нам, что жить стоит и стоит приносить жертвы; теперь нам ничего не жаль; возьмите все, вплоть до нашей жизни!» Мне казалось, что это говорят мне все лица, и никогда еще не испытывал я такой гордости принадлежать к армии.

[...] Я постарался точно передать слова моего собеседника; может быть, и были в них невольные преувеличения, но я чувствовал, что есть в них и своя внутренняя правда.

Окровенная Бельгия

Среди книг, уже многочисленных, о современной войне выдающееся место занимает только что появившаяся книга «Окровенная Бельгия»¹. Мы привыкли видеть в Верхарне певца широких исторических и общественных проблем, в своих убеждениях склонявшегося к социализму. Несмотря на целую серию своих книг, посвященных родной стране («Toute la Flandre»), Верхарн в значительной степени был поэт космополитический, интернациональный. Европа представлялась ему единым миром, и в ряде поэм он воспевал «европейскую расу», ее культурные завоевания и стоящие перед ней задачи. Война наших дней, великий раздор в среде европейских народов и страшный лик, обнаруженный Германией, в самом основании потрясли все несколько идиллическое мировоззрение поэта.

В предисловии Верхарн сам говорит: «Тот, кто написал эту книгу, полную нескрываемой ненависти, был когда-то человеком мирным. Он восхищался народами; многие из них он любил; в том числе была и Германия...» Упомянув о том, какой предстала Германия, Верхарн продолжает: «Автор никогда не переживал более неожиданного, более тяжелого разочарования. Оно так его поразило, что он почувствовал себя другим человеком». Предисловие заканчивается таким посвящением: «Будучи исполнен ненависти, автор опасается, что его сознательность ослаблена, и с волнением посвящает эти страницы тому человеку, каким он был прежде».

Первые главы книги говорят о «преступлении», совершенном Германией. Вильгельм II давал много клятв. Он каялся, что войдет победителем в Париж, в Нанси, в

¹ Emile Verhaeren. «La Belgique Sangante». Ed. De «La Nouvelle Revue Française». P. 1915.

Кале, в Варшаву. Эти клятвы были торжественны, Вильгельм II не сдержал их. Он поклялся также в письме к Альберту I, что опустошит Бельгию. Эта клятва была преступной, но она — единственная, которую он сдержал. Германия избрала маленький народ, чтобы показать свою силу. Однако, даже чувствуя себя гораздо более сильной, на много миллионов людей Германия не решилась напасть открыто. Она притворялась, она лгала, она льстила. За два часа до своего чудовищного ультиматума она еще отрицала свои истинные намерения. Она могла предложить честный бой, но предпочла устроить ловушку.

Ужасы германского нашествия на Бельгию теперь удостоверены официальными расследованиями и свидетелями, в правдивости которых нельзя сомневаться. Десятки городов и сотни селений сожжены, храмы преднамеренно разрушены, население разорено и частью истреблено; немцы добивали раненых, насиловали женщин, подвергали с садической жестокостью пыткам стариков и детей, грабили систематически и т. д. Зная свою страну, поэт говорит, что результатом явилась всеобщая ненависть к немцам — такая яростная и глубокая, что она переживет ряды поколений. Поскольку может быть вечным что-либо на земле, эта ненависть будет вечной. Ей будут учиться в школах, она станет традицией каждой семьи.

«Родина до сих пор, — пишет Верхарн, — была для нас предлогом для официальных речей и популярных гимнов. Мы никогда не были шовинистами. Многие среди нас жалели, что родились в маленькой стране. Некоторые предпочитали быть французами, другие — англичанами, третьи — фламмингантами — даже немцами. Теперь все это исчезло. Все мы стали бельгийцами, и только. Мы — бельгийцы, упорно, до смерти. Мы верим в нашу родину, как веруют в небеса». Во время своей поездки по разоренной Бельгии поэт разговорился с крестьянином в деревеньке между Коксидом и Дюнкерком. «Когда я буду умирать, — сказал крестьянин, — из последних сил я еще буду проклинать Германию». Поэт напомнил, что такие чувства — далеко не христианские. «Тем хуже!» — ответил крестьянин.

Верхарн старается уяснить себе дух Германии, чтобы понять свершенное ею. Быть может, существует германская культура, говорит поэт, но германской цивилизации нет. Немецкий ученый — ходячая библиотека. Немцы складывают в хранилища, расставляют по полкам, комментируют. Порядок и дисциплина заменяют у них творчество. Они ничего не изобрели; они разрабатывают чужие изобретения. Германия не открыла ни одного из великих путей в науке, но пролагала только боковые дорожки. Лейбниц и Кант пристроились к царственной дороге Декарта; Геккель не существовал бы, не будь Дарвина; Кох и Беринг опираются на работы Пастера. Истинная Германия только на время была страной Гёте, Бетховена, Гейне. Но она всегда была страной безжалостных ландграфов и кровавых ландскнехтов. Тысячелетия она бросает свои орды на Европу. В этом — ее роковое и страшное предназначение.

В полстолетия Франция заставила полюбить себя в Савойе, в Ментоне, в Ницце; в два века она ассимилировала и Лилль, и Дюнкерк, и Страсбург, и Эльзас. В несколько десятилетий Англия привязала к себе Египет и Капландию. Германия везде остается той, которую ненавидят, — в Польше, в Шлезвиге, в Эльзас-Лотарингии;

всюду она — *persona ingrata*. Она умеет только сеять раздоры, но не объединять. Ее воззвания к народам действуют как ледяной ветер на растения. Германия — страна опасная, потому что она не способна к цивилизации (*incivilisable*). Ее замки, ее деревни, ее казармы остаются еще не исчерпанными и, может быть, неисчерпаемыми источниками человеческой дикости.

В то же время немцы убеждены и заявляют об этом в своих научных трактатах, что считают себя выше всех других народов. Оствальд возглашает прямо, что «немецкая цивилизация — первая в мире». Русские, по его мнению, живут еще в период кочевников; французы и англичане едва достигли той ступени развития, которую немцы покинули уже 50 лет назад. Вильгельм II — истинное воплощение своего народа. В полном согласии с ним император объявляет: «Бог за нас! Я — Его проявление на земле и Его орудие. Его слава — моя слава. Моя победа — Его победа». Бисмарк говорил когда-то: «Немцы никого не боятся, кроме Бога». Вильгельм пошел дальше: Богу он указал место рядом с собой, объявил Его своим союзником и соучастником, захотел, чтобы Господь как бы служил по найму у Германии, у избранного народа, являющегося душой Мира и мечом судьбы!

Решительную противоположность Вильгельму II представляет Альберт I, — «король без страха и упрека». Как Вильгельм, он — тоже солдат, но совершенно по-другому. Он действительно стал во главе своей армии, разделял ее труды, опасности и славу, жил в окопах, восемь месяцев дышал ужасной атмосферой нападений и обороны. Король Альберт также издавал воззвания, но в них нет мистической риторики Вильгельма, этого парадера литературы, думающего лишь о том, как бы удивить словом. Воззвания Альберта I просты и искренни. Он не лгал, не призывал неба в союзники, не объявлял себя посланником Бога и любимцем Пресвятой Девы. Самым естественным образом Альберт I возлагал надежду на Провидение, но в земных делах полагался прежде всего на храбрость солдат и на пушки.

Различие между двумя государями и двумя народами вполне выразилось в самые дни объявления войны. Вильгельм и немцы никак не ожидали, что Бельгия окажет сопротивление и что дорога во Францию будет им преграждена. Немцам был непонятен этот акт героической честности. Они думали, что им придется только доторговаться; они позвали бельгийское правительство в свою лавочку с заднего крыльца и спросили коротко: «Сколько?» Должно быть, они ожидали, что им ответят и тотчас: «Тридцать сребреников!» Король Альберт и его народ ответили иначе. «Мне никогда не забыть, — восклицает Верхарн, — дня 4-го августа 1914 года, когда я видел, как король Альберт вошел в парламент и потом, как бы причастившись со своим народом, вышел оттуда в канун нашей кровавой Пасхи. Ибо нам предстояла крестная смерть, за которой — мы верим в это — наступит наше воскресение».

Трижды в течение войны Германия предлагала Бельгии мир на «выгодных условиях». Первый раз, еще в августе, чрез голландское правительство; второй раз — чрез посредство Шарля Вуста (*Woeste*), бельгийского политического деятеля, возбудившего тем против себя общее негодование; третий раз — чрез некоего Эйсхена, члена люксембургского правительства. Победительница первая заговаривала о мире с побежденной. Решительные отказы короля Альберта от сепаратных переговоров опять

изумили немцев. Они не могли понять, что оскорбленная и раздавленная Бельгия не довольствовалась «выгодными» предложениями, отвергла бесчестный мир. Некоторые были недовольны решительностью короля; они видели в предложениях Германии ее раскаяние; но, разумеется, то был лишь коммерческий расчет.

Расчетом было и то, что постепенно неистовства немцев в Бельгии ослабли. Немцам было важно ужаснуть народ и всю Европу; они это исполнили и после того по команде прекратили по крайней мере исключительные зверства. У немцев все методично, даже безумие. Они отрезали руки младенцам и насиловали девочек с педагогической целью. Опустошение Бельгии было уроком, потому что Германия населена школьными учителями, подчиняющимися приказу своего инспектора. Если когда-либо жестокость завоевателей была систематична, то такова была она в германском нашествии 1914 года.

Поэт посетил опустошенную Бельгию, т. е. ту ее часть, которая еще не захвачена немцами. Описание этой поездки принадлежит к лучшим страницам в книге. «С каким волнением, — пишет Верхарн, — увидел я побережье — единственный клочок свободной земли, оставшийся от моей родины. Радость, скорбь, все мощные и безумные чувства охватили меня. Я смеялся и вместе плакал. Никогда еще я не чувствовал себя таким близким ко всему моему народу. На мгновение мне захотелось быть всеми моими предками, чтобы любить Фландрию не только одной своей душой, но сотнями душ сразу. Потребность распространиться, продолжиться была столь повелительна, что я страдал, сознавая себя только самим собою».

Верхарн вспоминает старинные городки Фландрии, безжалостно разрушенные германцами. Особенно скорбит поэт о трех городах-сестрах (мы сказали бы «братьях»): Диксмюде, Ньепорте и Ипре. То были живые памятники славной старины, мирная и прекрасная троица. Море любило их, долетая до них шумом волн и соленым ветром. В соборе Диксмюде запрестольный образ «Поклонение волхвов» был кисти Иорданса. Большая площадь в Ипре была, после брюссельской, красивейшей в мире. Ее ратуша, ее собор и особенно ее крытый рынок были созданиями высокого искусства. Внутренность рынка была украшена превосходными фресками Дельбека — художника, отдавшего этой работе всю свою жизнь. Столь же полные стариной, как Брюгге или Нюрнберг, эти города, однако, не были обращены в музеи, в пристанища для туристов; сегодняшний день естественно сливался здесь с прошлыми веками. В настоящее время все эти три города обращены в развалины.

Погибшие создания искусства — картины, статуи, храмы — уже не могут быть воскрешены. Но города способны восстать из пепла; жизнь страны, промышленная и духовная, может возродиться. Что, однако, необходимо для этого? Верхарн отвечает без колебаний: Разгром Германии. Если Германия останется победительницей, возрождение будет немислимо. Она наложит свою тиранию на всю Европу. Германия требует, чтобы в нее веровали, как в некое земное божество. Она не допускает, чтобы сомневались в непогрешимости ее культуры. Тевтонский дух за последние 50 лет стал силой агрессивной и задерживающей. Он — постоянная угроза и опасность. Он ослабляет человеческое творчество. Он работает над принижением мира. Под гегемонией Афин, Рима или Парижа Европа оставалась центром изумитель-

нейшего развития человечества. Под немецким владычеством она быстро придет к мрачной и жестокой организации, где все будет беспощадно распределено. Если Европа согласится на такое убиение своей свободы, это будет величайшее из преступлений нашего времени.

Невозможен будет и расцвет искусства. Европа являет миру дивное разнообразие цивилизаций, и все народы вплетают в этой венец цветы своего гения. Германская мощь стремится обезличить, уменьшить или раздавить совсем силы французские, английские, итальянские, русские и др., убить их будущие идеи, чувства и поступки, думая, что она одна может заменить их все. Систематически и докторально Германия не признает тонких связей, существующих между художником и свободной, живой средой, в которой он вращается. Стремление Германии управлять, направлять, все милитаризовать убьет творчество. Художники должны будут работать по схемам, присылаемым из Мюнхена или Берлина. Медленно, десятилетие за десятилетием, европейское искусство погибнет.

Итак, Германия должна быть сокрушена. И это, добавляет Верхарн, послужит на пользу ей самой. Она сосредоточится, как после Иены, соберет оставшиеся силы для работы. И, может быть, искусство, которое никогда не было благосклонным к немцам, наконец снизойдет к ним в несчастье. Мы (это все — слова Верхарна) желаем этого расцвета германского искусства, во-первых, во имя вселенской красоты и чести всего мира, а затем — ради того, чтобы этот расцвет художеств прикрыл тысячи только что совершенных преступлений, как цветы прикрывают падаль. Германия наших дней обесчестила деяния войной и мысль — наукой, т. е. теми применениями науки, какие делались немецкими учеными. Германии остается искусство, чтобы искупить содеянное ею зло.

Заканчивается книга Верхарна восторженным гимном Бельгии. «Современная душа, — восклицает поэт, — состоит из гордости и свободы; она полна человеческим сиянием и земными радостями, в ней кипят благородно опасные и заразительные волнения. Такова современная душа, выявившаяся всего столетие назад и во всем противоположная душе германской. Ты, Бельгия, первая, еще раньше Франции и Англии, стала на защиту этого нового духа против регрессивной, но грозной Германии. Никогда большей чести не выпадало на твою долю. Ты ее приняла с героической простотой. О, моя родина, окровавленная Бельгия! Да будут любимы все твои раны и да будут поддержаны все твои упования!»

Поэт был прав, сказав, что его книга «полна ненависти». Но она полна также любви — к родине и ко всему человечеству. Фактический материал, собранный в книге (который мы в нашем изложении оставили в стороне), придает ей значение исторического документа. Но страстность, одушевляющая страницы, обращает трактат в истинную поэму. О Бельгии и ее отношении к Германии во время великой войны будет, конечно, написано еще много книг, более осведомленных, более подробных, более разносторонних. Вряд ли, однако, появится на эту тему много страниц, столь же прекрасных.

КОММЕНТАРИИ

Мимоходом V. Неделя о подарках

Рус. вед. 1915. № 2 (3 янв.). С. 2.

Госпожа Сухомлинова — супруга военного министра генерала В.А. Сухомлинова.

Немецкие оправдания

Рус. вед. 1915. № 3 (4 янв.). С. 2–3.

Бернардистон — обер-лейтенант, английский военный атташе в Брюсселе в 1906 г. В годы Первой мировой войны в звании генерал-майора командовал британской армией в Северном Китае.

Дюкарн — в 1906 г. начальник Генерального штаба бельгийской армии.

Намюр (*нидер.* Namen) — город в центральной части Бельгии, во время Первой мировой войны был значительно разрушен.

Леопольд II — король Бельгии, скончался в 1909 г. Руководил операциями по присоединению Конго как колонии к Бельгии.

С подарками Поездки на передовые позиции I. Ночной бой

Рус. вед. 1915. № 5 (8 янв.). С. 2.

О.О. Гузенберг — правильно Грузенберг Оскар Осипович, председатель петроградской Еврейской общины, российский юрист, общественный деятель.

Всероссийский земской союз — был основан в Москве 30 июля 1914 г., его возглавлял князь Г.Е. Львов. Союз занимался помощью больным и раненым, позднее стал выполнять заказы на пошив одежды и обуви для армии.

...т-ву И.Д. Сытина... — Иван Дмитриевич Сытин (1851–1934), крупнейший издатель. В 1914 г. продукция его товарищества составляла четверть книгоиздания России.

...т-ву А.И. Абrikосова С-вей... — Товарищество «А.И. Абrikосова сыновья», основанное русским предпринимателем, фабрикантом Алексеем Ивановичем Абrikосовым (1824–1904), активно занималось благотворительностью.

М.Н. Бостанжогло — Михаил Николаевич Бостанжогло, крупнейший шахматный меценат, финансировал важнейшие шахматные турниры.

Равка (Rawka) — река в Польше, правый приток Бзуры. На Равке стоят города Скерневице, Рава-Мазовецкая.

**С подарками
Поездки на передовые позиции
II. В сфере огня**

Рус. вед. 1915. № 6 (9 янв.). С. 2.

В.М. Пуришкевич — Владимир Митрофанович Пуришкевич (1870–1920) — русский политический деятель ультраправого толка, черносотенец; во время Первой мировой войны организовал санитарный поезд и был его начальником.

Федоров А.М. — Александр Федоров, писатель, военный корреспондент, спутник Брюсова в поездках на театр военных действий (см. также коммент. к статье В. Брюсова «Ночь в мертвом городе»).

**С подарками
Поездки на передовые позиции
III. Походный госпиталь**

Рус. вед. 1915. № 7 (10 янв.). С. 3.

Млава (Mława) — город в Польше, входит в Мазовецкое воеводство — Млавский повят. Город расположен на реке Млавке, притоке реки Вкры. С 1429 г. имеет статус города. В 1914 г. в районе Млавы шли тяжелые бои, город переходил из рук в руки 14 раз. В составе Российской империи находился до Первой мировой войны.

Торн — Торунь (Toruń), город на севере Польши, на Висле. Вошел в состав Польши после Первой мировой войны.

Серпц (Sierpc) — город в Польше, в Мазовецком воеводстве.

Бзура (Bzura) — река в Польше, левый приток Вислы; с 1793 г. граница между Польшей и Пруссией. На берегах Бзуры произошло сражение между австро-германскими и русскими войсками в ходе Первой мировой войны (19 ноября — 20 декабря 1914). Немцы перебросили сюда свежие войска, перешли в наступление на Лодзинском направлении, оттеснили русских к Лодзи, к реке Равке. С 5 декабря по всей линии Восточного фронта в Польше развернулось ожесточенное «сражение на четырех реках» (Бзура, Равка, Пилица и Нида). В нем русские, чередуя оборону и контратаки, отразили натиск германцев на Равке и отбросили австрийцев за Ниду.

...словно американские гаучосы... — Гаучос, или гаучо (*исп. gaúcho*) — субэтническая группа на территории Аргентины, Уругвая, Бразилии; гаучо в основном занимаются скотоводством, название «гаучо» эквивалентно «ковбою».

**Страдания и величие Бельгии
I**

Рус. вед. 1915. № 8 (11 янв.). С. 3.

Антверпен (Antwerpen) — город во фламандском регионе Бельгии. Во время Первой мировой войны в Антверпен отступила бельгийская армия после поражения при Льеже. Город оставался под немецкой оккупацией вплоть до перемирия.

Брюгге (Brugge) — главный город бельгийской провинции Западная Фландрия. В Первую мировую войну подвергся сильной бомбардировке.

Остенде (Oostende) — крупнейший бельгийский город на берегу Северного моря, в Западной Фландрии. Во время Первой и Второй мировых войн здесь располагались базы немецких подводных лодок.

Король Альберт (Альберт I, 1875–1934) — король бельгийцев с 17 декабря 1909 г. Сын графа Филиппа Фландрского. Вошел в историю своей ролью в Первой мировой войне. О планах Германии начать войну Альберт узнал в 1913 г. и предупредил Францию. Несмотря на объявленный нейтралитет, Германия вторглась на территорию Бельгии. До конца войны бельгийцы во главе с королем, несмотря на неравенство сил, удерживали плацдарм на своей территории.

Изера (фр. Iser, нидер. Jzer) — река в Западной Европе. Протекает по Франции и Бельгии, впадает в Северное море. Битва на Изере считается самой крупной в истории Бельгии.

Гессенские солдаты — наемные войска, предоставляемые гессенскими князьями другим странам.

Вюртемберг (Württemberg) — историческая область на юго-западе Германии. В прошлые века это было герцогство, затем королевство, с ликвидацией монархии стало свободным государством в составе Веймарской республики, которое было упразднено после Второй мировой войны.

Тюркосы — название отрядов алжирских стрелков, сформировавшихся из арабов; сражались в Алжире, Италии, Мексике, против немцев и др.

Зуав — название племенной группы кабилы, часть легкой пехоты французских колониальных войск; отличались и внешне — носили шаровары и головные уборы восточного типа. Зуавы участвовали в различных войнах Франции, а также в Первой мировой войне.

Garde civique — бельгийская гражданская гвардия.

Страдания и величие Бельгии

II

Рус. вед. 1915. № 9 (13 янв.). С. 2.

...*министру юстиции, известному писателю Картону де Виару...* — Анри Виктор Мари Жислен граф Картон де Виар (1869–1951), бельгийский политический деятель, глава правительства страны в 1920–1921 гг. Играл важную роль в событиях Первой мировой войны.

Граф Визар де-Бокармэ — бургомистр Брюгге, сыграл большую роль при защите города от немцев в 1914 г.

Малин (Мехелен) — город в Бельгии, в провинции Антверпен. В состав муниципалитета входит много мелких городов

Лёвенский административный округ — включает много маленьких городов. Назван так по имени крупнейшего города провинции — Лёвена (Лувена), расположен к востоку от Брюсселя.

Шельда (или Эско — *фр.* Escaut, *з.-флам.* Schelde) — река, протекающая по территории Франции, Бельгии и Нидерландов, протяженностью 430 км. Берет начало в Пикардии, в Арденнских горах, впадает в Северное море.

Великое герцогство Люксембург — государство в Западной Европе. В годы Первой мировой войны Люксембург сохранял нейтралитет, но все же в 1914 г. Германия его оккупировала.

Валлоны — романский народ Бельгии, населяющий южные провинции страны; говорит на французском и валлонском языках.

Фламандцы — коренное население Бельгии, народ германской языковой группы.

Конго — происходит от самоназвания народа конго (конго — букв.: охотники) или баконго, что означает «народ конго». Конго было колониальным владением Бельгии.

Два фронта

Рус. вед. 1915. № 10 (14 янв.). С. 4.

Цеханов (Цеханув, Ciechanów) — город в Польше, входит в Мазовецкое воеводство. Вокруг него также происходили сражения, составившие часть Праснышской операции.

Прасныш (Пшасныш, Przasnysz) — город в Мазовецком воеводстве, в 100 км к северу от Варшавы. В городе жили люди разных национальностей, права евреев были ограничены.

Сохачев — уездный центр в Мазовецком воеводстве Польши, в 50 км от Варшавы; первое упоминание — 1138 г. Во время Первой мировой войны город был разрушен.

Плоцк (Płock) — город в Мазовецком воеводстве Польши, расположен на Висле, в 100 км к северо-западу от Варшавы; с 1079 по 1138 г. — польская столица, 1837–1917 — административный центр Плоцкой губернии Российской империи.

Жирардов (Жирардув, Żygarów) — город в Польше, входит в Мазовецкое воеводство, имеет статус городской гмины.

...около деревни Червонная Нива (на западе от местечка Гузова)... — Червона Нива, в 50 км от Варшавы.

Гройцы (Гроец, Гродзец, Grójec) — уездный город Варшавской губернии. Вошел в число оборонительных укреплений во время Праснышской операции.

Мимоходом

VI. Ощущение войны

Рус. вед. 1915. № 27 (4 февр.). С. 3–4.

...по Краковскому предместью... — Краковское Предместье — главная улица Варшавы, связывает старый город с новыми районами. На ней расположены музеи, дворцы, костелы, университет. Начало ее идет от Краковских ворот, от средневековой крепости, вместе с улицей Новый Свет (Новы Свят) образует знаменитый Королевский тракт.

...и дальше по Новому Свету... — Новы Свят начинается от площади Трех крестов, пересекает Иерусалимские Аллеи и переходит в улицу Краковское Предместье. До XVII в. Новы

Свят был главной дорогой, ведущей на юг от Варшавы. Свое название улица получила в XVII в., в начале XX в. была перестроена в стиле модерн.

Иерусалимская аллея — совр. Иерусалимские Аллеи, одна из самых протяженных улиц Варшавы. Название происходило от наименования местного поселения евреев — Новый Иерусалим (1774).

Маршалковская улица — была названа в 1860 г. в честь маршала Франтишека Белинского (1683–1766), ведет к Венскому вокзалу.

Саксонские сады — разбиты в Варшаве в 1697 г. по велению Августа II, короля Польши. На их территории возведен Саксонский дворец.

Сирена — герб города Варшавы (дева с рыбьим хвостом). Первое изображение появилось в 1390 г., позднее видоизменялось. Настоящее изображение ведет отсчет с 1622 г., в левой руке у девы — круглый щит, в правой — короткий меч. И сегодня в Варшаве две подобные статуи: одна стоит на Рыночной площади, новая статуя поставлена в 1939 г. на набережной Вислы.

...Равка, Сохачев, Лович, Брезины и даже Витковицы, Камийон, Рыпин... — Брюсов перечисляет топонимы Вашавской губернии; Бзура и Равка — реки.

Мимоходом

VII. Летчики

Рус. вед. 1915. № 28 (5 февр.). С. 5.

Статья была также воспроизведена в сокращенном виде в книге: *Ашукин Н., Щербаков Р. Брюсов. М., 2006. С. 437.*

...впервые авиация заняла серьезно положение... — Интерес Брюсова к полетам авиаторов сформировался очень рано; осенью 1909 г. он сообщал И.М. Брюсовой из Парижа: «...был в кинематографе и смотрел полеты авиаторов. Увижу ли это в действительности — не знаю». (Письмо И. Брюсовой. 13 октября 1909. ОР РГБ. Фонд Брюсова. 356-142-13). Тема авиации отражается в поэзии Брюсова этого периода («Кому-то» (1908); «К стальным птицам»; «Аэропланы над Варшавой»). В. Молодяков в книге «Валерий Брюсов. Биография» (СПб., 2010. С. 472) справедливо отмечает приоритет Брюсова в освещении темы завоевания воздушного пространства в поэзии.

Уэллс заблуждался, когда в своем фантастическом романе «Война в воздухе» предсказывал... — Г. Уэллс, один из основателей фантастики XX в., в своем романе «Война в воздухе» (1907) нарисовал картину воздушного десанта Германии в Америку. По Уэллсу, все державы мира в глубокой тайне подготавливали воздушные флоты, столкновение которых приведет к гибели цивилизации.

...на крыльях парящего моно- или биплана белый круг, знак, присвоенный русским воздухоплавательным машинам. — В годы Первой мировой войны на крылья и рули поворота самолетов отечественной постройки наносили красно-сине-белые концентрические круги (кокарды), являвшиеся опознавательным знаком русской авиации.

Сделав характеристику разных систем аэропланов... — В статье упоминаются следующие марки самолетов: «моран-солнье» и «Илья Муромец». Французский аэроплан «моран-

солнье», принятый на вооружение русской армией в 1916 г., был оснащен синхроруплетом Виккерс. «Илья Муромец» выпускался в России, на Русско-Балтийском заводе, в течение 1913–1918 гг. В годы Первой мировой войны самолеты этой марки впервые стали использоваться как бомбардировщики. Собеседник Брюсова летал на моноплане (название снято цензурой), который не имел собственного боевого вооружения.

Георгиевский крест — высшая награда за боевые заслуги для нижних чинов российской армии (1807–1917).

Мимоходом

VIII. Оборона северного фронта

Рус. вед. 1915. № 34 (12 февр.). С. 5.

...сражением 18–20 января на фронте Боржимов–Гумин–Воля–Шидловская. — В этом районе развернулись наиболее упорные бои, немцы сосредоточили не менее 14 корпусов и 5 кавалерийских дивизий: настойчивые атаки немцев принудили русские войска отойти на левый берег Равки; бой за Боржимов закончился в пользу русских, атаки немцев по направлению к Воле-Шидловской также были отбиты. Война постепенно перешла в позиционную.

...позиции вдоль ~ Мазурских озер... — Немцы двинули основные силы против 2-й русской армии, что привело к сражению в районе Мазурских озер (13–18 августа) и тяжелому поражению русских. 2-я армия была окружена, 30 тысяч человек попали в плен.

Новое наступление немцев... — С целью «разбить нашу десятую армию», привело к новым напряженным сражениям в Восточной Пруссии (2-е сражение у Мазурских озер и у Прасныша), но немцы не достигли Восточной Пруссии. 10-я армия остановилась перед укрепленной позицией германцев по р. Ангерану и Мазурским озерам.

Новогеоргиевская крепость — основана в XIX в., недалеко от Варшавы. Во время Первой мировой войны вокруг происходили значительные битвы, впоследствии, в августе 1915 г., крепость была взята немцами после четырехдневных боев, что произвело на генерала М.В. Алексеева, русского главнокомандующего, очень тяжелое впечатление.

Современная и старая крепость

Рус. вед. 1915. № 36 (14 февр.). С. 5.

Подпись — Л.А. Указано в письме к И.М. Брюсовой от 18 февраля 1915 г.: *Чудецкая Е.В.* Из переписки Брюсова 1914–1915 годов // Брюсовские чтения 1973. Ереван, 1976. С. 442. Брюсов пишет в этом письме: «Две мои статьи, написанные для “Русских ведомостей”, погибли. Одна — безвозвратно, от другой уцелел отрывок, которому дали заглавие “Старая новая крепость”, подписав Л.А. Что означают эти инициалы, не знаю. Ты, вероятно, не догадалась, что это — я?»

Льеж — город в Бельгии, у слияния рек Маас и Урт, административный центр провинции Льеж, во время мировых войн находился под немецкой оккупацией.

Себастьян Ле Претр маркиз де Вобан (Vauban, 1633–1707) — выдающийся писатель, военный инженер, маршал Франции. Выстроенные им крепости объявлены Всемирным наследием человечества.

Фугас — заряд взрывчатого вещества, закладываемый в земле или под водой на небольшой глубине, для внезапного взрыва.

В Праснышском районе

Рус. вед. 1915. № 40 (19 февр.). С. 3.

Генерал Гинденбург — Пауль Людвиг Ганс Антон фон Бенекендорф унд фон Гинденбург (1847–1934), немецкий военный и политический деятель. Во время Первой мировой войны командовал германскими войсками на Восточном фронте. Впоследствии начальник Генерального штаба Германии.

Ландштурмисты — резерв германских вооруженных сил, который создается только на время войны. Имеет вспомогательное значение. Составлен из лиц, годных к военному делу. Соответствует ополчению в России.

Штабс-капитан Гурдов

Рус. вед. 1915. № 41 (20 февр.). С. 5.

Пабианицы (Пабьянице, Pabianice) — город в Польше, недалеко от Лодзи, в Лодзинском воеводстве. Недалеко от этого города, у деревни Добржинково, погиб Гурдов.

Блиндированные автомобили (броневики). Первый блиндированный тройной броней автомобиль был сделан в Германии, он был оснащен двигателем в 60 лошадиных сил, достигал скорости 45 км/ч. На автомобиле стояли пушки. Гурдов усовершенствовал блиндированные автомобили и создал из них отряд, наводивший ужас на немцев.

К Праснышскому сражению

Рус. вед. 1915. № 44 (21 февр.). С. 3.

Праснышское сражение — крупное сражение на Восточном фронте Первой мировой войны. Праснышская операция закончилась тем, что немцы, заняв Прасныш, вынуждены были через два дня отдать его обратно, потеряв при этом свыше 6000 пленными. Немецким подразделениям не удалось нанести поражение русским армиям на этом направлении. Операция оказала значительное влияние на весь ход военных действий на русском Северо-Западном фронте. Успех русских войск в этой операции наряду с другими факторами расстроил германский план весенней кампании 1915 г.

Люблинская губерния — входила в состав Царства Польского, которое было впоследствии присоединено к Российской империи. Центр губернии — город Люблин, который в годы Первой мировой войны был оккупирован германскими и австрийскими войсками.

«Тяжкая твердость» — цитата из поэмы А.С. Пушкина «Полтава»:

Волнуясь, конница летит;
Пехота движется за нею
И тяжелой твердостью своею
Ее стремление крепит.

Литература немецких окопов

Рус. вед. 1915. № 46. (26 февр.). С. 3.

...итальянских *окарино*. — Окарина (*итал.* *osagina*) — древний народный музыкальный инструмент, разновидность флейты.

Па-де-Кале (или Дуврский пролив) — пролив, который разделяет материковую часть Европы, в районе Франции, и остров Великобритания. Вместе с проливом Ла-Манш соединяет Северное море с Атлантическим океаном.

Цепелин (*нем.* *Zeppelin*) — дирижабли жесткой системы, строившиеся графом Цепелином и немецкой фирмой. В годы Первой мировой войны получили большое распространение в немецкой армии.

Тиртей — древнегреческий поэт-лирик, — по преданию, хромой школьный учитель, посланный афинянами в Спарту, но взамен требуемой помощи сумевший своими песнями поднять боевой дух спартанцев. Имя Тиртей стало нарицательным для обозначения представителя гражданской поэзии.

«*Пупсик*» — популярная оперетта времен Первой мировой войны, автор — французский композитор Ж. Жильбер.

Лютер (Luther) Мартин (1483–1546) — христианский богослов, инициатор Реформации, переводчик Библии на немецкий язык. Его именем названо одно из направлений протестантизма. Имел много последователей в разные века.

Штегман Иосий — проповедник, живший в XVII в.; в евангельские книги вошли многие его песни, в том числе «Укрой нас в благодати, Господь Иисус Христос!».

Геллерт — Геллер Христиан, немецкий поэт и философ-моралист эпохи Просвещения, один из наиболее читаемых авторов того времени наряду с Христианом Вейсе. Гёте назвал учение Геллера о морали «фундаментом немецкой нравственной культуры».

Кёрнер (Körner) Карл Теодор (1791–1813) — немецкий поэт, участник войны против Наполеона. Автор романтико-патриотических стихов (сборники «Бутоны», «Лири и меч»), романтической трагедии. Погиб в бою.

Реймский собор — один из самых известных образцов готического искусства во Франции. Во время Первой мировой войны Реймс был захвачен немцами и четыре года оставался в зоне боевых действий. В сентябре 1914 г. в результате бомбардировки собор был превращен в «море огня». Реставрация храма продолжается до настоящего времени.

...ниже самых горестных продуктов *Апраксина рынка*. — Апраксин двор — это квартал в Санкт-Петербурге, ограниченный улицами Садовая и Ломоносова, набережной реки Фонтанки и Апраксиным переулком. В середине XVIII в. там были созданы торговые ряды. До настоящего времени на этой территории располагался открытый рынок.

В обстреливаемом городе

Рус. вед. 1915. № 51 (4 марта). С. 3.

...к Праснышу... — Во второй половине февраля 1914 г. германское командование начало предпринимать активные действия в направлении Прасныша, чтобы выйти на тылы Варшавского района.

...пушки обращены ко мне казенной частью... — Казенная часть — часть артиллерийского ствола, в которой расположен затвор.

Канонир — артиллерист, пушкарь, солдат артиллерии в Российской империи до 1917 г.

... чтобы достать папирос для солдат. — В.Я. Брюсов неоднократно совершал поездки в части, чтобы раздать папиросы и другие подарки, собранные на фронт. Особенно много подарков было собрано к Рождеству и Новому году, и из-за поездок к фронту поэт задержался в Варшаве, не попав домой в Москву на праздники, как планировал. Об этом Брюсов сообщал в письмах и телеграмме жене в декабре 1914 и январе 1915 г. (НИОР РГБ. Ф. 386. К. 142. Ед. хр. 18. Л. 48–51).

Вернувшись к автомобилю, решительно... — В сохранившемся рукописном отрывке статьи у автора первоначально вместо слова «решительно» было: «повелительным голосом». См.: ОРФ ГЛМ. Ф. 51. Оп. 2. Д. 19. Л. 4.

... разрушенные в предшествующих боях. — В тексте рукописного отрывка: «в предыдущем бою» (ОРФ ГЛМ. Ф. 51. Оп. 2. Д. 19. Л. 4).

Я раздумываю... — В тексте рукописного отрывка: «недоумеваю» (Там же).

...и белая повязка быстро, на моих глазах, превращается в алую. — В тексте рукописного отрывка: «и бинт быстро, на моих глазах, превращается в алый» (Там же).

Шласы (Szlasz Bure) — деревня в Польше, расположенная к юго-востоку от Прасныша. Брюсову и его шоферу, чтобы избежать обстрела, нужно было поехать сначала примерно 12 км на юго-восток, затем повернуть на юго-запад, к Цеханову.

Млава (Mława) и *Хоржеле* (Chorzele) — города в Польше, расположенные соответственно северо-западнее и севернее Прасныша. Удержание Млавы являлось основной предпосылкой грандиозного плана немецкого командования окружить русские армии в Польше, который не был осуществлен.

Комментарий М.В. Орловой

Памяти мечтателя

(Новые данные из жизни шт<абс>-кап<итана> Гурдова)

Рус. вед. 1915. № 56 (10 марта). С. 7.

Вариант корреспонденции опубликован: Гурдов // *Голос* (Ярославль). 1915. № 60 (14 марта). Републикация: Брюсовские чтения 2006. Ереван, 2007. С. 452–456. Краткое изложение корреспонденций о Гурдове см.: *Молодяков В.* Валерий Брюсов: Биография. СПб., 2010. С. 470–471.

Либава — Лиепая, город на юго-западе Латвии, на побережье Балтийского моря. При вхождении Курляндии в состав Российской империи (1795) город стал называться Либавой.

Сикорский Игорь Иванович — один из выдающихся русских авиаконструкторов. В период с 1909 по 1918 г. он спроектировал и построил 25 самолетов и гидросамолетов. Самой известной конструкцией Сикорского стал тяжелый бомбардировщик «Илья Муромец». Легкий истребитель С-16 построили в Санкт-Петербурге. Благодаря самолетам Сикорского в годы Первой мировой войны удалось частично отказаться от импортирования французских самолетов.

...*Гурдов повторил исторический «жест» Александра Великого в Гедрозии.* — Брюсов, вероятно, вспоминает следующий эпизод из сочинения Плутраха об Александре: «Прибыв в столицу Гедрозии, Александр вновь предоставил войску отдых и устроил празднества. Рассказывают, что однажды, хмельной, он присутствовал на состязании хоров, один из которых возглавлял его любимец Багой. Одержав победу, Багой в полном наряде прошел через театр и сел рядом с царем. Увидев это, македоняне принялись рукоплескать и закричали, чтобы царь поцеловал Багоя; они не успокоились до тех пор, пока Александр не обнял и не поцеловал его.» (Плутарх, «Александр», 67).

Арриан — греческий историк и философ, получил права римского гражданства и был консулом. Он написал историю походов Александра Великого в семи книгах.

Этюды с натуры

I. В штабе

Рус. вед. 1915. № 58 (12 марта). С. 4.

Ремингтон — первая пишущая машинка, производится с 1866 г.

Парфорсная охота — конная охота с гончими собаками, при которой преследование животного продолжается до полного его изнеможения.

Менений Агриппа — римский деятель, подал свой голос за уступки бедноте. Известна басня Агриппы, в которой сравнивается человеческий организм с организмом народа. Умер в бедности.

Этюды с натуры

II. В лесу

Рус. вед. 1915. № 58 (12 марта). С. 4.

Шрапнель — вид артиллерийского снаряда. Назван в честь Г. Шрэпнела, офицера британской армии, который создал снаряд такого типа.

Мимоходом

VIII. Бывший театр

Рус. вед. 1915. № 59 (13 марта). С. 3.

Лаун-теннис — крокет, английская игра на открытом воздухе; заключается в перебрасывании друг другу мячей, чтобы они не упали на землю.

Городки — русская народная спортивная игра, которая заключается в выбивании битой фигур, построенных из пяти «городков» (деревянных чурок), с ограниченной площадки («города»). Существует более двух столетий.

Свайка — русская народная игра: метание острого стержня с массивным круглым наконечником, называемого свайкой, в кольцо, лежащее на земле.

Мимоходом IX. Герои Прасныша

Рус. вед. 1915. № 59 (13 марта). С. 3.

Наступление немцев на Прасныш... — Действовавшие совместно в Праснышской операции (7 февраля — 17 марта) 1-я и 12-я русские армии не допустили реализации немецкого плана. Оборона Прасныша длилась 11 дней, бой вел один полк против целого корпуса немецких войск. 1-я армия генерала Плеве перешла в наступление 19 февраля. Германский план был сорван, но не состоялось и вторжение русской армии в Восточную Пруссию.

«Фарман» — самолет двухместный, корпусный, разведчик-корректировщик. Построен Анри Фарманом в 1909 г. Россия закупала для своего воздушного флота эти самолеты во Франции.

В Перемышле Варшава (От нашего корреспондента)

Рус. вед. 1915. № 63 (18 марта). С. 3.

В «Библиографии В.Я. Брюсова» (Ереван, 1976) данная статья представлена как «В русском Перемышле» (№ 1040).

Взятый Перемышль (От нашего корреспондента)

I

Рус. вед. 1915. № 68 (25 марта). С. 3.

Галиция (укр. Галичина, польск. Galicja) — историческая область в Восточной Европе. Исторически делится на Восточную Галицию, издавна населенную преимущественно украинцами, и Западную Галицию, где кроме поляков проживали украинцы.

Основная артерия города — улица Мицкевича... — Улица названа в честь Адама Мицкевича (Mickiewicz) — польского поэта, деятеля освободительного движения, реформатора польской литературы. Мицкевич реализовал характерное для польского романтизма прославление подвига личности, жертвующей собой ради народа. Известен и своими дружескими отношениями с русскими поэтами.

Сан — река в Польше и на Украине, правый приток Вислы. С сентября 1939 г. Сан является пограничной рекой между Украиной и Польшей.

Краков — польская культурная столица. Основал польский князь Крак, первое упоминание в 965 г. Расцвет города пришелся на X–XIV вв., в нем состоялась первая коронация польского царя; в нем открылся первый польский университет. Русская армия угрожала захватить Краков в процессе реализации Варшавско-Ивангородской операции.

Карпатская армия — сформирована в процессе Карпатской операции, целью которой был прорыв через Карпаты в Венгрию (с декабря 1914). Операция шла с переменным успехом. Русская 11 армия, 8 армия (Брусилова) в первых числах февраля владели участком Карпат по линии Конечна–Свадник... Но в Буковине русские вынуждены были отходить к рекам Днестр и Прут.

Геллер — разменная монета в ряде стран Европы. Медная монета Германии, выпускалась с XVI в. После распада Австро-Венгрии (1918) в обращение была введена крона (1 крона = 100 геллерам).

Кусманек — Герман Кусманек фон Бургнойштедтен, австро-венгерский генерал, с января 1914 г. комендант австрийской крепости в Галиции, в Перемышле. Генерал провел большую работу по укреплению обороны Перемышля. 3 октября русское командование потребовало сдачи крепости и получило отказ Кусманека, с 5 октября русские войска начали штурм крепости, но позднее вынуждены были отступить. В ноябре началась вторая осада Перемышля. В марте 1915 г. осажденными была предпринята попытка прорыва блокады, однако она не увенчалась успехом, хотя в городе были взорваны все мосты, уничтожены запасы продовольствия и оружия, после этого Кусманек подписал капитуляцию Перемышля. Русская армия захватила 120 000 пленных австро-венгерских солдат. Кусманек несколько лет провел в русском лагере для военнопленных, а после подписания Брестского мира был освобожден и вернулся в Австро-Венгрию.

Мадьяры — самоназвание венгров.

Взятый Перемышль (От нашего корреспондента)

II

Рус. вед. 1915. № 71 (29 марта). С. 3.

Генерал Л.К. Артамонов — активный участник Русско-японской войны.

«Прикарпатская Русь» — газета, выходившая с 1909 по 1915 г. в Галиции, редактор К. Вальницкий. Имела русскую ориентацию.

«Швабы» — областная группа немцев, населяющих часть земель в Западной Баварии, говорят на особом диалекте немецкого языка. «Швабами» называли немцев в Европе; в Швейцарии и Эльзасе понятие «швабы» использовалось в негативном смысле.

Лазарева суббота — суббота шестой седмицы Великого поста. Христиане вспоминают чудо воскрешения Христом праведного Лазаря.

Львов — город областного подчинения на Украине. Ранее столица Галиции и Западной Украины, основан Галицким князем Даниилом Романовичем в середине XIII в. Во время Первой мировой войны был занят русскими войсками.

Вербное (пальмовое) воскресенье — день входа Господня в Иерусалим, воскресенье перед Пасхой. Признание мессии Иисуса Христа и прообраз входа Сына Человеческого в рай.

...«с одной тарелочкой»... — Со времен Средневековья символ цеха цирюльников. Долог подлинно значение неизвестно. Предполагается, что двумя серебряными тарелками подавался сигнал клиенту — «вода готова».

Гёте Иоганн Вольфганг (1749–1832) — немецкий поэт, мыслитель государственный деятель и естествоиспытатель.

Шиллер Иоганн Фридрих (1759–1805) — немецкий поэт, драматург, теоретик искусства, историк, основоположник немецкой классической литературы, а также и военный врач, представитель направлений «Буря и натиск» и романтизма в литературе,

Гейне Генрих (1797–1856) — немецкий поэт, публицист, критик.

Лессинг Готтольд Эфраим (1729–1781) — немецкий писатель, драматург, просветитель, один из основоположников немецкой классической литературы.

Грильпарцер Франц (1791–1872) — поэт и драматург, родился в Вене. Испытал влияние романтизма, классицизма.

Гамерлинг Роберт (1832–1889) — австро-немецкий поэт и драматург.

Из поездки в Перемышль

Рус. вед. 1915. № 73 (1 апр.). С. 3.

Помпеи (Pompeii) — древний римский город недалеко от Неаполя, погребенный под слоем вулканического пепла в результате извержения вулкана Везувий.

Избица — волость в Польше, входит как административная единица в Красноставский повят, Люблинское воеводство.

Замостье (Замосць, Zamość) — город в Люблинском воеводстве Польши, южнее Варшавы, в 100 км от Львова. В Российской империи Замостье стало уездным городом Люблинской губернии. Он играл большую роль в годы польского восстания (1830–1831) и в годы Первой мировой войны.

Томашов (Томашув-Любельский, Tomaszów Lubelski) — город в Польше, входит в Люблинское воеводство.

Белжиц (Bełżec) — сельская волость в Польше, входит в Люблинское воеводство.

Болонья (Bologna) — город на севере Италии. Старейший университетский центр Европы.

Пица (Piza) — итальянский город и коммуна в регионе Тоскана, недалеко от Лигурийского моря.

...нигде в Ярославле не заметно и следов того, что город был дважды взят с боя... — В годы Первой мировой войны город несколько раз переходил в руки неприятеля, но не был разрушен или сожжен.

Радимны (Радимна) — румынский город с многонациональным населением.

Рава-Русская (Рава-Руська) — город в Львовской области Украины. В годы войны был в центре упорных боев с польским войском.

Учан-Су — река, протекающая по южному берегу Крыма, впадает в Черное море в центре Ялты.

Венеция (Venezia) — город в Северной Италии на побережье Адриатического моря.

Ревель — прежнее название столицы Эстонии, города Таллинна, основание которого датируется 1154 г.

Бретань — регион на северо-западе Франции, составляет большую часть одноименной исторической области.

Костел (Kostiol) — слово, в польском, украинском, белорусском, чешском, словацком языках обозначающее христианский храм.

Из поездки в Перемышль

II

Рус. вед. 1915. № 75 (3 апр.). С. 2.

В австрийском офицерском собрании, «Casino», как оно называлось... — Первое казино открылось в Венеции (1638). Впоследствии казино оставались открытыми только в Монте-Карло. В годы Первой мировой войны любое место для развлечения называлось так.

Сагунт — древний город, возникший на побережье Средиземного моря, ныне относится к Испании.

Мимоходом

Х. Порфирий Панасюк

Рус. вед. 1915. № 80 (9 апр.). С. 2.

Тит Ливий (Titus Livius) — один из известных римских историков, автор «Истории об основании города».

Плутарх — древнегреческий философ, биограф, моралист: был активным общественным деятелем, имел много учеников, стал жрецом храма Аполлона в Дельфах.

Муций Сцевола — согласно легенде, пытался убить этрусского царя Порсенна, но вместо него убил другого человека, одетого в пурпурную одежду. Чтобы доказать свою ошибку, положил руку на пылающий костер. Царь, сжалившись над юношей, сам отвел его от огня, и, испугавшись известия о готовящемся против него заговоре, прекратил войну.

Тургайская область — область в составе Российской империи (1868–1920). Находится в северо-восточной части Аральско-Каспийской низменности.

Фенимор Купер — американский романист и сатирик, классик приключенческой литературы. Был популярен в России в начале и середине XIX в.

Этюды с натуры

III. В штабном городке

Рус. вед. 1915. № 85 (15 апр.). С. 3.

Сварог Василий Семенович — художник. Военный корреспондент, участник многих товариществ художников, дипломант многих художественных премий.

«Климатическая станция» — курорт.

Польская «бабка» — блюдо из тертого картофеля, заправленного жареным салом, мясом и луком и запеченного в духовке.

Этюды с натуры IV. Солдаты на отдыхе

Рус. вед. 1915. № 91 (22 апр.). С. 2.

Литература в Перемышле

Рус. вед. 1915. № 88 (18 апр.). С. 5.

...с радиостанции *Норддейк*... — Norddeich Radio, немецкая береговая радиостанция в Восточной Фрисландии, создана в начале XX в.; осуществляла телеграммное сообщение с кораблями по всему миру.

Франц Иосиф I (Franz Joseph) — император Австрийской империи и король Богемии, позднее глава двуединого государства — Австро-Венгерской монархии. Правил 68 лет, его царствование — эпоха в истории народов, входивших в Дунайскую монархию. В 1871 г. Австро-Венгрия признает провозглашение Германской империи и вступает с ней в альянс. Это позволяет державе Франца Иосифа добиться усиления влияния на Балканах в ходе Русско-турецкой войны, что приводит в 1908 г. к аннексии Боснии. Последнее событие усугубило разногласия с Россией и Сербией и осложнило положение самой Австро-Венгрии. Сам Франц Иосиф не застал краха своей империи, он умер в 1916 г. в возрасте 86 лет.

...памятный для поляков день 29 ноября... — Имеется в виду Польское восстание 1830—1831 гг. В польской историографии — национально-освободительное восстание против власти Российской империи на территории Царства Польского, Литвы, частично Белоруссии, Правобережной Украины. Ноябрьской ночью вооруженные студенты напали на казармы гвардейских улан. Восставшие убили 6 польских генералов, сохранивших верность царю Константину Павловичу. Константин покинул Царство Польское, крепости были сданы полякам, вся территория Царства Польского была освобождена от русской власти.

Болеслав II Смелый — польский князь, с 1076 г. король. Участвовал в осаде Перемышля в годы своего правления, но не смог овладеть крепостью.

Русины (польск. Rusini) — группа восточнославянского населения, проживающая в Закарпатье, Восточной Словакии, Юго-Восточной Польше, в Сербии. Русинов относят как к украинцам, так и к самостоятельному этносу. Они признаются этническим меньшинством в Польше, Словакии, Чехии, Сербии и РФ.

Возрождение старины (От нашего корреспондента)

Рус. вед. 1915. № 100 (3 мая). С. 5.

...бомбардировка Дюнкерка... — Французский город-порт (1067) на берегу Ла-Манша неоднократно подвергался бомбардировкам в Первую мировую войну, был частично разрушен, но немцами не взят. Использовался как порт для связи с Англией, эвакуации раненых.

«Искрозный» телеграф — беспроволочным или «искрозным» телеграфом называлась радиосвязь в начале своего возникновения.

Розмысл — инженер (устар.).

Вейи — древний этрусский город, неоднократно подвергался осаде римлян, был взят на 9-й год последней осады с помощью подкопа, «розмысла».

Галлипольский полуостров — полуостров в европейской части Турции. В годы первой мировой войны там происходили ожесточенные бои между войсками блока Антанты и турецкими войсками.

«Освобожденный Иерусалим» — рыцарская поэма Торквато Тассо (1581).

Тридцатилетняя война (1618–1648) — последняя религиозная война в Европе, между протестантами и католиками.

...Скамандр (ныне Мендерес-гай)... — Река в северо-западной части Турции.

Камбиз — персидский царь (правл. 530–522 до н.э.), завоеватель Египта.

Страна драконов и василисков

Рус. вед. 1915. № 108 (13 мая). С. 4–5.

Василиск — мифологическое существо с головой петуха, туловищем и глазами жабы и хвостом змеи.

Калишская губерния — административная единица Царства Польского и Российской империи. Созданная в 1837 г., она затем вошла в состав Варшавской губернии. В 1867 г. была восстановлена в новых границах, с северо-запада примыкала к Пруссии.

Домбровский район — административный район на территории Домбровского угольного бассейна, входящего в состав Верхнесилезского угольного бассейна.

...в Домброве... — Очевидно, речь идет о городе Домброва-Гурница, крупнейшем промышленном центре Домбровского угольного бассейна, одном из крупных городов Силезского воеводства.

Лонгфелло Генри Уодсворт (1807—1882) — американский поэт, автор эпической поэмы «Песнь о Гайавате».

Мимоходом

XI. Вести из-под Шавлей

Рус. вед. 1915. № 112 (17 мая). С. 5.

Шавли (Шяуляй, Šiauliai) — город на севере Литвы, в марте 1915 г. разрушен немецкими войсками.

Вся Россия содрогнулась, прочтя о пытках Панасюка... — См. корреспонденцию Брюсова из цикла «Мимоходом»: Х. Порфирий Панасюк.

Пичуев — Иван Пичуев, казак станицы Полтавской 5-й сотни Уссурийского казачьего полка. Был взят в плен немцами на Нарвском фронте в ночь на 3 мая 1915 г. и подвергнут жестоким пыткам.

Штык-пила — одна из разновидностей штыка, примыкаемого к стволу огнестрельного оружия, принят на вооружение в германской армии с 1915 г., у кавалерии, технических войск и полевой артиллерии.

Карфаген — город на территории Туниса, основан в 814 г. до н.э., до своего разрушения римлянами в 146 г. до н.э., был столицей одноименного государства.

Фурманка — небольшая телега, обычно крытая, использовалась в крестьянских хозяйствах.

Окровоавленная Бельгия

Рус. вед. 1915. № 154 (5 июля). С. 5.

«Toute la Flandre» — сборник «Вся Фландрия» (1904—1911), на который Брюсов написал рецензию (Весы. 1904. № 5).

Нанси — город во Франции, регион Лотарингия; центр движения за возврат французских земель, утерянных в ходе Франко-прусской войны 1870–1871 гг., здесь был воздвигнут памятник утерянным провинциям, отошедшим к Германии. В 1914 г. около Нанси шли ожесточенные бои.

Кале — город-порт во Франции, у пролива Па-де-Кале. В годы Первой мировой войны город неоднократно подвергался бомбардировке. Департамент Па-де-Кале, в который входит Кале, был ареной многих кровопролитных сражений Первой мировой войны (битва при Аррасе, битва при Вими).

Фламмингандты — представители движения, выступавшего с требованием придания фламандскому языку в Бельгии статуса государственного наравне с французским.

Лейбниц Готфрид Вильгельм (1646–1716) — немецкий философ, логик, математик, физик, языковед и пр. Основатель и первый президент Берлинской академии наук.

Кант Иммануил (1724–1804) — немецкий философ, основатель немецкой классической философии.

Декарт Рене (1569–1650) — французский философ, математик, механик, физик и физиолог, создатель аналитической геометрии и современной алгебраической символики.

Геккель Эрнст (1834–1919) — немецкий естествоиспытатель и философ.

Дарвин Чарльз (1809–1882) — английский натуралист и путешественник, автор эволюционной теории о происхождении видов путем естественного отбора.

Кох Генрих Герман Роберт (1843–1910) — немецкий микробиолог, открыл бактерию сибирской язвы, холеры, туберкулезную палочку. Лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине 1905 г.

Беринг Эмиль (1854–1917) — немецкий врач, исследователь методов лечения дифтерии и столбняка, создатель противодифтерийной сыворотки. Лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине 1905 г.

Пастер Луи (1822–1895) — французский микробиолог и химик, один из основоположников микробиологии и иммунологии, создатель технологии пастеризации.

Ландскнехты — немецкие наемные пехотинцы периода Возрождения, отличавшиеся в войнах грабежами и разбоем.

...*Франция заставила полюбить себя в Савойе, Ментоне ~ и Эльзас.* — В. Брюсов перечисляет французские города, которые в разные исторические периоды были в составе Италии, княжества Монако, Германии, однако затем вошли в состав Франции. В период с 1870 по 1918 г. Страсбург и Эльзас по итогам Франко-прусской войны принадлежали Германии. В Первую мировую войну жители земли Эльзас-Лотарингия отказывались воевать в немецкой армии, их девизом было лаконичное «Без нас!».

Оствальд (Ostwald) Вильгельм Фридрих (1853–1932) — балтийский немец; физико-химик, философ-идеалист. Лауреат Нобелевской премии по химии 1909 г.

Ипр — город на северо-западе Бельгии, в годы Первой мировой войны ключевой пункт Западного фронта. Здесь развернулись три крупных сражения, во время которых немцы применили химическое оружие — хлор (1915) и горчичный газ (1917), получивший впоследствии название иприт, по имени города. У въезда в город воздвигнута триумфальная арка — Мененские ворота в память о 54 тыс. погибших в Первую мировую войну.

...*запрестольный образ «Поклонение волхвов» был кисти Йорданса...* — Якоб Йорданс (Jacob Jordaens, 1593–1678), художник, один из выдающихся представителей фламандского барокко.

Подготовка текста и комментарии Э.С. Даниэлян